

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 12.04.2017 г.

Формат 70×108^{1/16}

Усл. п. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Заказ № 860/861.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ

Чупров Александр Степанович
Единство и многообразие форм
бытия человека 7

**Зырянов Сергей Григорьевич,
Лукин Анатолий Николаевич**
Основные функции гражданского
общества: теоретический аспект 15

Подопригора Александр Васильевич
Гнездо «Черного лебедя»: особенности и риски социальных измерений в сетевом обществе 21

**Меркулов Павел Александрович,
Проказина Наталья Васильевна,
Исаев Алексей Владимирович**
Межэтническая толерантность
молодёжи российской провинции
в условиях интенсификации
миграционных потоков 28

ВЛАСТЬ

Беляев Александр Васильевич
Выборы на Ставрополье: голосуют,
когда доверяют 34

**Мартьянов Виктор Сергеевич,
Панкевич Наталья Владимировна,
Старцев Ярослав Юрьевич,
Эмих Валентина Викторовна**
Интересы мировых держав в Арктике:
по результатам мониторинга
ведущих СМИ 41

Белолипецкая Гюзелия Сагидуллоевна
Реализация государственной
политики в сфере
защиты детей-сирот и детей,
оставшихся без попечения родителей:
тенденции и перспективы 53

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И.В. Лаврентьева* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Несмашный Алексей Олегович Публикация отозвана
Интернет-технологии в политике и 23.05.2023
политические информационные
интернет-технологии: различия
в сущности и содержании понятий59

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Сюндюков Владимир Георгиевич
Анализ пространственного социально-
экономического развития в контексте
искусственного интеллекта65

**Новиков Александр Иванович,
Кулагин Алексей Валерьевич**
Оценка инновационной активности
региона (на примере Владимирской
области)71

Шаврина Юлия Олеговна
Государственная поддержка
в качестве условия предотвращения
финансовой несостоятельности
сельскохозяйственных организаций78

КУЛЬТУРА

Павлов Александр Валентинович
Перспектива неомодерна.
Философия новой эпохи 85

Мальцев Ярослав Владимирович
Субъект и Реальное (попытка
спасти картезианского субъекта
от бессознательного) 91

Дыдров Артур Александрович
Синергия гуманитаризации
и футуризации как условие
функционирования
интерпретационной машины96

**Скиперских
Александр Владимирович**
Два Пугачёва: наказание
и помилование в русской культуре 101

**Баркова Валентина Васильевна,
Цилицкий Виталий Сергеевич**
Социальная индивидуализация
как базис тьюторского сопровождения:
социально-философский
аспект проблемы107

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.11 – Социальная философия.
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.
Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

Цена свободная
**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Зозуля Ольга Юрьевна, Зозуля Юрий Иванович, Клебанов Игорь Иосифович

Теория и практика логико-семантического моделирования и философского консультирования в педагогической работе с молодыми художниками. Часть 1 113

ИСТОРИЯ

Коршунова Надежда Владимировна

Дворцовые перевороты как инструмент утверждения абсолютной монархии в России в XVIII – начале XIX века 118

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Борисов Сергей Валентинович

Что такое «философское партнерство» и как его практиковать (Рецензия на книгу: Lahav R. Handbook of Philosophical-Contemplative Companionship: Principles, Procedures, Exercises. – Chieti: Solfanelli, 2016. – 72 p. – ISBN 978-88-7497-988-2) 123

Давыдов Дмитрий Александрович

Мирополитика: реальная возможность или утопический идеал? (Рецензия на коллективную монографию под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана «Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ» (М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.) 130

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Copublisher – South Ural State Humanitarian Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
(Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
(Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylynykh
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
(Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 12.04.2017 r.
Format 70x108^{1/16}
Reference sheet area 8,75. Issues – 500.
Order № 860/861.

Designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIETY

Chuprov Alexander Stepanovich

Unity and diversity of forms
of human being 7

**Zyryanov Sergey Grigoryevich,
Lukin Anatoly Nikolaevich**

Main functions of civil society:
theoretical aspect 15

Podoprigora Aleksandr Vasilyevich

“The Black Swan” nest: peculiarities
and risks of social monitoring
in a network society 21

**Merkulov Pavel Aleksandrovich,
Prokazina Natalya Vasilyevna,
Isaev Alexey Vladimirovich**

Inter-ethnic tolerance of the youth
of Russian boondocks in the context
of intensifying migration flow 28

POWER

Belyaev Aleksander Vasilyevich

Elections in the Stavropol territory:
people vote when they trust 34

**Martianov Victor Sergeevich,
Pankevich Natalia Vladimirovna,
Startsev Yaroslav Yurievich,
Emikh Valentina Victorovna**

Interests of the world powers
in the Arctic zone: the results
of the monitoring of the leading
media 41

Belolipetskaya Guzelia Sagidullova

Implementing state policy
in the sphere of protecting
orphaned children and children
deprived of parental care:
tendencies and prospects 53

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., Professor
(Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., Professor
(Uppsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza – Ph. D., Professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc.
(Almaty, Kazahstan)
L.M. Mutaliev – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazahstan)
I.V. Lavrentyeva – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Ph. D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Nesmarshny Alexey Olegovich

Retracted 23.05.2023

Internet-technologies in politics
and political information Internet-
technologies: differences in essence
and content of the notions 59

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Syundyukov Vladimir Georgievich

Analysis of spacial social and
economic development in the
context of artificial intelligence 65

**Novikov Aleksander Ivanovich,
Kulagin Alexey Valeryevich**

Evaluating innovative activity
of a region (as exemplified by
Vladimir region) 71

Shavrina Yuliya Olegovna

State support as a means
of preventing financial
insolvency of agricultural
organizations 78

CULTURE

Pavlov Aleksander Valentinovich

Prospects of neomodernism.
Philosophy of new epoch 85

Maltsev Yaroslav Vladimirovich

The subject and the real
(an attempt to save Cartesian
subject from irrationality) 91

Dydrov Artur Alexandrovich

Synergy of humanitarization
and futurization as a condition
for the functioning
of the interpretational machine 96

Skiperskikh Aleksander Vladimirovich

Two Pugachevs: punishment
and pardon in Russian culture101

**Barkova Valentina Vasilyevna,
Tsilitkiy Vitaliy Sergeevich**

Social individualization as a basis
of tutor assistance: social
and philosophical aspect
of the problem107

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

**Zozulya Olga Yuryevna,
Zozulya Yuriy Ivanovich,
Klebanov Igor Iosifovich**

Theory and practice of logical and semantic modeling and philosophic consulting in training young artists.

Part I 113

HISTORY

Korshunova Nadezhda Vladimirovna

Palace coups as a tool for establishing absolute monarchy in Russia in XVIII – the beginning of XIX centuries 118

CRITICISM AND REVIEWS

Borisov Sergey Valentinovich

What is “philosophical partnership” and how to practice it123

Davydov Dmitriy Aleksandrovich

World politics: real possibility or utopic ideal? 130

УДК 101.1:316 + 123.1 + 14

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Чупров Александр Степанович,
Благовещенский государственный
педагогический университет,
доктор философских наук, профессор,
г. Благовещенск, Россия.
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены единство и многообразие форм и уровней бытия человека, а также их принципы и диалектика. В соответствии с четырьмя уровнями бытия человека (материально-вещественным, родовым, социально-историческим и духовно-личностным) определены четыре «ипостасии» человека: вещь, производное Космоса; индивид, представитель человеческого рода; субъект, «продукт» социализации и человеческой истории; личность как явленность абсолютного в относительном, духовного в функционально-телесном. Кроме того, дана критика онтологического нигилизма в понимании человека.

Ключевые понятия:
человек,
антропология,
формы бытия,
личность,
онтологический нигилизм.

Вопрос о предельных основаниях бытия человека, как и мироздания в целом, не имеет однозначного и научно достоверного решения. Это вечная тайна, которую человеку разгадать, по-видимому, не дано. Но люди охотно полагают и постулируют эти основания, апеллируя к извечности *идей*, мировой *воле*, всеобщей *чувственности* или тотальности *материи*. Основание всего сущего всякий раз отодвигается в недоступную для проверки нашими органами чувств реальность, скрытую покрывалом богини Майи, небытию, абсолютному ничто, Атману, Дао, Единому, Духу, Богу, Абсолюту. Недоказуемость таких постулатов очевидна, но они достаточно правдоподобны и логичны, чтобы поверить в них, удовлетворяя таким образом неизбывную потребность человека «докопаться до сути», чтобы обрести душевный покой, или, напротив, воодушевиться и подчинить свою жизнь и даже смерть утверждению своей веры.

Впрочем, в повседневной жизни человеку вполне хватает констатации очевидного следствия из этого таинственного основания: есть Я и есть не-Я, то есть мир, данный нам эмпирически, включая наше собственное тело. При этом вопрос о действительности или иллюзорности универсума людей мало волнует по той простой причине, что он вообще не имеет *практического* смысла. Так называемый солипсизм – лишь философский прием, наиболее последовательно примененный Иоганном Фихте (1762–1814). Во всех других случаях это вопрос не философии, а *психиатрии*.

Универсум для человека, как и человек для самого себя, есть. Опровергнуть эту самочевидность, т.е. *доказать отсутствие* универсума и Я для человека, невозможно в принципе. Поэтому совсем нет нужды апеллировать к декартовскому Cogito, чтобы сначала с уверенностью констатировать существование мыслящего Я, а затем, преодолевая всякие сомнения, доказывать бытие мира и Бога.

Как показал И. Кант (1724–1804), ко-ренная ошибка Декарта (1596–1650) состояла в том, что он отождествил *способность* мышления с мыслящим Я. В то время как человек не только мыслит, но и хочет, чувствует, страдает, радуется, верит, ошибается и даже сходит с ума. И каждая такая «акциденция» человеческого Я для человека ничуть не менее достоверна, чем его спо-

способность мыслить, и столь же убедительна в качестве аргумента в пользу действительного существования Я и противостоящему ему миру не-Я. Я существует не потому, что оно мыслит. Оно мыслит, потому что существует, и с помощью мышления, *хотя не только его*, удостоверяется в своем существовании.

И. Кант выделил разум в качестве высшей интеллектуальной деятельности, присущей только человеку, на том основании, что человек способен продуцировать понятия, идеи и идеалы, предмет которых не может дан в чувственном опыте. Таковы понятия «души», «мира как целого» и «бога» [5. 218–238]. Задача разума (в отличие от рассудка) состоит не в том, чтобы раскладывать «по слогам» данные органов чувств, а обеспечивать единство апперцепции, в сущности, единство сознания индивида, благодаря чему человек, будучи «*homo sapiens*», может быть не только человеком познающим, но и человеком нравственным, иметь систему ценностей, верить в Бога и надеяться на бессмертие собственной души.

Однако существование самого разума у Канта выглядит алогично, то есть он никак не выводим из чувственно-рассудочной картины мира, которую он по идее и должен был привести к выводу о единстве познающего субъекта и мира, данного в чувственном опыте. Тогда как бытие, которое и могло бы рассматриваться как основание трансцендентного Я, признано Кантом в принципе непознаваемым.

Полностью преодолеть кантовский агностицизм невозможно. Это не удалось ни объективному идеалисту Гегелю, ни субъективному идеалисту Шопенгауэру, ни материалистам Марксу с Энгельсом, ни религиозным мыслителям, но и принять агностицизм тоже нельзя, поскольку допустить существование человеческого разума, как смыслообразующей интеллектуальной деятельности, без признания реальности трансцендентного Я невозможно в принципе. Ни логически, ни интуитивно, ни эмпирически. Однако правда тут – не на стороне Декарта, как может показаться на первый взгляд, но и не на стороне Канта.

Похоже, наиболее убедительную версию самоочевидности трансцендентного Я выдвинул, как это ни удивительно, ярый противник его существования А. Шопенгауэр в своем учении о мировой воле. Но с одной поправкой. Воля – это не «безмоз-

глая дура», которая не ведает, что творит, как считал Шопенгауэр. Воля к бытию в качестве *интуиции* первой и удостоверяет человеку его бытие-существование.

Отрицать бытие человеческого Я невозможно в силу его особенной самоочевидности для каждого. Это не самоочевидность того, что круг – круглый, или очевидность принадлежности нам тела и наших способностей. Самоочевидность Я – это *интуитивное* удостоверение каждым самого себя в качестве сущего.

Несмотря на самоочевидность для каждого, человеческое Я *трансцендентно*, поэтому находится за пределами возможного познания посредством ощущений (зрения, слуха, обоняния и т.д.). Подобно тому, как глаз видит многое, но не способен видеть самого себя, эмпирически определить трансцендентное Я как некий физический объект невозможно. Для этого оно как минимум должно превратиться в физический объект, поэтому на уровне мышления его можно и нужно только *полагать*.

Онтологические принципы бытия человека

Человеческое Я можно уподобить лейбницевской *монаде* (от греч. μονάς, родит. падеж μονάδος – единица, единое; лат. *monas* – неделимое несоставное единство, мера и прообраз числа). Уже сам древнегреческий термин «монада», использованный Г. Лейбницем (1646–1716) в его «Монадологии» (1714) для обозначения центрального понятия своей философской системы, указывает на онтологическую *автономность* этой «единицы» бытия. При этом Лейбниц подчеркивал неповторимость, или *уникальность*, каждой монады, которая «...необходимо должна быть отлична от другой. Ибо никогда не бывает в природе двух существ, которые были бы совершенно одно, как другое» [6]. Наконец (и это главное), характеризуя бытие монады, Лейбниц отождествляет ее с аристотелевской *энтелехией* как переходом от абстрактной потенции (возможности) к проявленной энергии, причину самой себя и цель своего развития [1.808–810].

Важно подчеркнуть, что *понятие* монады, как принципа единства, стабильности и формы, еще у пифагорейцев и платоников предполагало наличие *диады* как принципа неопределенности, неоформленности,

множества и материальной текучести [8]. Эта идея диады получила свое развитие у римского христианского теолога Северина Бозция (480–524) и схоласта Гильберта Порретанского (1085–1154) в понятии *субсистенция* [8], несправедливо забытого и даже «забытого» понятием «экзистенция», которое мало что говорит нам о личности, кроме ее внутренних переживаний в пограничных ситуациях, в которых (парадокс) личные переживания есть, а личности – как телесно-духовного единства – нет.

Применительно к нашей ситуации это означает, что понятие трансцендентного Я изначально предполагает помимо него диаду, а, следовательно, наличие вечно изменяющегося *материального* мира.

Трансцендентное Я – это то, благодаря чему каждый из нас *есть* как человек. Иначе говоря, трансцендентное Я – это мы сами как наша сущность, причина, возможность и конечная цель нашего существования. Но у *возможности* есть один «недостаток»: она, говоря словами Гегеля, не имеет статуса бытия. Для обретения статуса бытия человеческому Я нужна еще и *воля*, поэтому наше Я прежде всего хочет *быть*.

Гений А. Шопенгауэра состоял в том, что он поставил волю к бытию впереди мышления и чувственности, хотя воля была понята им крайне односторонне: лишь как стремление к бытию. Мы же понимаем волю не только как *способность желания быть*, но и противоречивое единство *свободы, энергии и усилия быть*. Именно благодаря этому наше Я хочет и может самоутверждаться и становится *действительным*, причем исключительно через *земное существование*, каким бы несовершенным, проклятым, несчастным и низменным кому-то оно ни казалось.

Собственно, эти четыре понятия (монада, диада, энтелехия и воля) выражают главные принципы бытия человека. В соответствии с ними трансцендентное Я обретает свою действительность в *Я эмпирическом*, в том, что И. Кант называл эмпирической апперцепцией, которая представляет собой субъективное единство сознания как *осознание единства* непрерывно меняющихся *психических состояний* [5, с. 70].

Что бы ни происходило с человеком, как бы ни менялись его характер, ощущение и эмоции, оценки, взгляды на жизнь, отношение к происходящему, он на протяжении всей своей жизни чувствует и отдает себе отчет не только в происходящих изме-

нениях, но и в том, что всё *это происходит с ним самим, причем одним и тем же*: и в детстве, и в юности, и в зрелом возрасте, и в старости. Исключением может быть разве что человек с тяжелой формой шизофрении как *раздвоенностью* личности.

Поскольку существование – это не только явление сущности, но прежде всего *форма* бытия, неправомерно противопоставлять некое «подлинное» бытие существованию как чему-то ненастоящему, второсортному, несущественному. Ведь именно форма *держит* содержание. В этом отношении, уж если вести бессмысленный спор в духе «табели о рангах», то как раз существование должно иметь статус более высокий, чем некое таинственное бытие, с высоты своего положения презрительно поглядывающее на ничтожность реальной жизни смертного человека со всеми его заблуждениями, слабостями и пороками. Очевидно, есть какой-то баланс между бытием и существованием, позволяющий *бытию существовать, а существованию быть*. Иначе говоря, наша экзистенция всегда уравнивается субсистенций – основой нашего личного, уникального бытия. В противном случае не было бы ни первого, ни второго. В нашем случае – ни трансцендентного Я, ни Я эмпирического.

Благодаря трансцендентному Я человеку присуще то, что Хельмут Плеснер (1892–1985) назвал свойственной лишь человеку *эксцентрической, то есть выходящей за центр самого себя, позиционностью* [7, с. 127–128]. Речь идет о том, что человек смотрит на себя *как бы со стороны*, из *небытия*, как полагали и сам Х. Плеснер, и отчасти его современник и соотечественник Мартин Хайдеггер (1889–1976). Действительно, если наш земной физический мир – это бытие как наличие чего-то, то чем иным может быть что-то противоположное, как *небытием*? Ведь все мы выходим из *небытия* и, пройдя земной путь, возвращаемся в *небытие*. Предположение вполне логичное, но далеко не бесспорное, чреватое «западной» онтологического нигилизма, в которую в свое время попал А. Шопенгауэр.

Вряд ли Плеснера (как и Хайдеггера) нужно записывать в сторонники шопенгауэровского нигилизма. Скорее, его позицию в понимании сущности человека можно было бы определить как своеобразный «бытийственный дуализм», в котором бытие и небытие человека как бы разведено «по разным квартирам». Эдакий

платонизм наоборот: у Платона мир (или царство) идей был подлинным бытием, а мир материальный, скорее, – небытием. У Плеснера же, наоборот, органическое (тело) – это бытие, а невещественное Я – небытие. Нечто похожее и у М. Хайдеггера: человек, заброшенный в Ничто, благодаря своему сознанию, языку, способности смыслообразования (интенциональности) превращает свое существование в бытие, или как минимум высвечивает (размыкает) это бытие.

Но в обоих случаях такой «бытийственный» дуализм сродни «онтологическому расизму»: один из двух миров неизбежно оказывается «ничем» и «никаким», в лучшем случае – бытием второго сорта, промежуточной остановкой, неким онтологическим отбросом, ради которого и жить-то не стоит. Поэтому нам гораздо ближе онтологическая «схема» Николая Кузанского (1401–1464), сходная с аристотелевской энтелехией, согласно которому Бог есть бесконечная возможность бытия, тогда как мир земной есть та или иная степень реализации этой возможности. Но сейчас мы говорим не о Боге, а об *онтологических принципах бытия человека*.

Онтологический нигилизм в понимании человека и его судствия

Что же касается онтологического нигилизма, о котором мы упомянули в связи с А. Шопенгауэром, то это, говоря словами Г. Гегеля, *первоначальное* и потому *еще только отрицательное* самоопределение духа [4, с. 479].

Человек, как явление духа, чтобы *быть*, стремится *самоопределиваться*. Для этого он должен подвергнуть *отрицанию* (как бы отсечь) всё то, что не является им самим. Говоря языком Фихте, Я, самоутверждаясь, противопоставляет себя и отрицает всё то, что для него есть не-Я. Так же поступает подросток, который, самоутверждаясь, отрицает обычаи и традиции предков, вкусы своих родителей и их систему ценностей, а собственные представления о жизни у него еще не сложились.

Однако отрицание – это лишь момент в определении *качества* (или в данном случае самоопределении человека), которое, согласно Канту, есть последовательность: 1) утверждения; 2) отрицания; 3) ограни-

чения [5, с. 81]. Нигилизм вырывает второй момент из общей цепи определения качества и абсолютизирует его, *воображая*, что не было первого момента и никогда не наступит третий. Отсюда вывод: всё – это Абсолютное Ничто.

В нигилистическом понимании сущности человека смущает уже его нелогичность. Действительно, как небытие (или ничто) стало тем, кем мы себя знаем и чувствуем? Как оно вообще могло стать хоть чем-то, хотя бы (на худой конец) иллюзией? У небытия есть только одна, но очень важная функция – придавать *определенность* бытию, то есть качеству.

Небытие – это отнюдь не что-то потустороннее. Это «контур» вещей, хотя и не аристотелевская форма как идея вещи, ибо тут форма лишена всякого самостоятельного бытия. Это лишь граница, где заканчивается одно и начинается другое. Бытие без небытия есть Хаос. Нечто неоформленное. Небытие, таким образом, есть *обязательный момент* определенного в своем качестве и количестве бытия. Но само по себе небытие относительно и даже ничтожно. Поэтому ничто способно породить только ничто. Нечто – хоть что-то. Согласно Библии, Бог, творя мир из ничего, творит его своим словом и духом. Тут первопричина и источник мира – Бог, а не ничто, которое для Бога не более чем «подручный материал». Тот самый «контур» вещи.

Делать из ничто (небытия) первопричину, источник и конечную цель всего и вся в теоретическом отношении нелогично, а в нравственно-практическом отношении рискованно, а может быть, и безнравственно, поскольку в этой «нигилистической» логике мир и Бог есть иллюзия и «по совместительству» тотальное *зло*, то есть нечто не должное, достойное гибели и возвращения в своё исходное состояние, то есть в небытие или Абсолютное Ничто. Такой мир и в самом деле не жалко, потому что жалеть попросту нечего, поскольку в *таком* мире ничто и никто *не имеет ценности*.

При внешнем сходстве абсолютного нигилизма как принципа философствования и мировоззрения с апофатическим богословием, направленного на то, чтобы выразить сущность Бога путем отрицания всех возможных определений, как несоизмеримых с его природой (Бог предстает как принципиально невыразимое), в абсолютном нигилизме нет ничего святого. Не только потому, что ничто и никто не

имеет ценности, но еще и потому, что в нем *нет места* для святого. В абсолютном нигилизме место Абсолюта объявлено или «по умолчанию» (по принципу «свято место пусто не бывает») занимает отнюдь не трансцендентное, а имманентное я, то есть психофизическое самочувствие конкретного, склонного к истерике философа, несчастного в неизбывном чувстве собственного одиночества и страха.

Методология абсолютного нигилизма чрезвычайно примитивна и неразумна. Это попытка разрубить магнит, отбросив в сторону положительный полюс, сохранив отрицательный. Это можно продолжать бесконечно (как в зеноновской апории «дихотомия»), поскольку тотчас появляется полюс положительный, коим всякий раз на самом деле оказывается не Абсолют, а авторское самомнение, для которого у автора, при всех оговорках, непременно найдутся слова утешения, поддержки, нарциссизм и даже мания величия. Авторское я, умозрительно спроецированное на Абсолют в виде Абсолютного Ничто, ничего не освящает, а только *ничтожит* (разумеется, лишь в его воображении) абсолютно всё как некий мираж, иллюзию, самообман или гипнотический сон.

В этом случае, если быть параноидально-последовательным, мы должны оправдать и даже желать смерти всему, что хотя бы подает признаки жизни, провоцировать суицид, разрушать то, что еще не развалилось само собой.

В системе ценностей-антиценностей, как бы мы ни старались, нам не удастся оказаться чудесным образом «по ту сторону добра и зла», как грезил Ницше. На практике мы просто вынуждены очень тупо, как в сказке Джани Родари «Джельсомино в стране лжецов», поменять местами добро и зло, жизнь и смерть, правду и ложь, здоровье и болезнь, счастье и несчастье, любовь и ненависть, доверие и подозрительность, добродетели и пороки (например, скромность и распущенность), прощение и злопамятность, открытость сменить на скрытность, честность – на коварное вероломство.

Мы будем должны отказаться от надежды, осудив оптимизм как глупость и зло, заменив его «восхитительным» песимизмом. Презреть все традиционные ценности, всё, что касается традиции, почвы, родины, предков, родства, женщины-матери, потомства. Прекрасное заменить

уродливым, святое профанировать и начать проповедовать сатанизм в самых разных его формах: от безобидных детских «страшилок» и глуповатых юношеских увлечений всякого рода шизофренически-параноидальными учениями, обрядами и аксессуарами до маниакальных планов взрослых социопатов по истреблению человеческого рода. Вот что *на практике* означает утверждение небытия источником и конечной целью всего сущего.

Впрочем, обладатели «несчастливого, само себя чувствующего мышления» (Гегель), склонные к онтологическому нигилизму, всего лишь гипертрофированно, как, например, Шопенгауэр, Ницше или Виталий Самойлов [3], выражает «боль и суету мира» (Бердяев), противоречивость и драматизм существования вообще. Но главное достоинство нигилизма можно усмотреть в том, что тотальный протест против *недолжного* провоцирует здорового и сильного, умного и нравственного человека *преодолевать* всё то, что, действительно, *не должно быть*, хотя и существует.

Кроме того, проповедникам онтологического нигилизма можно поставить в заслугу очищение «Авгиевых конюшен» нашего существования от завалов из иллюзий, обмана и самообмана, которые – в силу самых разных причин, о которых писал еще Френсис Бэкон (1561–1626) [2, с. 18–20], – так склонны плодить люди. Но от иллюзий есть смысл избавляться только для того, чтобы, во-первых, уберечь себя как от внешних опасностей, так и саморазрушения; во-вторых, увидеть мир в его первозданной чистоте и радости, а вовсе не для того, чтобы с прискорбием и отчаянием обнаружить, что, кроме грязи, обмана и неизбежной гибели, в этом мире ничего нет. Абсолютно ничего.

Сегодня, как и во все времена, есть немало невротических певцов «религии смерти», всё и всех презирающих за имманентизм (понимаемый ими крайне примитивно и даже извращенно – как мещанское самодовольство и ограниченность), мнящих себя всё понимающими гениями. То, что эти интеллектуалы просто проповедуют, отнюдь не интеллектуальные отморозки реализуют физически.

В силу отсутствия каких-либо морально-нравственных ограничений и, главное, в ситуации безнаказанности (например, в тюрьме, на зоне, на оккупированной тер-

ритории, наконец, при наличии огромной власти и немереных денег, с помощью которых можно купить любого «честного» судью или просто утроить собственное «правосудие» вроде Гаагского трибунала), они грабят, насилуют, пытаются, убивают всё, что живёт (как правило, слабое и беззащитное). С виду нормальный и даже эстетически утонченный человек превращается в вандала, разрушающего или воруящего памятники культуры, садиста, насильника, убийцу и людоеда. Порой его еще и в герои или «авторитеты» возводят, хотя он не является ни героем, ни авторитетом, ни даже зверем. Он просто – существо, потерявшее человеческий облик. Такова практика онтологического нигилизма.

Бытийственность статуса человеческого Я и его отношение к Абсолюту

Бытие Я субъектно (от лат.: sub – под, ест – быть, бытие). Бытие мира – объектно (от лат.: ob – на, над). Это означает, что Я находится как бы в основании бытия человека, а мир, явленный человеку, – над или, точнее, на поверхности бытия. Однако человеческое Я – это не Абсолют (Бог) как основание и содержание всего сущего. Трансцендентное Я, хотя и полагается человеком как нечто *субстанционально родственное* Абсолюту (например, согласно Библии, человек сотворен по образу Бога), но им быть не может. В противном случае, между Я и не-Я не были бы возможны никакие *отношения* (ни противоположности, ни единства), а стало быть, у человека не было бы ни воли, ни чувственности, ни мышления. Иначе говоря, человек не только не был бы человеком, но вообще никогда не появлялся.

Абсолют же – это взыскуемое человеком *общее основание*, «обеспечивающее» взаимоотношение человека и мира, *единство* Я и не-Я. Основание, которое человек, познающий интуитивно, «ищет» как некий «идеал чистого разума» (И. Кант). Конкретно-историческое воплощение этого идеала мы видим в представлениях людей о едином божестве (Боге) со всеми приписываемыми ему атрибутами. Такими как всемогущество, абсолютная истина, высшее благо, абсолютное бытие, бесконечная возможность, причина причин и конечная цель всего, и даже, как настаивает апофа-

тическое (отрицательное) богословие, его абсолютная неопределяемость никакими доступными человеку средствами (именами, слова, образами).

Формы бытия человека

Бытие человека – это, собственно, *единство его внутреннего Я и противостоящего ему внешнего мира*.

Чисто эмпирически можно констатировать четыре основные формы (или уровни) бытия человека, каждую из которых можно детализировать практически до бесконечности: физическое (материально-вещественное), родовое, или индивидуально-биологическое, социально-историческое и духовно-личностное. В соответствии с этими формами человек есть единство четырех его «ипостасей»:

1) как *вещь*, производное Космоса, и одновременно его противоположность – как нечто отдельное, временное и ограниченное в пространстве;

2) как *индивид*, представитель человеческого рода, порождение его, и одновременно его противоположность (отрицание, говоря на манер Гегеля) – как нечто относительно независимое от рода и имманентное (замкнутое на себе самом) в своем существовании;

3) как *субъект*, «продукт» социализации и человеческой истории, и одновременно противоположность социуму в качестве самодетального и самоопределяющегося существа;

4) как *личность*, явленность абсолютного в относительном, безусловного в обусловленном, духовного в функциональном, таинственного в очевидном.

В этой «четвернице» форм бытия человека при желании нетрудно усмотреть соответствие «первостихиям» мироздания: вещь – *земля*, материя, чувственность; индивид – *вода*, энергия, воля, жизнь; субъект – *воздух*, структурность, информация, смерть; личность – *огонь*, отношение, идея, вечность.

Наконец, обратим внимание и на своеобразную ритмичность в последовательности форм человеческого бытия. Так, человек-как-субъект повторяет человека-как-вещь: для обоих характерна «*овнешвленность*» и *страдательность* их бытия. Человек-как-личность повторяет человека-как-индивида: для обоих состояний ха-

рактерно *проживание и переживание мира через себя и в себе*, о чем более подробно будет сказано ниже.

Диалектика форм бытия человека

Поскольку единство бытия человека не только многообразно, но и противоречиво, возможно говорить о человеческом бытии как о *диалектическом* становлении (или существовании) посредством самоутверждения и самоотрицания: от «вещности» до обнаружения трансцендентного Я в духовном. Однако было бы неверно представлять четыре уровня бытия человека так, как будто в начале нечто неживое оживает, затем социализируется и, наконец, становится духовным, хотя в эволюционно-историческом становлении человеческого рода, как и в филогенезе, вероятно, что-то похожее происходило и происходит. Но тут речь идет не о временной последовательности, а о *понятийно-логической*, которая отражает то, что есть *всегда и одновременно* в каждое мгновение существования каждого человека.

Итак, перед нами четыре формы бытия человека (вещь – индивид – субъект – личность) и, соответственно, – три переходных состояния (от вещи к индивиду, от индивиду к субъекту, от субъекта к личности).

Есть соблазн представить единство четырех основных форм бытия человека в духе диалектического панлогизма Гегеля, то есть в виде цепочки состояний и противостояний, интегралом которых будет постоянное *восхождение* человека от вещи к личности через три промежуточных этапа становления.

Действительно, всякая вещь противостоит Космосу, как часть целому, конечное – бесконечному, временное – вечному, неживое – живому (ведь Космос включает в себя формы живой материи как минимум на Земле). В процессе разрешения этого противоречия – путем становления – мы получаем их синтез или, точнее, *контр-тезис*¹ вещи, а именно индивид.

Затем начинается новый виток спирали. Индивид, как нечто биологическое, порождение и одновременно противоположность человеческому роду, в процессе становления предстает как контр-тезис индивиду – самодетальный субъект.

На следующем витке спирали человек-субъект, ставший *функцией* социального бытия, как небιологической (и в этом смысле неживой) системы общественных отношений, лишенной какой-либо вещественности, находится в единстве и противоположности с ним. Противостояние субъекта социально-исторической форме своего бытия разрешается появлением контр-тезиса социальному субъекту, а именно личности.

Понятно, что прописанная диалектика становления и самоотрицания в бытии человека – не более чем *логическая схема*. Она не дает ответа на вопросы: «А почему и как в человеке – причем одновременно – неживое (атомы, молекулы, вещества, воздух, вода, пища и т.д.) становится живым, живое – разумным и социально-историческим, а это, в свою очередь, – духовным?»

К середине XIX столетия эти и другие вопросы, касающиеся сущности и практики человека, общества и его истории, «взорвали гегелевскую систему изнутри» (Ф. Энгельс). На смену ей пришли иные учения: волюнтаризм А. Шопенгауэра, экзистенциализм С. Кьеркегора, позитивизм Огюста Конта, антропологический материализм Л. Фейербаха, исторический материализм К. Маркса. Позже появились учения «физиологических» виталистов и философов жизни, феноменологов и экзистенциалистов, антропологов и постмодернистов XX века. Но и они не давали исчерпывающие и бесспорные ответы на вечные вопросы бытия человека и мира. Как остроумно заметил Жан-Поль Сартр, Маркс может объяснить, почему этот человек – буржуа, но почему этот буржуа – человек, не может.

Очевидно, ответы на эти вопросы может перманентно давать только вся практически бесконечная совокупность непрестанно изменяющихся знаний о мире и о человеке. Можно лишь предположить – в духе учения Аристотеля об энтелехии или арабского мыслителя Ибн-Рушда (Аверроэса, 1126–1198) о Боге (Абсолюте), что есть некая трансцендентная сила, которая с необходимостью превращает материально обусловленную возможность человека в действительность. Но тут мы опять упираемся в тайну бытия человека и мира.

¹ Использовать в данном контексте термин «контр-тезис» в таком *диалектическом*, а не формально-логическом значении предложил мой студент Олег Яценко.

Бытие Вселенной, жизни, человека и духовности по-прежнему предстают как четыре «обыкновенных чуда», игнорировать которые невозможно в принципе в силу их очевидности, но и дать исчерпывающее рационально-логическое объяснение их бытию тоже невозможно, а может быть, асимптотический процесс разгадывания этих тайн важнее и ценнее окончательной разгадки.

1. Античная философия [Текст]: Энциклопедический словарь. М., 2008. 896 с.
2. Бэкон, Ф. Новый органон [Текст] / Ф. Бэкон. Соч. в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 575 с.
3. Виталий, Самойлов. Иная вещь [Электронный ресурс]. URL: https://ridero.ru/books/inaya_vest/ (дата обращения: 08.02.2017).
4. Гегель, Г. Философия религии [Текст] / Г. Гегель. Т. 1. М.: Мысль, 1974. 534 с.
5. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. М., 1998. 592 с.
6. Лейбниц, Г. Монадология [Электронный ресурс]. URL: http://www.libok.net/writer/4034/kniga/11627/leybnits/_gv/read (дата обращения: 08.02.2017).
7. Плеснер, Х. Ступени органического и человек [Текст] Х. Плеснер // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
8. Dic. Academic. Ru [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/98487/%D0%A1%D1%83%D0%B1%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 08.02.2017).

References

1. Antichnaya filosofiya (2008). Enciklopedicheskij slovar'. Moscow, 896 p. [in Rus].
2. Behkon F. (1978) Novyj organon. Soch. v dvuh tomah. T.2. Moscow, Mysl', 575 p. [in Rus].
3. Vitalij Samojlov. Inaya vest', available at: https://ridero.ru/books/inaya_vest/ (accessed 08.02.2017) [in Rus].
4. Gegel' G. (1974) Filosofiya religii. T.1. Moscow, Mysl', 534 p. [in Rus].
5. Kant I. (1998) Kritika chistogo razuma. Moscow, 592 p. [in Rus].
6. Lejbnic G. Monadologiya, available at: http://www.libok.net/writer/4034/kniga/11627/leybnits/_gv/read (accessed 08.02.2017) [in Rus].
7. Plesner H. (1988) Stupeni organicheskogo i chelovek // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: Perevody / sost. i poslesl. P.S. Gurevicha; obshch. red. YU.N. Popova. Moscow, Progress, 552 p. [in Rus].
8. Dic. Academic. Ru, available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/98487/%D0%A1%D1%83%D0%B1%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F> (accessed 08.02.2017) [in Eng].

UDC 101.1:316 + 123.1 + 14

UNITY AND DIVERSITY OF FORMS OF HUMAN BEING

Chuprov Alexander Stepanovich,
State Pedagogical University
of Blagoveshchensk,
Doctor of Philosophy, Professor,
Blagoveshchensk, Russia.
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Annotation

The article describes the unity and diversity of forms and levels of human being, as well as their principles and dialectics. In accordance with the four levels of human existence (material; generic; socio-historical and spiritual) the author define four "hypostases" of a man: a thing as a derivative of the cosmos; an individual, representative of the human race; a subject as a product of socialization and human history; personality as representation of absolute in relative, spiritual in functional. In addition, the author criticizes ontological nihilism in human understanding.

Key concepts:

man,
anthropology,
forms of being,
personality,
ontological nihilism.

УДК 316.3

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, директор, доктор политических наук, профессор, г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, кандидат культурологии, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается теоретическая модель основных функций гражданского общества, обосновывается тезис, что в реальной действительности их набор и интенсивность реализации зависят не только от состояния институтов гражданского общества, но и от базовых условий, наличествующих в конкретном социуме, – политических, экономических, культурных и исторических.

Ключевые понятия:

гражданское общество, функции гражданского общества, система ценностей.

В наши дни проблематике развития гражданского общества в России стало уделяться заметно меньше внимания, так как к середине второго десятилетия XXI века в России сменилась политическая и информационная повестка дня. Несмотря на это, довольно большая группа авторов продолжает настойчиво исследовать феномен российского гражданского общества. В эпицентре внимания оказываются разные грани сущности этого сложного для исследования объекта, используются различные друг от друга подходы и методологические инструментарии. Нам представляется, что в этом потоке научных изысканий важно ещё раз сделать акцент на рассмотрении функций современного гражданского общества. Теоретическое осмысление этой проблематики во многом может скорректировать наше видение того, в каком направлении может развиваться гражданское общество в России, как должны выстраиваться отношения структур гражданского общества с государством, в чём может заключаться его российская специфика по сравнению со странами демократии западного типа.

Среди многообразных определений гражданского общества наиболее содержательным и операциональным, на наш взгляд, является дефиниция, представленная в «Новой философской энциклопедии»: «Гражданское общество: 1) общество, в котором сочетаются общие и частные интересы; 2) общество, достигшее партнёрских отношений с государством, способное поставить государство под свой контроль, в котором возможность его членов реализовать свои права и обязанности дополняется способностью государства обеспечить безопасность общества в целом и отдельных граждан; 3) общество, контролирующее не только государство, но богатство страны, общество с развитыми партнёрскими отношениями между обществом, государством и экономикой. В целом гражданское общество можно охарактеризовать как самоорганизующееся начало и сосредоточение негосударственных отношений»¹.

Значительным эвристическим потенциалом для исследования гражданского общества обладает функциональный подход,

¹ Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т.1. – М.: Мысль, 2010. С. 549.

который широко применяется для изучения самых разных объектов, особенно сложных социальных систем. Одна из развернутых форм функционального подхода в теории познания была реализована Э. Кассирером, который считал, что движение познания направлено не на изучение субстанции изолированных от внешней среды объектов, а на изучение взаимоотношений между объектами, т. е. на установлении зависимостей (функций) [4]. Применительно к гражданскому обществу как объекту исследования функциональный подход предполагает установление его взаимосвязей (взаимовлияния) с основными сферами жизни общества: политической, экономической, социальной и духовной, в том числе с базовой характеристикой самого гражданского общества – гражданской культурой. Качественное отличие общества как саморазвивающейся системы – в его самодостаточности, способности к самовоспроизводству, возможности адаптации к изменяющейся внешней среде посредством познавательной и преобразующей деятельности.

В широком философском понимании под функцией системы (подсистемы, элемента) принято понимать проявление ее свойств в данной совокупности отношений или способ действия системы при взаимодействии с внешней средой. Соответственно, для гражданского общества в качестве внешней среды выступают культура, правовые нормы, экономика, государство, функционирующее при конкретном политическом режиме.

В философском энциклопедическом словаре даётся следующее определение функции: «Функция (от лат. *functio* – совершение, исполнение) – отношение двух (группы) объектов, в котором изменению одного из них сопутствует изменение другого. Функция может рассматриваться с точки зрения последствий (благоприятных, неблагоприятных – дисфункциональных или нейтральных – афункциональных), вызываемых изменением одного параметра в других параметрах объекта (функциональность), или с точки зрения взаимосвязи отдельных частей в рамках некоторого целого (функциональное)». Функция в социологии: 1) Роль, которую определённый социальный институт (или

частный социальный процесс) выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организации или интересов составляющих ее классов, социальных групп и индивидов. 2) Зависимость, которая наблюдается между различными социальными процессами в рамках данной общественной системы. Эта зависимость может быть простой и сложной, многократно опосредованной различными социальными институтами...»².

В социальной системе функции тех или иных элементов задаются не столько внутренними характеристиками конкретного элемента, сколько внешними для него условиями, а также, и это стоит особо подчеркнуть, качественными характеристиками самого субъекта социальных отношений. Элемент конвенционализма по отношению к пониманию и рассмотрению функций гражданского общества, безусловно, присутствует. Поэтому следует различать потенциальные возможности влияния гражданского общества на те или иные сферы жизни общества и их реальную актуализацию. К тому же реализация одних возможностей зачастую препятствует, а иногда и просто блокирует осуществление других возможностей. Например, если мы денежную ассигнацию использовали для разжигания костра, то уже не сможем её обменять на какой-либо товар.

При широком подходе, важнейшая функция гражданского общества – его участие в развитии горизонтальных связей и отношений, т.е. формировании гражданской культуры. Вряд ли стоит рассматривать гражданское общество как причину, условие или следствие демократии. В принципе, те же самые по форме элементы гражданского общества могут существовать и взаимодействовать с авторитарной властью, при этом даже способствовать консолидации общества вокруг неё. Однако чисто формальное наличие структур (элементов) гражданского общества приводит к выхолащиванию ценностей гражданской культуры, а значит и к тому, что гражданское общество не может выступить в качестве катализатора развития демократического режима. Ф. Шмиттер использовал для обозначения этой функ-

² Философский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1983, С. 751.

ции термин «консолидация демократии» [6]. Гражданское общество способствует развитию горизонтальных связей, а значит и формированию социума, структурированного по интересам различных субъектов, взаимодействующих друг с другом в условиях демократического режима. Это прослеживается по целому ряду позиций.

Институты гражданского общества позволяют, объединяя людей по общим интересам, агрегировать и артикулировать для граждан, власти, общества в целом свою позицию по тем или иным вопросам функционирования и развития общества. Особенно важно это в ситуации развилки, когда выбор сценария развития событий окажет существенное, но разное влияние на жизнь граждан. Такая консолидированная позиция ясна всем акторам социальных отношений, её удобно учитывать при принятии решений, а в условиях правового государства её невозможно игнорировать. Тем самым происходит дифференциация и интеграция общества при учёте интересов разных его микрогрупп, что весьма важно в ходе выработки и реализации любого политического решения.

Гражданское общество обеспечивает формирование у индивидов в процессе их социализации такие важнейшие качества, как политическую и гражданскую ответственность, навыки участия в практике повседневных демократических процедур, самоуправления, использование возможностей правовых норм для решения своих вопросов и т.п. Таким образом, возникает, развивается и становится более массово представленным такое важнейшее качество социализирующегося индивида и «демоса» в целом, как гражданственность, способствующая фазовому переходу от состояния подданничества населения к осознанию своих личных прав, развитию культуры согласования (а если потребуется, то и защиты) интересов с другими гражданами и государственными институтами.

Гражданское общество способствует формированию устойчивых, удобных и более эффективных каналов коммуникации граждан с властью. Каналы граждан-

ской политической коммуникации закрепляются посредством правовых механизмов и традиций. Это существенно усиливает устойчивость демократических практик поведения, обеспечивает гражданам возможность довести свою позицию до адресата – как институтов власти, так и других граждан. В «Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год», который подготовила Общественная палата, в частности отмечается: «Для гражданского общества важны проекты, направленные на создание прямого диалога с представителями государственной власти... В качестве эффективной площадки обратной связи зарекомендовали себя различные общественные форумы. Например, «Форум действий» Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» (ОНФ), который проходит при участии президента Российской Федерации В.В. Путина. Площадкой общественно-государственного диалога в последние годы выступает также Общероссийский гражданский форум. В 2016 году на форуме работали 14 экспертных площадок, включая «Местное самоуправление», «Общественный контроль», «Качество социальной помощи», «Права потребителей» и др.»³. Высоко оценивая значимость подобных мероприятий, хочется всё-таки отметить, что они ориентированы не столько на развитие демократических практик, сколько на демонстрацию эффективности вертикали власти и фокусировку положительного имиджа общенационального лидера, а, следовательно, работают на расширение и укрепление практик, свойственных сформировавшемуся режиму. Гораздо скромнее освещались четыре гражданских форума, организованных Комитетом гражданских инициатив в 2013–2016 годах, хотя они ближе естественно-историческим практикам функционирования гражданского общества.

Гражданское общество даёт социуму определённые социальные и моральные гарантии в случае принятия на себя обязательств по их выполнению. Гражданам, да и институтам власти с такими социальными партнёрами удобно иметь дело

³ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. – М., Общественная палата Российской Федерации, 2016. С. 63.

в силу их открытости, предсказуемости и ответственности. В этом источник авторитета большинства институтов гражданского общества в глазах населения, будь то НКО социальной направленности, правозащитные или экологические общественные организации.

Третий сектор, как традиционно называют НКО, играет заметную роль в решении социальных проблем граждан, прежде всего там, где соответствующие институты государства (по тем или иным причинам) оказываются малоэффективными. Да и там, где государственные институты сильны и эффективны, передача подобных функций НКО освобождает государство для решения других актуальных проблем. По данным Росстата, на конец 2015 года зарегистрировано более 140 тысяч социально ориентированных НКО. При этом, хотя только 10–15% зарегистрированных НКО осуществляют какую-либо деятельность, по данным экспертов, услугами НКО при решении социальных проблем пользуются около 15 % населения страны (более 20 млн человек)⁴.

Гражданское общество, по Ф. Шмиттеру, «представляет собой важный, хотя и не единственный, источник потенциального сопротивления произволу и тирании правителей – будь то незаконные узурпаторы или фанатичное большинство» [6]. Именно эта функция, на наш взгляд, особо важна для укрепления демократических практик граждан, но её реализация безусловно настораживает властвующую элиту, а порой и побуждает её к попыткам купировать это направление функционирования гражданского общества. В условиях авторитарного режима настороженность власти реализуется в действиях, направленных на деградацию правозащитного сегмента гражданского общества. А это, в свою очередь, приводит к тому, что отношения гражданского общества с властью трансформируются, и в повседневной практике начинают доминировать отношения сервильности.

Гражданское общество может оказывать государству существенную помощь в противодействии разрушительным для общества процессам. Например, что актуаль-

но для наших дней, в противодействии экстремизму и терроризму. Ослабить сетевые преимущества экстремистских и террористических групп можно очень часто только в рамках сетевой деятельности гражданского общества, когда система противодействия и профилактики затрагивает неполитические устремления людей, их бытовую повседневность, родственные, семейные, соседские, дружеские связи, которые часто никак не связаны с механизмами государственного управления [1, с. 270].

В среде западных аналитиков нет сомнения в том, что одной из главных функций гражданского общества является создание более благоприятных условий для реализации и защиты частных интересов индивидов. При этом самоорганизация граждан рассматривается как атрибутивная функция гражданского общества. Граждане для того и самоорганизуются, чтобы реализовать свои частные интересы. Для этого они ищут тех, у кого есть подобные или близкие к ним, созвучные интересы. Возникает сообщество (сеть) социальных микрогрупп, также, в свою очередь, способных к активному взаимодействию.

Согласно «Новой философской энциклопедии», «самоорганизация – процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. Процессы самоорганизации могут иметь место только в системах, обладающих высоким уровнем сложности и большим количеством элементов, связи между которыми имеют не жесткий, а вероятностный характер... Процессы самоорганизации выражаются в перестройке существующих и образовании новых связей между элементами системы. Отличительная особенность процессов самоорганизации – их целенаправленный, но вместе с тем естественный, спонтанный характер: эти процессы, протекающие при взаимодействии системы с окружающей средой, в той или иной мере автономны, относительно независимы от среды»⁵. Исходя из определения самоорганизации, гражданское общество возникает только на определённом этапе развития социума. Следовательно, в традиционном социуме,

⁴ «Коммерсантъ». НКО сработали на один процент. 13.12.2016. С. 3.

⁵ Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т. 3. – М.: Мысль, 2010. // [электронный ресурс]: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5fb0de7eb2bea9b05e9f> (дата обращения 27.02.2017 г.)

где задана жёсткая иерархия социальных связей, поддерживаемая соответствующими политическими, правовыми и религиозными нормами, гражданское общество развиваться не сможет. Частные интересы членов традиционного социума занимают подчинённое положение по отношению к интересам властвующей элиты, выразителем которых выступает государство. Но по мере усложнения общества, его дифференциации, становится всё сложнее, управляя из единого центра, согласовывать интересы различных социальных групп. Забота государства – обеспечение функционирования общества в целом, а не управление бесконечным множеством локальных сообществ, игнорировать интересы которых на определённом уровне сложности становится невозможно, так как это путь к саморазрушению социума. Самоорганизация граждан выступает в качестве способа адаптации к новым реалиям и позволяет, на основе выстраивания диалога с властью, перейти к партнёрским отношениям с ней. Так происходит всегда трудное совмещение государственных, общественных и частных интересов. При этом государство при отстаивании общественных интересов может опираться на силу и право, а гражданское общество оперирует к моральным ценностям. Право выступает по отношению к нему как внешний фактор, который может мешать или способствовать его функционированию. Гражданское общество предполагает развитие культурные, экономические, политические и правовые отношения и высокий правовой и социальный статус граждан, которые, по мере роста образованности, экономической самостоятельности, правовой культуры, уже не согласны выступать только в качестве объекта управленческого воздействия, но претендуют на всё более активное участие в принятии важнейших решений, определяющих их бытие. Реализация этой потребности не происходит автоматически, так как существенным образом зависит от характера сложившегося политического режима, который может способствовать или, наоборот, препятствовать развитию гражданской активности населения.

Как мы уже отмечали в одном из ранее опубликованных нами исследований, «в идеале институты гражданского общества – это совокупность горизонтальных

сетевых структур, и они в ходе своей деятельности не претендуют на политическую власть, которая иерархизирована, и в большей степени проявляют себя в своей гражданско-горизонтальной нише в социальной, духовной и экономической сферах, обеспечивая оптимальное сочетание государственно-общественных, экономических и социальных, а также индивидуально-личностных интересов. Конечно, структуры гражданского общества при этом в той или иной степени могут и будут влиять на принимаемые властью решения, затрагивающие их интересы, но прежде всего в качестве экспертов, партнёров по диалогу и т.п.» [2, с. 8].

Горизонтальные структуры гражданского общества в силу локальности интересов могут конфликтовать не только с государственными институтами, но и друг с другом. В этом смысле гражданское общество – это не идиллическая система дружбы и братства всех граждан, а скорее сфера пересекающихся, порой остроконфликтных интересов. Без участия государственных институтов отрегулировать их не представляется возможным. Поэтому развитое гражданское общество предполагает наличие площадок для диалога, механизмов цивилизованного разрешения возникающих конфликтов и противоречий, законодательные рамки которых обеспечивает правовое государство. Таким образом, гражданское общество по-своему способствует гармонизации общественных отношений и стабильному развитию общества.

1. Большаков, А.Г. Профилактика экстремизма и терроризма в России и её регионах: роль гражданского общества (на примере Республики Татарстан) [Текст] / А.Г. Большаков // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / Под ред. А.И. Стребкова, А.В. Алейникова, А.Г. Пинкевич. С.-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2015. 502 с.

2. Зырянов, С.Г. Гражданское общество в современной России: основные сценарии становления и развития [Текст] / С.Г. Зырянов, А.Н. Лукин // Социум и власть. 2016. № 3. С. 7–16.

3. Гаврилюк, В.В. Современные модели российской гражданственности [Текст] / В.В. Гаврилюк, В.В. Маленков, Т.В. Гаврилюк // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97–106.

4. Кассирер, Э. Познание и действительность (Понятие о субстанции и понятие о функции). Издатель К.В. Кренов. Репринтное издание. 1913 [Электронный ресурс] / Э. Кассирер. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000733/index.shtml> (дата обращения: 12.01.2017).

5. Клупт, М.А. Государство, «Третий сектор» и демографическая политика [Текст] / М.А. Клупт // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 24–33.

6. Шмиттер, Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии [Электронный ресурс] / Ф. Шмиттер // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 16–27. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Shmitter_1996_5.pdf (дата обращения 10.01.2017).

References

1. Bol'shakov A.G. (2015) Profilaktika jekstremizma i terrorizma v Rossii i ejo regionah: rol' grazhdanskogo obshhestva (na primere Respubliki Tatarstan) // Konflikt kak problema. Oчерki sovremennoj teoreticheskoj i prikladnoj konfliktologii / Pod red. A.I. Strebkova, A.V. Alejnikova, A.G. Pinkevich. S.-Peterburg, Fond razvitiya konfliktologii, 502 p. [in Rus].

2. Zyrjanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast'*, no. 3, pp. 7–16 [in Rus].

3. Gavriljuk V.V., Malenkov V.V., Gavriljuk T.V. (2016) *Sociologicheskie issledovanija*, no.11, pp. 97–106 [in Rus].

4. Kassirer Je. (1913) Poznanie i dejstvitel'nost' (Ponjatie o substancii i ponjatie o funkcii), available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000733/index.shtml> (accessed 12.01.2017) [in Rus].

5. Klupt M.A. (2016) *Sociologicheskie issledovanija*, no. 6, pp. 24–33 [in Rus].

6. Shmitter F. (1996) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 5, pp. 16–27, available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Shmitter_1996_5.pdf (accessed 10.01.2017) [in Rus].

UDC 316.3

MAIN FUNCTIONS OF CIVIL SOCIETY: THEORETICAL ASPECT

Zyryanov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Director,

Doctor of Political Sciences, Professor,

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: director@chel.ranepa.ru

Lukin Anatoly Nikolaevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch,

Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork for State and Municipal Service,

Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor,

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: anlukin@mail.ru

Annotation

The article considers the theoretical model of the main functions of a civil society, proves the thesis that in reality their set and intensity of performing depend not only on institutions of a civil society but also on the basic conditions existing in a certain state – political, economic, cultural and historical.

Key concepts:

civil society,
functions of a civil society,
system of values.

УДК 1:3

ГНЕЗДО «ЧЁРНОГО ЛЕБЕДЯ»: ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Подопригора Александр Васильевич,

Научно-образовательный центр
Института экономики
Уральского отделения
Российской академии наук и
Челябинского государственного
университета,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация

В рамках синергетического подхода рассматривается изменение характера знания о социуме и особенности социальных измерений в информационном обществе, основанном на сетях электронной коммуникации и представлении о власти как способности ключевых акторов воздействовать на массовое сознание и изменять его.

Подчеркивается сложность сетевого общества как динамической системы, нелинейность происходящих в нем процессов и вероятностный характер измерений социума, которые непосредственно влияют на результаты наблюдений и ход событий, конструируя «дополненную» социальную реальность.

Предлагаются философские основания изучения информационного общества как процесса вероятностной генерации социальной реальности через рекурсивную самореференцию, моделирование смыслов в сети институтов коммуникации, которые снимают неопределенность в рамках принятой системы ценностных координат, но также способны порождать значительные политические риски.

Ключевые понятия:

информационное общество, сети, институты, вероятность, неопределенность, нелинейность, медиа, коммуникации, власть, социальные измерения, самореференция, элиты, риски.

Мир политиков и экспертов все чаще и все более жестко сталкивается с проблемой соответствия (точнее – не соответствия) возникающей реальности данным социальных измерений и прогнозов. Избрание Д. Трампа и поражение демократов в Конгрессе на фоне роста экономики США при президенте-демократе, конституционное большинство в Госдуме РФ партии «Единая Россия» в условиях стагнации российской экономики и социума, Brexit в благополучном ЕС, утверждение в политическом лексиконе мема «постправда» – лишь наиболее яркие примеры.

Представляется, что речь идет не просто о корректности социологических и политологических методик, но о необходимости новой философской интерпретации знания о социуме в сетевом информационном обществе, ставшем политической реальностью.

Мировоззренческие сдвиги, связанные с утверждением в современной науке «квантовой» парадигмы неопределенности, сложности, релятивности и вероятностном характере мировых (в особенности – социальных) процессов и явлений, задают фундаментальную проблему адекватности социальных измерений как выражения характеристик социальных объектов и взаимоотношений между ними в числовых значениях, поскольку признается, что любое измерение является воздействием на измеряемую систему, нелинейно меняя ее в процессе наблюдения, а наблюдатель, наблюдаемое и наблюдение образуют сложную динамическую систему – сеть узлов (в данном случае – социальных институтов и систем разного масштаба, иерархии и качества), связанных между собой и со средой через интерактивный коммуникационный контур – информационные сети.

Социальная реальность общества, как операционально замкнутой системы, которая непрерывно *конструируется* различными интенционально действующими акторами с высокой степенью свободы [9, с. 34] в континууме внешних воздействий, измерений и внутренних коррекций, больше не представляется традиционным *объектом* изучения, но во многом становится «черным ящиком», изменения в котором запутаны и нелинейны; они не могут быть четко смоделированы в силу высокой сложности, для описания которой современные математические модели теории динамических систем недостаточны [15, с. 389].

Экономисты знают, что прогнозирование поведения динамических систем, какими являются финансовые и товарные рынки, крайне затруднено их сложностью и нелинейностью: большие изменения и резкие скачки могут быть вызваны незначительными или не существующими на момент

прогноза факторами. Сам прогноз, ставший информационной реальностью, может серьезно повлиять на развитие событий (банки, прогнозируя экономический спад, снижают ставки, меняя бизнес-среду; бюджеты распределяют деньги исходя из прогноза развития экономики; уровень *доверия* внутри общества определяет его динамику). Поэтому лучший прогноз предполагает большое число допущений и вероятностей, а когда среди экспертов и политиков появляется слишком сильная уверенность в том или ином сценарии, следует ожидать сюрпризов и готовиться к проблемам.

«Социальный опрос сам искажает мнения реципиентов, а процесс непрерывной рефлексии в творческом поиске, подглядывание за мышлением, разрушает когерентность мышления, навязывает определенность суждения, так же как наблюдение за микрочастицей создает ее состояние, – пишет В. Буданов. – Таким образом, мониторинг кризисных систем становится делом весьма деликатным, фактически одним из инструментов управления, иногда неосознанного, а иногда манипулятивного» [3, с. 170]. То же фиксирует Ж. Бодрийяр: «Вся система коммуникации перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналетической системе вопрос/ответ – системе непрерывного тестирования. Между тем известно, что тест и референдум представляют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется/обозначается им» [2, с. 134].

Таким образом, социальное знание теперь «не существует само по себе, вне контекста его производства и трансляции... Знание рождается в социальных сетях, и структура социально-коммуникативных процессов этих сетей специфицирует структуру самого знания» [11, с. 361]¹. Говоря иначе, знание создается самим знанием. Окружающая среда имеет отношение к знанию, но не отражается, а конструируется в нем.

Сетевое общество было определено М. Кастельсом как «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий». При этом социальные структуры понимаются как «организационные упорядоченности людей в сферах производства, потребления, воспроизводства, опыта и власти, выраженных в осмысленной, закодированной культурой коммуникации» [7, с. 41].

Социальные сети существовали всегда, но особенность нынешней ситуации в том, что никогда ранее реальность жизни не была так плотно материально и ментально опосредована сетями, знаками и символами коммуникации, что фактически *стала информационным контекстом*, интерфейсом сетевой коммуникации и самокоммуникации. Глобальный характер и взаимопроникновение сетей в информационном обществе таковы, что меняют социум и отношения власти, строя их на основе сложного рекурсивного взаимодействия политических, медийных, финансовых, электоральных, правоохранных, потребительских, научных и иных сетей. Это ставит под вопрос адекватность традиционных социальных измерений, основанных на изучении общества «в готовом виде», без учета текущей структуры сетей, их динамики и типа коммуникации.

Это связано с особенностями процесса самоорганизации в сложных системах (каковыми, безусловно, являются социальные системы и сети), описанных классиком кибернетики Хайнцем фон Ферстером как *самонаблюдающие*, или *самореферентные* [15, с. 355]. В них наблюдение, как внутренняя операция операционально замкнутой системы, является одновременно *конструированием* и усложнением ее реальности («нетривиальная машина» Ферстера). Идеи «кибернетики второго порядка» получили развитие в теории *автопоэзиса* У. Матураны и Ф. Варелы [10], где социальные системы (сети) представлены как производящие сами себя – здесь процесс внутренних преобразований, который может быть запущен внешним импульсом, определяется тем не менее внутренними рекурсивными процессами системы, а результат никогда не предопределен [11, с. 358].

Для нашего анализа особенно важен гносеологический аспект проблемы, описанный в концепции «перцептуального цикла» У. Найссера, согласно которой «воспринимаемая среда является последовательно конструируемой реальностью, где вначале отражается лишь поверхностный ее аспект. Эта первичная информация изменяет «ориентирующую схему», т.е. предубеждение, ожидание, что ведет к уточнению информации, воспринимаемой из окружения, к изменению ее интерпретации, и эта в какой-то мере измененная реальность снова рекурсивно модифицирует «ориентирующую схему» как нашу готовность «видеть» определенные данные» [15, с. 391].

Однако если сети коммуникации конкретного социума устроены таким образом,

¹ Понятие «социальные сети» употребляется здесь и далее (если не оговорено иное) в широком институциональном значении, а не в смысле интернет-коммуникаторов.

что уже на начальных этапах наблюдения люди имеют дело с измененной (или «дополненной») реальностью, данной в образах и установках сетей массовой коммуникации, это мультиплицирует искажения информации, которые на следующем уровне воспринимаются уже как единственная реальность и, в свою очередь, формируют модели поведения людей, алгоритмы оценок и решений представителей власти. Так, по данным исследования ФОМ 2017 г. (подтвержденного другими социологическими центрами), большая часть населения РФ не строит планы на будущее далее чем на полгода-год, но при этом ожидания от отдаленного будущего довольно оптимистичны². Социологи связывают это с убежденностью людей в том, что их собственное влияние на происходящее в стране незначительно, а единственным влиятельным актором видится власть. Такие представления, последовательно формируемые «сетевыми властями», прямо влияют на экономическую активность, создавая предпосылки социально-экономической неопределенности и стагнации.

Кастельс говорит об особом значении в структуре и функционировании информационного общества технологий *включения в сеть и исключения* из нее, как проявления бинарной логики работы сети, а также ключевой роли *переключателей и программистов* – главных акторов *сетесозидающей власти* [7, с. 43, 65]. Больше того, сети сами создают объекты своих воздействий и измерений – «программируемых», которые являются «подчиненными субъектами власть имущих в коммуникационных сетях». Доминирование «сетевых властей» осуществляется через медиасети, ибо «наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание» [7, с. 456, 20].

Следует добавить, что особенностью сетевого общества является то, что различные сети (медиа, власти, управления, культуры, территорий) не просто накладываются друг на друга, но неравномерно пересекаются, включая, переключая, выключая и перепрограммируя отдельные узлы, что делает социальное знание фрагментарным, реляционным и быстро меняющимся в зависимости от состояния сетевого интерфейса: включенности/выключенности узлов, наличия «фильтров» в сети, фактора времени, внешних воздействий и внутренних процессов, установок и интересов *сетевой власти* как программиста.

Отключение от сети маргинализует узел, который может быть снова включен под дру-

гую задачу, превращает людей и деятельность, находящиеся вне сетей, в объекты доминирования. Например, избирательный ценз ранее исключал из электоральной политической сети большие группы населения; в информационном обществе его роль могут играть манипуляции общественным мнением и фальсификации на выборах, что де-факто передает голоса (далее – власть и влияние) одних групп избирателей другим, часто гораздо менее многочисленным, – при том, что соцопросы равномерно изучают и презентуют предвыборные настроения всех групп.

Аналогичную функцию исключения и перепрограммирования узлов выполняет в современных политических сетях наличие специальных «фильтров» (например, муниципальных при выдвижении кандидатов в губернаторы в РФ), а также доминирование мультимедийных электронных сетей, контролируемых сетями власти. Последние фактически *изменяют сознание* избирателей, создавая через жесткое фреймирование и прайминг, направленные на «программируемый» поток информации, особую реальность смыслов и образов; затем социологи сталкиваются (при изучении общественных настроений и предвыборных предпочтений) уже не с собственно оценками людей их условий жизни и надежд, а с описаниями этой виртуальной реальности, порожденными ею феноменами, ожиданиями и страхами.

Именно эти описания затем обращаются в экспертных, медийных и политических сетях. Складываются мифы, на основе которых часто принимаются политические прогнозы и решения. При этом творцы фреймов начинают обманывать сами себя, принимая созданную «дополненную реальность» (AR – пересечение, смешение цифрового и реального миров) за единственную и достоверную. Данные исследований Ф. Говарда говорят о том, что «небольшая профессиональная элита отбирает данные общественного мнения для влияния на лидеров так же, как и на общественность, – данные представляются публике в совокупности с ее собственным агрегированным мнением таким образом, как если бы это было ее собственным суждением по данному вопросу» [7, с. 187].

Всеобщее распространение инфотейнмента радикально меняет систему ценностей, превращая новости в развлечение (особенно если в СМИ есть достаточно эффектных сюжетов о далеких боевых действиях или обысках в особняках чиновников), а развлечения и фейк – в новости (сегодня та-

² Фонд «Общественное Мнение». Представления россиян о будущем страны через 20 лет [Электронный ресурс] <http://fom.ru/Budushchee/13169/> / ФОМ // 2017 (дата обращения: 28.02.2017).

ковыми являются фотографии звезд спорта, шоу-бизнеса и политики в инстаграме, их высказывания и даже «лайки» в твиттере). В результате респонденты рассказывают социологам свои впечатления о просмотренном сериале, а не сообщают оценки повседневной действительности, которая «пропадает», заменяясь непрерывной генерацией образов AR в процессе мультимедийной коммуникации и самокоммуникации, ставшей тотальной в интернет-сетях. Население тоже «пропадает», превращаясь в аудиторию зрителей и пользователей.³

Очевидны и риски «разрыва сетей»: например, управленческие элиты перестают пользоваться «традиционными» СМИ (ТВ и газетами) и все больше выпадают из поля зрения массовых социисследований (их роль в последних становится непропорциональной влиянию, к тому же эти люди склонны уклоняться от участия в опросах или отвечают неискренне). Возникают растущие «слепые зоны» измерений (когда измеряется и преподносится как ответ на вопрос одно, а реально значимо и меняет ситуацию совсем другое – или же одно намеренно выдается за другое, что потенциально еще более рискованно). Создание «класса программируемых» чревато как несовершенством или ошибкой программы, так и информационным *восстанием программируемых*, неожиданно обнаруживающих «пропажу реальности» как обман. Причины могут быть разными – старение программы, ее сбой, отключение от глобальной сети или появление вредоносного мема, губительного для AR, сконструированной медиа – и политическими сетями.

В том случае если «дополненная реальность» под воздействием тех или иных «неучтенных» факторов разрушается, на первый план «неожиданно» выходят феномены скрытой прежде реальности жизни (часто архаичной), что резко меняет как образ мыслей людей, так и их действия и политическую ситуацию (так произошло в период крушения КПСС и СССР, а также событий «арабской весны»).

Такие «сбои программы» (порой фатальные) особенно характерны для гибридных обществ «электорального авторитаризма», жестко выстраивающих и пытающихся контролировать потоки информации и важнейшие коммуникационные сети исходя из сформировавшихся в неконкурентной политической среде спорных парадигм, тогда как

в конкурентном социуме наличие разнонаправленных потоков информации, опосредованных различными медиа и обширной самокоммуникацией, создает условия для постоянной коррекции медиареальности, обеспечения ее большей релевантности и устойчивости социума.

Учитывая сказанное, следует признать, что традиционные социологические исследования (в широком смысле – данные и системы социальных измерений вообще, включая опросы, рейтинги, экспертизы, прогнозы и т.д.), которые воспринимаются политическим классом как «входящие данные», – эмпирическое знание о социуме *как об объекте*, на основе которых готовятся «на выходе» государственные и иные оценки и решения, сегодня не работают так, как прежде – даже при строгом соблюдении всех методик и процедур измерения. Это в особенности относится к транзитивным обществам с низким уровнем развития сети политических институтов, к числу которых относится РФ. «В условиях низкоуровневой политической институционализации существующие на сегодняшний день в политологической науке теоретические модели электоральных процессов не позволяют объективно описать и прогнозировать происходящие в обществе изменения», – замечает С. Зырянов [5, с. 81–82].

Дело, однако, не только в качестве институтов. Изучение американского общественного мнения перед президентскими выборами 2016 г. показывало преимущество Х. Клинтон (что было подтверждено тем, что она набрала в итоге на 3 млн голосов избирателей больше, чем ее оппонент), но особенности политической сети США (институт выборщиков), неожиданно большая активность сторонников Трампа в «демократических» штатах и резко возросшая роль интернет-сетей «выключили» часть электоральной сети, обеспечив победу республиканца, несмотря на в целом позитивные для большинства населения результаты правления демократа Обамы. Точно так же изучение настроений социума в переживающей экономическую стагнацию России перед выборами в Госдуму-2016 не предполагало сверхубедительной победы «партии власти», взявшей конституционное большинство в парламенте. Однако непропорциональная активность избирателей регионов «электоральной управляемости» и низкая явка (также во многом управляемая) в ключевых мегаполисах вкупе с изменением характера

³ «Они трансформируют людей в аудиторию, продавая нам имиджи наших жизней» – говорит Кастельс о представителях элит, контролирующих метасеть коммуникационных сетей: «у потребителя существует выбор, но внутри пространства predeterminedных продуктов, предполагающего потребление, но не совместное производство» [7, с. 458–459].

политической сети (возвращением «одно-мандатников») и активизацией сети администраторов сделало это возможным, частично «исключив» или «переключив» важные узлы электоральной сети.

Можно сказать, что социологи и политики продолжают изучать *как объект* «общество в целом» и настроения «электората», в то время как доминирующую роль в политических изменениях играют ключевые узлы новых сетей социальной коммуникации, («сетевая власть», «переключатели» и «программисты») и вероятностный характер самой социальной реальности (современные рынки – по сути своей вероятностные процессы, где роль игроков и случайности в условиях нулевого флота цифровых коммуникаций велика, а детерминированность мала); в этой связи равноценные измерения мнений населения и ориентаций элитных/активных групп без значительных поправок и допущений, выглядит неадекватной базой для выводов и прогнозов (в то время как точных инструментов измерений последних не существует). Можно предположить, что «сплошное» социологическое исследование, проведенное в 1989 году перед выборами 1 съезда народных депутатов СССР, показало бы убедительное лидерство КПСС, тогда как уже через два года эта партия перестала существовать вместе с режимом, чей политической основой являлась.

Существует ли выход из такой ситуации? Как общество может изучать, диагностировать и прогнозировать само себя «изнутри»?

Понимание генеративной природы информационной реальности как реализации изоморфного различным классам систем бинарного алгоритма снижения неопределенности, где логическая структура любой замкнутой системы является также структурой других систем [13, с. 11], дает философские основания возможности моделирования вероятностной социальной реальности в условиях неопределенности как *самопознания*, ограниченного постулатом о неполноте знания Геделя.

Здесь работает отмеченный выше механизм *самореференции*, когда восприятие автопозиционной системой внешней среды происходит не непосредственно, через механизмы отражения, а через поиск внутренних референтов и семиотическую спецификацию: «это не отражение, а скорее полагание среды, привнесение в нее смысла» [15, с.391]. Говоря иначе, мы оперируем только с тем, что «видим», а «видим» то, что соответствует архиву

референтов нашего сознания – структуре ценностей, опыту, ментальным моделям, социальному и культурному коду, компетенциям и ожиданиям.

Такой подход согласуется с современными исследованиями динамических систем. Согласно концепции академика Б. Кадомцева, сложные системы любого качества могут структурно «раслаиваться» на управляющие («информационные») и управляемые («динамические») подсистемы (что, заметим, особенно характерно для социума); первые способны воспринимать из внешней среды и транслировать «вниз» слабые процессы обмена энергией – информационные сигналы (реагируя не на их интенсивность, а на их форму – то есть смыслы), а также создавать тезаурус внутренних архивов, который позволяет производить процессинг входящей информации с выработкой управляющих сигналов, адресованных динамической подсистеме. При этом «игра нелинейных динамических процессов в таких системах очень часто приводит к самоорганизации, когда как динамическое, так и информационное содержание процесса оказываются согласованными с большой точностью и складываются в единый «организм» [6, с. 16, 345].

В контексте нашей работы это значит, что *познаваемая социальная реальность* – это вероятностная информационная производная интерактивного контура коммуникации в системе «человек-среда»; это реальность самоорганизации в форме коммуникации, строящаяся по логическим алгоритмам последней. Неслучайно философы и физики в последние годы все чаще обращаются к понятию *структуры реальности*, выделяя в ней физические и «идеальные» страты, взаимодействие которых рождает многоуровневую информационную реальность и социум [8, с. 60], [4, с. 70]. «В настоящее время *реальность является в первую очередь социальным миром*, – пишет Д. Белл, – не природным, не вещественным, а исключительно человеческим – воспринимаемым через отражение своего «я» в других людях» [1, с. 663].

В сетевом информационном обществе системообразующими элементами такого интерактивного контура являются создаваемые акторами в процессе коммуникации (информации) ментальные модели, ценности и смыслы, *генерирующие* социальную реальность того или иного общества в определенной системе социальных координат.⁴ Разделяемые субъектами социального

⁴ «Категоризация мира есть одновременно его строительство. Экспликация тех или иных категориальных структур сознания или их более сложной организации в модельной форме ведет к феномену самореализующегося прогноза. Отсюда вытекает особая функция социальных моделей, не только описывающих, но и порождающих социальную реальность» [12, с. 104–105].

действия, они становятся *протоколом*: «рефлексия этих смыслов является внутренней операцией или системой, она создает новую основу или точку отсчета для наблюдения тех изменений, которые происходят в современном обществе» [11, с. 359].

Мы исходим из того, что информация (по Шеннону – *снятая неопределенность* [16]), трактуемая как интерактивный контур взаимодействующих систем (в данном случае – измеряемого социума, среды, наблюдателей и систем измерения), редуцирующий фундаментальную неопределенность мира, может служить основой аргументированных суждений, если реализуется через оптимально функционирующий институциональный интерфейс обратной связи системы со средой. Поэтому социальные измерения в информационном обществе – не изучение объективной реальности в «готовом виде», а нелинейный процесс ее вероятностной генерации через рекурсивную самореференцию (как самопознание), моделирование и тестирование систем ценностей, смыслов и сетевых институциональных структур, которые снимают неопределенность в рамках принятой системы координат – протокола социальной коммуникации.

При этом важно сознавать, что прогностические интерпретации редуцируют через коммуникационный интерактивный контур системы сложность и многомерность реальности, упрощая ее до причин и следствий. Они *создают* сценарную реальность как *нарратив* [14, с. 124] в целях удобства хранения и использования информации, однако следует помнить, что это только сценарий, он ничего не говорит о множественных вероятностях и нелинейности мира, но подразумевает их.

Из этого следует необходимость изучать социум, учитывая при измерениях интерактивность социальной коммуникации, сложность, нелинейность и вероятность социально-политической реальности в сетевом обществе, определяющую роль ценностей, образов, семантических и семиотических спецификаций и ментальных моделей, воплощаемых в социальных институтах. Формируя вероятные сценарии, не следует настаивать на «истинности» одних или других, вводя множество допущений и имея в виду ограниченность знания, основанного на статистических вероятностях и «гауссовых кривых», а также риски использования разного рода когнитивных инструментов [12]. Н. Талейб не случайно говорит в «Черном лебеде» об «эпистемократии» как современной желаемой политической утопии, ибо «этим обществом управляют, опираясь на понимание силы невежества, а не знания» [14, с. 317].

Игнорирование всего перечисленного

порождает не только проблему релевантности знания, «искривление» пространства информации, ложные (утверждаемые, а не вероятные) модели и управленческие ошибки, но и риски реализации прямого социального зла в виде социальных *утопий*, к которым ведут принимаемые в качестве «всесильных потому что верных» когнитивные конструкции (примеры тому в новейшей истории – марксизм, национал-социализм, Исламское государство и т.п.).

Следует осознать, что именно эпистемическими границами «слепых зон» социального измерения очерчен «четвертый квадрант», из которого вылетают «черные лебеди». Как раз потому, что мы никогда не можем достоверно знать, когда и какие именно вылетят, так важно понимать, где они обитают, и быть особенно осторожными в этих пространствах.

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество [Текст] / Д. Белл. М.: Academia, 1999. 956 с.

2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. М.: Изд-во КДУ, 2013. 392 с.

3. Буданов, В.Г. Конструирование сложности в антропной среде [Текст] / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М.: Прогресс – Традиция, 2011. С. 158–179.

4. Дойч, Д. Структура реальности [Текст] / Д. Дойч. М.: Альпина, 2015. 430 с.

5. Зырянов, С.Г. Электоральные процессы в современной России: институциональный и поведенческий подходы к анализу [Текст] / С.Г. Зырянов. Челябинск: ЦАП, 2007. 211 с.

6. Кадомцев, Б.Б. Динамика и информация [Текст] / Б.Б. Кадомцев. М.: Редакция журнала «Успехи физических наук», 1997. 400 с.

7. Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] / М. Кастельс. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. 564 с.

8. Колин, К.К. Структура реальности и феномен информации [Текст] / К.К. Колин // Открытое образование. 2008. № 5. С. 56–61.

9. Майнцер, К. Вызовы сложности в XXI веке [Текст] / К. Майнцер // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс – Традиция, 2011. С. 14–37.

10. Матурана, У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

11. Москалев, Е.И. Инновационная сложность самообучающихся систем [Текст] / Е.И. Москалев // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс – Традиция, 2011. С. 352–364.

12. Петренко, В.Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания [Текст] / В.Ф. Петренко, О.В. Митина. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 210 с.

13. Подопригора, А.В. Институт и инструмент.

Глобальная неопределенность и социальная динамика [Текст] / А.В. Подопригора // Социум и власть. 2016. № 6. С. 7–14.

14. Талеб, Н. Черный лебедь [Текст] / Н.Талеб. М.: Коллибри, Азбука-Аттикус, 2013. 736 с.

15. Хиценко, В.Е. Модели социальной самоорганизации как инструменты для решения инновационных задач [Текст] / В.Е. Хиценко // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс – Традиция, 2011. С. 385–397.

16. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике [Текст] / К. Шеннон. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 827 с.

References

1. Bell D. (1999) Future post-industrial society. Moscow, Academia, 956 p. [in Rus].

2. Baudrillard Ge. (2013) Symbolical exchange and death. Moscow, KDU publishing house, 392 p. [in Rus].

3. Budanov V.G. (2011) Designing of complexity in the anthropic environment / The Synergetic paradigm. Synergetics of innovative complexity. Moscow, Progress – Tradition, pp. 158–179 [in Rus].

4. Doych. D. (2015) Struktura of reality. Moscow, Alpina, 430 p. [in Rus].

5. Zyryanov S.G. (2007) Electoral processes in modern Russia: institutional and behavioural approaches to the analysis. Chelyabinsk, TsAP, 211 p. [in Rus].

6. Kadomtsev B.B. (1997) Dynamics and information. Moscow, Editorial office of the Achievements of Physical Sciences magazine, 400 p. [in Rus].

7. Kastels M. (2016) Vlast of communication. Moscow, HSE publishing house, 564 p. [in Rus].

8. Colin K.K. (2008) Open education, no. 5, pp. 56–61 [in Rus].

9. Mayntser K. (2011) Complexity calls in the XXI century / The Synergetic paradigm. Moscow, Progress – Tradition, pp. 14–37 [in Rus].

10. Maturana U., Varela F. (2001) Tree of knowledge: Biological roots of human understanding. Moscow, Progress-Tradition, 224 p. [in Rus].

11. Moskalyov E.I. (2011) Innovative complexity of self-training systems / Synergetic paradigm. Moscow, Progress – Tradition, pp. 352–364 [in Rus].

12. Petrenko V.F., Mitino O.V. (1997) Psychosemantic analysis of dynamics of public consciousness. Smolensk, SGU publishing house, 210 p. [in Rus].

13. Podoprigora A.V. (2016) Socium i vlast', no. 6, pp. 7–14 [in Rus].

14. Taleb N. (2013) Black swan. Moscow, Humming-bird, Azbuka-Attikus, 736 p. [in Rus].

15. Hitsenko V.E. (2011) Models of social self-organization as tools for the solution of innovative tasks / The Synergetic paradigm. Moscow, Progress – Tradition, pp. 385–397 [in Rus].

16. Shannon K. (1963) Works on the theory of information and cybernetics. Moscow, Publishing house of foreign literature, 827 p. [in Rus].

UDC 1:3

“THE BLACK SWAN” NEST: PECULIARITIES AND RISKS OF SOCIAL MONITORING IN A NETWORK SOCIETY

Podoprigora Aleksandr Vasilyevich, Scientific and educational Centre of the Institute of Economics, The Ural branch of Russian Academy of Sciences and Chelyabinsk State University, senior research fellow, Cand. Sc. (Political Sciences), Chelyabinsk, Russia.
E-mail: agora821@gmail.com

Annotation

In the frame of synergetic approach the author considers changes in the character of knowledge about society and peculiarities of social monitoring in a network society based on the network of electronic communication and representing power as ability of key actors to influence collective consciousness and change it. The author stresses the complex character of a network society as a dynamic system, non-linearity of the processes which take place in it and probabilistic character of society monitoring which directly influence the results of observations and course of events constructing “the enlarged” social reality. The author suggests philosophical background for studying a network society as a process of probabilistic generation of social reality through recursive self-reference, modeling commonsense reasoning in the network of communication institutions which diffuse uncertainty in the framework of accepted system of value-based information and also are able to produce considerable political risks.

Key concepts:
information society,
network,
institutions,
possibility,
uncertainty,
non-linearity,
media,
communications,
power,
social monitoring,
self-reference,
elite,
risks.

УДК 316.34/35

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ МОЛОДЁЖИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Меркулов Павел Александрович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал, директор, заведующий кафедрой политологии и государственной политики, доктор исторических наук, доцент, г. Орел, Россия.
E-mail: oo@orel.ranepa.ru

Проказина Наталья Васильевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал, заведующий кафедрой социологии и информационных технологий, доктор социологических наук, доцент, г. Орел, Россия.
E-mail: oo@orel.ranepa.ru

Исаев Алексей Владимирович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал, доцент кафедры конституционного и муниципального права, кандидат политических наук, г. Орел, Россия.
E-mail: IsaevLesh@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию межэтнической толерантности молодежи Орловской области. В статье описаны результаты социологического опроса, выявившего бинарность толерантных установок молодежи в условиях интенсификации миграционных потоков. Актуализируется необходимость развития партнерских отношений между государственными структурами и институтами гражданского общества по противодействию ксенофобии и нетерпимости в молодежной среде.

Ключевые понятия:
молодежь,
межэтническая толерантность,
партнерство,
Орловская область,
миграция.

В условиях интенсификации межрегиональных и трансграничных миграционных потоков одной из центральных тем современного мирового дискурса выступает межэтническая толерантность¹. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, в фокусе социального конструктивизма наложение социально-дифференцированных полей на поле этничности можно рассматривать как многовариантный спектр возможностей и перспектив в полиэтничном обществе [6, с. 5–6]. С другой стороны, активная миграция может служить фактором дестабилизации местного социального поля. Нередко взаимоотношения мигрантов с принимающим сообществом дифференцируются в понятиях «свой» – «чужой», что формирует социальные (этнические) границы. Наглядно это проявляется в ситуации с беженцами из арабских и африканских стран в Европу. Кроме того, активное использование этнонациональной идеологии в политических целях способствует распространению в общественном сознании идей национализма и шовинизма.

В данном контексте справедлив тезис ряда исследователей, что молодое поколение, обладающее определенными социальными характеристиками, способно быстро накапливать и реализовывать интолерантный потенциал [5, с. 83–93, 7, с. 69–72]. Это подтверждают социологические замеры, проводимые на уровне регионов и констатирующие бинарность взглядов молодежи [7, с. 69–72, 1, с. 102–112].

При этом в современных условиях не-транспарентности мировой политики именно эта социально-демографическая группа рассматривается как один из ресурсов обеспечения национальной безопасности, глобальной конкурентоспособности, как носитель социальных инноваций, осуществляющий трансмиссию общественных отношений [3, с. 15–20].

Подобная дихотомия требует от государства взвешенных политических решений. При этом очевидно, что молодежь должна являться объектом целенаправленного управленческого воздействия со стороны органов общей и/или специальной компетенции как непосредственно, так и через институты социализации.

¹ В методологическом плане под данной дефиницией мы понимаем мировоззренческую систему индивида, зависимую от коммуникативных установок личности в триаде «этноцентризм – культурный релятивизм – ассимиляция», формируемую в процессе социализации в контексте управленческой модели территории (государства, региона).

Государственная позиция относительно формирования толерантности среди граждан, а также предупреждения, выявления и пресечения межнациональных конфликтов и экстремистской деятельности выразилась в ряде таких федеральных законов и программ, как Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (2002 г.), Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (2008 г.), Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012 г.), Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012 г.), Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (2013 г.), Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2015 г.), федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (2013 г.). С 2001 по 2005 год действовала федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе на 2001–2005 годы».

Целый комплекс мер, направленных на поддержку молодежи в социальной сфере, формирование толерантности, условий для гражданского становления и патриотического воспитания молодежи, профилактику экстремизма, предусмотрен в механизме реализации государственной молодежной политики (Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»).

Правовую базу такой политики на уровне региона составляют, например, Закон Орловской области «О государственной молодежной политике в Орловской области» (2010 г.), Постановление Правительства Орловской области «Об утверждении государственной программы Орловской области «Молодежь Орловщины на 2013–2020 годы» (2012 г.), Указ Губернатора Орловской области «О Стратегии государственной национальной политики Орловской области на период до 2025 года» (2014 г.), Закон

Орловской области «Об основах патриотического воспитания в Орловской области» (2015 г.) и другие.

Анализ данных нормативно-правовых документов показывает, что оценка эффективности их реализации затруднена в силу различных причин: во-первых, ряд дефиниций («успешная социализация», «успешная интеграция», «эффективная самореализация») достаточно сложно операционализируем и зависит от множества факторов, измеряемых при помощи системы качественно-количественных индикаторов и показателей; во-вторых, несмотря на «концептуальность», в федеральной и региональных Стратегиях государственной национальной политики отсутствуют такие понятия, как «российская нация», «межнациональные отношения», «государственная национальная политика», «этническая общность», «гражданская идентичность», «гармонизация межэтнических отношений». В документе очевидно смешение научных концепций примордиализма и конструктивизма при использовании терминов «нация» и «этнос». Как результат – значительное число компромиссных формулировок нарушает целостность Стратегий, снижается политическая и управленческая ценность; в-третьих, не истек срок действия целевых программ; в-четвертых, для регионального научного сообщества недоступны в открытых источниках промежуточные отчеты о реализации таких программ.

Акцентируя внимание на молодежной толерантности, следует отметить, что в настоящее время в регионе проживает 197 333 молодых людей (то есть лиц в возрасте от 14 до 35 лет), или 26% от общей численности населения Орловской области (в 2014 году такая категория составляла 202 487 человек). Количественный состав по возрастным категориям следующий: 14–19 лет – 34 626 человек; 20–24 года – 47 975 человек; 25–29 лет – 59 185 человек; 30–34 года – 55 547 человек².

В национальном разрезе как взрослое, так и молодое поколение представлено русскими в абсолютном большинстве (96%). Численность украинцев, армян, азербайджанцев, белорусов, чеченцев и других народов незначительна.

Проведенное социологическое исследование³ показало, что 89,7% молодых рес-

² Распределение населения по возрастным группам в Орловской области [Электронный ресурс] \ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области. 10.02.2016. URL: http://orel.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orel/ru/statistics/population/ (дата обращения: 15.04.2016).

³ Метод исследования – интервью по месту жительства. Опрошено 400 респондентов, проживающих в г. Орел. Выборка квотно-гнездовая, репрезентативна по половозрастной структуре населения и месту проживания. Ошибка выборки – 5 %. Опрос проведен в июне 2015 г. Руководитель: Проказина Н.В., д-р соц. наук, доцент.

пондентов рассматривают толерантность как «...терпимость к представителям других народов, различию их этнической и культурной принадлежности, вероисповеданию, убеждений и поступков», что соответствует сущности данной дефиниции; 5,4% и 4,9% опрошенных соответственно под толерантностью понимают «стремление одного народа завоевать территорию другого народа» и «неприятель, конфликт с другими народами» соответственно. Возможно, такие ассоциации связаны с недостаточной информированностью молодежи Орловской области о рассматриваемом концепте.

Терпеливыми к представителям других народов считают себя 45,9% молодых людей (в 2013 году 42,5% опрошенных всех возрастов высказывались о терпимом отношении к представителям других национальностей [4, с. 13–19]), 11,2% затруднились ответить. При этом городские жители демонстрируют более негативное отношение в целом. Наибольшую доброжелательность и терпимость проявляет сельская молодежь. Наличие значительной доли отрицательных ответов (42,9%) требует более глубокого научного анализа и активной работы органов власти по формированию толерантных установок в молодежной среде.

С нашей точки зрения, это объясняется тем, что 21,8% молодых жителей Орловского региона мало знают традиции других народов. Настораживает тот факт, что 41,1% респондентов это абсолютно не интересует.

В общевозрастном разрезе эти данные коррелируют с результатами исследований 2014 года. Так, 17,3% опрошенных знали и были готовы принимать традиции других народов; 8,3% хотели бы их узнать; не знали, но и не против традиций 25,9% респондентов. О безразличном отношении заявляли в целом 48,5% участвующих в опросе.

Следует отметить, что современная ситуация на Украине активизировала миграционный поток жителей с востока данной страны, в том числе и в Орловскую область.

Например, с начала 2015 года на территории региона было зарегистрировано 11063 гражданина Украины (по данным на июль 2015 года)⁴.

Это не могло не сказаться на отношении местных жителей к вынужденным переселенцам. Так, большинство (62,1%) молодых респондентов обращают внимание на то, что рядом с ними живут, работают, проводят свободное время вынужденные переселенцы из Украины, для 36,0% – это малозначимый фактор, 2,0% придают этому значение лишь иногда.

При этом важно, что молодежь дружелюбно относится к данной категории. По нашему мнению, это обусловлено родственными связями и определенной «братской» ментальностью к украинцам, длительными традициями сотрудничества народов, их дружбой и добрососедством. Однако четверть респондентов указывали на резко негативное или равнодушное отношение к ним. Вероятно, это связано с некоторыми противоправными действиями со стороны вынужденных переселенцев (например, в пос. Хотынец заведующей столовой вылили на голову суп, а г. Болхов изнасиловали девушку).

На представителей других национальностей, проживающих в Орловской области, молодежь также не обращает внимания. Значимость вопроса о национальной принадлежности окружения в ряде случаев обусловлена, по нашему мнению, устоявшейся в сознании «коренных» жителей взаимосвязи миграции и криминализации.

Важно, что молодые жители не чувствуют враждебность к себе со стороны представителей других народов (51,2%), редко – 28,3%. Очень часто или довольно часто такую враждебность ощущают 0,5% и 1,5% респондентов соответственно. Для 18,5% вопрос вызвал затруднение.

Полученные результаты корреспондируют с общероссийскими⁵. В других субъектах РФ можно наблюдать аналогичные показатели – об отсутствии неприязненных отношений заявляли 52% опрошенных. Однако в молодежной среде 46% испытывают неприязнь к лицам другой национальности – и в большей степени к таджикам, азербайджанцам, чеченцам [1, с. 102–112].

В целом приведенные данные говорят об отсутствии напряженности в поведении и тревожности молодежи Орловской области, но при этом показывают дуалистичность их взглядов.

⁴ На прошлой неделе в Орловскую область прибыли 330 украинцев [Электронный ресурс] / Орловское информбюро. 06.07.2015. URL: <http://www.oryol.ru/material.php?id=39518> / (дата обращения: 08.04.2016).

⁵ Национализм, ксенофобия и миграция [Электронный ресурс] / Левада-центр. 26.08.2014. URL: <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya> (дата обращения: 17.04.2016).

Следующие вопросы предполагали выявление отношений молодежи к заведомо не толерантным мерам.

Жителям Орловской области был задан вопрос: «Одни считают, что люди коренной национальности должны иметь больше прав, чем люди других национальностей, живущие на той же территории. Как Вы считаете?». Ответы на него среди молодого поколения распределились следующим образом: 51,4% орловчан указали на необходимость соблюдения равноправия, 38% ответили, что люди коренной национальности должны иметь больше прав, 10,6% респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

В целом такое распределение ответов коррелирует с показателями федерального уровня⁶. В данном контексте государство должно объективно оценивать факты националистических настроений в обществе и принимать соответствующие управленческие решения.

Также показательны результаты ответов на вопрос «Как вы относитесь к идее «Россия для русских»?». В частности, 48,1% опрошенных отрицательно воспринимают такую идею. Для них – это настоящий фашизм. Поддерживают такой лозунг в разумных пределах 16,9% респондентов, а полностью разделяют такие взгляды – 24,3%. Не интересуются этим вопросом 9,5% жителей Орловской области. Затруднились ответить 1,2%. То есть потенциально у 51,9% молодежи региона можно сформировать националистические взгляды.

Согласно опросам 2013 года, поддерживали такой лозунг 41,7% респондентов, 26,6% – относились терпимо. При этом лишь 25% отмечали крайне отрицательное отношение к данным словам, и 9,7% респондентов признались: «Не понимаю этого лозунга, он вызывает смех» [4, с. 13–19].

Следует отметить, что по данным аналитиков «Левада-Центра» (июль 2014 г.), из 1600 респондентов 36% выбрали вариант ответа «Такую идею было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах», при этом 18% опрошенных относили себя к абсолютным сторонникам этого лозунга. Отрицательно отзывались о подобных высказываниях лишь 27%. Не интересовались этим 14% опрошенных, для 7% такой вопрос вызвал затруднение⁷.

Распределение ответов на вопрос об отношении молодежи к приезду в Россию людей из соседних стран показывает, что большинство (45,5%) относятся к этой миграции отрицательно. Противоположной точки зрения придерживаются 35,4% молодых людей. Значительна доля тех, кто не смог ответить на поставленный вопрос (19,1%). С нашей точки зрения, определенная «информационная» работа с «колеблющейся» группой респондентов может склонить их в ту или иную сторону.

Другие региональные исследования указывают на оправдание у местных жителей ограничения въезда мигрантов на территорию страны или региона (наиболее часто с этим соглашались молодые люди – 71%) [1, с. 102–112; 6].

Об отсутствии стереотипов и предубеждений (и вместе с тем бинарности толерантных взглядов) говорят следующие ответы респондентов. К примеру, лозунги «хватит кормить Донбасс» и «хватит кормить Крым» определенно не поддерживают 62,1% и 50,2% опрошенных соответственно. Как правило, молодежь Орловской области предпочла бы в отношении вынужденных переселенцев политику улучшения социальных условий жизни беженцев и помощи в получении гражданства (48,3%), 31,2% склоняются к политике поддержки и умеренного контроля, 14,1% опрошенных поддерживают политику сокращения потока беженцев и лишь 4,9% – политику неприятия.

Общероссийская динамика ответов на подобные вопросы (начиная с 2002 года) показывает увеличение или снижение процентного выражения до пяти пунктов – в зависимости от социально-экономического и политического развития страны. Это «вырисовывает» определенный образ колеблющегося индивидуума, который в целом не является националистически настроенным, дружелюбен по отношению к представителям других национальностей, однако очевидно, что в условиях активного применения манипуляционных технологий со стороны заинтересованных лиц дуализм личностных установок может использоваться для дестабилизации социально-политической ситуации в регионе.

О чувствительности партнеров, высоком уровне сопереживания говорят ответы на следующие вопросы. К примеру, жите-

⁶ Межнациональные отношения: мониторинг [Электронный ресурс] / Фонд общественного мнения. 22.12.2014. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11876> (дата обращения: 17.04.2016).

⁷ Национализм, ксенофобия и миграция [Электронный ресурс] / Левада-центр. 26.08.2014. URL: <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya> (дата обращения: 17.04.2016).

лям Орловской области был задан вопрос: «Если на Ваших глазах подростки (группа молодежи) будет издеваться над человеком иной национальности, как Вы поступите?». Так, 73,7% опрошенных молодых людей ответили, что скорее позовут на помощь, 17% скорее постараются вмешаться, скорее пройдут мимо 9,3% жителей Орловской области.

В 2014 году на этот же вопрос более половины (51,5%) ответили, что, скорее, постараются вмешаться. Полностью были уверены, что пройдут мимо, немногие (9,5%). Среди тех, кто, скорее всего, пройдет мимо, можно выделить несколько групп. Представители первой группы были убеждены, что это их не касается (16,3%). Вторая группа считала, что вмешательство бесполезно, может самому не поздоровиться (11,6%). Третья группа полагала, что «жертва» спровоцировала подростков или сама виновата перед ними (8%).

В решении конфликтных ситуаций на национальной и этнической основе жители Орловской области чаще полагаются на государство (33,9%) и религиозные организации (22,9%); ориентируются на воспитательную работу, пропаганду толерантности, улучшение работы властей, борьбу с коррупцией, правоохранительных органов. Треть респондентов считают, что люди сами должны искать пути межнационального согласия.

Следует отметить, что молодежь Орловской области положительно оценивает деятельность региональных органов власти в решении межнациональных проблем и конфликтов. Потенциальную возможность их регулирования отмечают 87,4% респондентов.

Как нам видится, такая точка зрения связана с решением проблем в размещении вынужденных переселенцев с Украины, а также с активной деятельностью Координационного совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при губернаторе Орловской области.

В июне 2015 года с жителями региона различной национальности и возраста (армянкой, 19 лет), украинкой, 42 года), (таджичкой, 25 лет), (россиянкой, 55 лет), (турком, 46 лет) и (азербайджанцем, 29 лет) было проведено интервью.

На вопрос «Скажите, пожалуйста, считаете ли Вы себя терпеливым человеком к представителям других народов? В чем это

проявляется?» пять человек из шести утвердительно ответили на данный вопрос. Для них это проявляется в общении со всеми народами одинаково, в дружелюбном отношении друг к другу. Азербайджанец указал на нейтральное и осторожное отношение к другим народам.

Основными причинами неприязненного отношения друг к другу представителей различных национальностей были названы взаимосвязь такой неприязни с воспитанием в семье и непонимание. А среди причин межэтнических конфликтов – отсутствие адекватного поведения представителей разных народов, нежелание искать межэтнические компромиссы, непонимание основ культуры, отсутствие опыта взаимодействия.

Поэтому важно, по их мнению, пропагандировать идеи этнической толерантности в семье, школе, библиотеке, выстроить эффективную систему управления в действиях, а не на бумаге.

Глубинное интервью позволило сделать вывод о в целом толерантном отношении жителей Орловской области, причем носителями различных этнических групп и возрастов.

Итак, проведенное исследование выявило, с одной стороны, высокий уровень межэтнической толерантности среди молодежи Орловской области, а с другой – ряд нетолерантных социальных установок. В этой связи интенсификация миграционных процессов способна развить «парадокс Лапьера».

Следовательно, государственная молодежная политика как федерального, так и регионального уровня должна включать в себя как профилактические меры, направленные на формирование у молодежи установок межэтнического сотрудничества, сохранение и развитие национальных, культурных традиций этнических групп, проживающих на территории региона, так и целенаправленную систематическую работу по формированию межэтнической толерантности. Во многом этому будут способствовать партнерские отношения между государственными структурами и институтами гражданского общества.

1. Бородин, Д.Ю. Учет фактора этнической толерантности при формировании региональной молодежной политики [Текст] / Д.Ю. Бородин, Н.С. Смирнова, Е.А. Уханова // Вестник Тверского

государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. № 18. С. 102–112.

2. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра [Текст] / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

3. Григорьева, Н.А. Государственная молодежная политика в современной России: тенденции и противоречия [Текст] / Н.А. Григорьева, М.А. Симонова // Перспективы науки. 2014. № 8 (59). С. 15–20.

4. Даниелян, П.С. Сравнительный анализ развития толерантности и факторов риска в современном российском обществе [Текст] / П.С. Даниелян // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 13–19.

5. Елисеев, А.Л. Специфика социально-политического самоопределения современной российской молодежи [Текст] / А.Л. Елисеев, Е.Н. Малик, А.В. Мельников // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 83–93.

6. Мокин, К.С. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика [Текст] / К.С. Мокин, Н.А. Барышная. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. 247 с.

7. Сергиенко, Н.Л. Государственные меры формирования толерантности в молодежной среде: оценка эффективности [Текст] / Н.Л. Сергиенко, В.Н. Муха // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 69–72.

References

1. Borodin D.Iu., Smirnova N.S., Ukhanova E.A. (2013) *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, no. 18, pp. 102–112 [in Rus].

2. Grazhdanskaia, etnicheskaia i regional'naia identichnost': vchera, segodnia, zavtra (2013) / ruk. proekta i отв. red. L. M. Drobizheva. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 485 p. [in Rus].

3. Grigor'eva N.A., Simonova M.A. (2014) *Perspektivy nauki*, no. 8 (59), pp. 15–20 [in Rus].

4. Danielian P.S. (2014) *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, no. 1, pp. 13–19 [in Rus].

5. Eliseev A.L., Malik E.N., Mel'nikov A.V. (2015) *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 3, pp. 83–93 [in Rus].

6. Mokin K.S., Baryshnaia N.A. (2009) *Etnopoliticheskoe issledovanie: kontseptsii, metodologii, praktika*. Saratov, Izdatel'skii tsentr «Наука», 247 p. [in Rus].

7. Sergienko N.L., Mukha V.N. (2013) *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 10, pp. 69–72 [in Rus].

UDC 316.34/35

INTER-ETHNIC TOLERANCE OF THE YOUTH OF RUSSIAN BOONDOCKS IN THE CONTEXT OF INTENSIFYING MIGRATION FLOW

Merkulov Pavel Aleksandrovich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Orel branch,
Director, Head of the Department Chair of Politology and State Policy,
Doctor of History, Associate Professor,
Orel, Russia.
E-mail: oo@orel.ranepa.ru

Prokazina Natalya Vasilyevna,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Orel branch,
Head of the Department Chair of Sociology and Information Technologies,
Doctor of Sociology, Associate Professor,
Orel, Russia.
E-mail: oo@orel.ranepa.ru

Isaev Alexey Vladimirovich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Orel branch,
Associate Professor of the Department Chair of Constitutional and Municipal Law,
Cand. Sc. (Political Sciences),
Orel, Russia.
E-mail: IsaevLesha@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to studying inter-ethnic tolerance of the youth of Orel region. The authors describe the results of sociological surveys bringing light to binarity of tolerant orientations of the youth in the context of intensification of migration flows. The authors actualize the necessity of developing partnership relations between government institutions and institutions of civil society against xenophobia and intolerance among young people.

Key concepts:

youth,
inter-ethnic tolerance,
partnership,
Orel region,
migration.

УДК 316.6; 324

ВЫБОРЫ НА СТАВРОПОЛЬЕ: ГОЛОСУЮТ, КОГДА ДОВЕРЯЮТ

Беляев Александр Васильевич,
Северо-Кавказский федеральный
университет,
профессор кафедры педагогики
и психологии
профессионального образования,
доктор педагогических наук, профессор,
г. Ставрополь, Россия.
E-mail: andis-1@yandex.ru

Аннотация

Рассматривается проблема оценки
итогов региональных выборов
в законодательные собрания, роль
факторов, определяющих поведение
избирателей в выборных кампаниях:
отношение к власти, механизмы
формирования установок, представлений
избирателей, качество политического и
административного менеджмента.

Ключевые понятия:

выборы
власть,
менеджмент,
ответственность,
кадры.

В прошедшем 2016 году вместе с избранием депутатов в Госдуму РФ в единый день для голосования прошли выборы в тридцать девять региональных законодательных собрания, а также в одиннадцать городских дум. Народные избранники, получившие депутатские удостоверения, в течение пяти лет призваны отстаивать интересы россиян в муниципалитетах, региональных парламентах и Государственной Думе. От депутатов наши сограждане ожидают, что все они будут разрабатывать и принимать нужные законы, отстаивать интересы своих избирателей. В каждом представителе власти мы хотим видеть надёжного человека, заботящегося об общественном благе, укреплении государственности. По этой причине важно проанализировать опыт депутатской деятельности их предшественников, степень доверия населения к органам прежде всего региональной и муниципальной власти, чтобы ожидать от новых избранников готовности оправдать доверие.

Знания, накопленные социологией, социальной психологией, позволяют объяснить, как люди влияют друг на друга в ходе избирательных кампаний, как они позиционируют себя в обществе, оценивают личностные качества идущих во власть, приобретают опыт распознавания скрытых мотивов их поведения. Социальная психология, например, акцентирует внимание на ситуациях, формирующих действия и мысли отдельного человека в конкретных социальных обстоятельствах. Цель статьи – на примере региональных и муниципальных выборов на Ставрополье охарактеризовать зависимость электоральной активности граждан от доверия к власти, выявить факторы, в наибольшей степени определяющие степень такого доверия как социально-психологического императива.

Российские эксперты традиционно выделяют следующие факторы, связанные с электоральной активностью граждан: уровень выборов и их совмещение, тип избирательной системы, особенности общественно-политической жизни, уровень экономического развития региона, влияние политических технологий, уровень гражданской (политической и правовой) культуры [4].

Выборы в региональные и муниципальные законодательные собрания 2016 года дают основания для расширения спект-

ра названных факторов, для обращения внимания на ряд новых условий, обстоятельств. Такими дополнительными факторами, влияющими на активность избирателей, являются эффективность политического и административного менеджмента, личные качества представителей власти, уровень их профессиональной компетентности, наличие политической конкуренции и степень предсказуемости электорального исхода, организационно-правовое, финансовое, информационное обеспечение избирательной кампании. Учёт указанных факторов, анализ ситуаций социального поведения в ходе выборов помогают понять причины «бесконечных конфликтов в избираемых органах власти, отстаивания собственных амбиций, использования власти в корыстных целях – того, что нередко видят избиратели в реальности. Следствием этого является потеря доверия избирателей к своим избранным представителям власти. Люди, не верящие в справедливость, эффективность законов и их безотлагательное исполнение для всех, оказываются перед собственным выбором. Иногда это путь депрессии, подавленности, ухода в алкоголизм или, наоборот, агрессии, часто сопровождающиеся игнорированием законов» [2].

От повышения доверия к политическим лидерам в значительной мере зависит и повышение активности избирателей. Активность избирателей – это готовность граждан выражать свою волю на выборах, это степень заинтересованности избирателей в реализации программ партий, кандидатов в ходе выборных кампаний, участие в голосовании. Показателями активности являются явка на избирательные участки, осознанность выбора (знание предвыборных программ, личностных качеств кандидатов), стремление к практической поддержке партий, кандидатов, желание принять участие в решении региональных и муниципальных проблем. Вместе с тем неявка граждан на избирательные участки не всегда является следствием их пассивности, низкого уровня гражданского сознания. О недостаточности гражданского долга, пассивности можно говорить в том случае, когда есть графа «против всех». При отсутствии такой графы отказ от голосования может быть связан с негативным отношением ко всем кандидатам, партийным спискам.

Традиционно выделяют следующие основные причины низкой электоральной активности: молчаливое согласие граждан с существующим порядком вещей, когда гражданин не считает необходимым подтверждать свою удовлетворённость приходом на избирательный участок; выражение протеста по отношению к власти (что свидетельствует о наличии гражданской позиции); сомнения в честности выборов, не верие в способность выборов реально влиять на жизнь региона, города; убеждённости в предсказуемости итогов; ограниченность жизненных смыслов, неспособность выйти за узкие рамки эгоистичных потребностей и интересов.

Характерной особенностью последних выборов (сентябрь 2016 г.) является низкая явка избирателей (в большинстве регионов явка не превысила 50%). Низкий уровень активности избирателей отрицательно влияет на баланс отношений принципов «политическое равенство» и «политическое участие». «Неравное политическое участие порождает неравное представление интересов и неравное влияние на политическую систему» [5, с. 112]. Низкая активность избирателей, хотя и не оказывает решающего влияния на итоги выборов, может серьёзно подрывать легитимную репутацию политических лидеров, их электоральный авторитет. В результате разрыва электоральных связей официальные избираемые лица не чувствуют своей ответственности перед гражданами, которые за них не голосовали. Наиболее предпочтительными средствами повышения избирательной активности граждан являются средства информационного обеспечения избирателей, поддержание интриги как следствия реальной конкуренции, наличие возможностей для разъяснения кандидатами и партиями своих позиций, для распространения агитационных материалов [1]. Исследователи также отмечают, что «важным условием привлечения граждан на выборы является обязательное выполнение депутатами своих предвыборных обещаний, выдвижение понятных и конкретных программ» [3].

Рассмотрим итоги выборной кампании 2016 года на примере Ставропольского региона. Явка составила 42% от количества зарегистрированных граждан (при этом каждый десятый голосовал дома, каждый сотый – по открепительному талону). Испорченных бюллетеней оказалось 3%. Из

числа принявших участие в голосовании в Государственную Думу за «Единую Россию» в крае отдали 55% избирателей. В выборах в городскую думу г. Ставрополя в списки избирателей было включено 293 447 человек. Приняло участие 41,9% от количества зарегистрированных граждан (123 218 чел). За «Единую Россию» проголосовали 52,1% ставропольцев – участников голосования. Однако скрытый от поверхностного взгляда смысл, как часто бывает, заключается в подробностях. На подробности эти и следует обратить внимание, чтобы понять, как действуют внутренние механизмы выборов.

Одна из них – соответствие хода кампании чётко прописанному сценарию, что позволяет в последующем проводить аналогии с драматургией. Праймериз – пролог, представление главных действующих лиц. Первое действие: агитация и пропаганда, знакомство с второстепенными действующими лицами, хождение в народ (во дворы). Самый интригующий в этом действии акт – дебаты. Иногда участники дебатов настолько глубоко входили в образ, что им не хватало времени сказать самое главное. Некоторые безудержно радовались возможности озвучить компромат на конкурентов, в результате тянули друг друга на дно.

Действие второе (главное): совместный выход на авансцену главных и второстепенных действующих лиц, ритуал голосования, эпизодические нарушения, оживление наблюдателей. Действие третье (финал): подсчёт голосов, объявление победителей, ликование «своих» и демонстрация превосходства над проигравшими («чужими»).

Выборы, по оценкам единороссов, имели положительные итоги. Вот только явка избирателей оказалась низкой. Поэтому, когда победители говорят, что большинство населения оказало им поддержку, это преувеличение, искажение электоральной картины.

Предсказуемость итогов выборов была очевидной, так как политическая конкуренция была устранена в самом начале избирательной кампании. Некоторые партии («Партия роста», «Родина») не были допущены краевым избиркомом. Для ослабле-

ния реальных конкурентов использовались все возможные средства противодействия, в том числе, и криминальные: у родителей кандидата, имевшего значительную поддержку населения, злоумышленники (до сих пор не найдены) подожгли дом, против известного правозащитника по надуманным причинам возбуждается уголовное дело, по ночам срывались агитационные материалы кандидатов, звучали угрозы в адрес владельцев магазинов, офисов, осмелившихся разместить партийные агитационные листовки конкурентов.

Кто голосовал за партию власти? Голосовали в основном представители самой власти, те, кто занимает приличные должности с достойными окладами. Они хорошо организованы, поэтому пришли все, привели своих родственников, подчинённых. Пришли и те, кому было настоятельно рекомендовано прийти и голосовать «за кого надо». Так что власть голосовала сама за себя, за своё стабильное существование. Жёсткость механизмов управления неизбежно ведёт к утрате интриги, имеющей значение в таком сложном в социально-психологическом отношении феномене, как голосование. Следствием отсутствия интриги становится предсказуемость результатов, потеря интереса значительной части населения к выборам, снижение избирательной активности.

Другая подробность касается финансирования выборов: привлечение сомнительных фондов, «добровольные» взносы строительных компаний, сельхозпредприятий, сети аптек, миллионные взносы самих кандидатов в депутаты.

По данным избиркома, в Ставропольском крае только на выборах в краевую и федеральную думы партии потратили 80 млн руб. На счет «Единой России» поступило 62 млн руб.¹

Выборы стали корпоративным делом местной элиты. Их положительные итоги – результат хорошо организованного управления избирательной кампанией. Однако жёсткость механизмов управления неизбежно ведёт к утрате интриги, имеющей важное значение в таком сложном в социально-психологическом отношении феномене, как голосование. Недоверие к

¹ Чаблин А. Выборы на Ставрополье прошли скучно и завершились предсказуемо // Газета «Открытая». № 37 (730). 21.09.2016 г.

власти, установка на неприятие выборов формируется у граждан особенно заметно в тех обстоятельствах, когда избиратели обнаруживают в бюллетенях фамилии депутатов, отбывших срок в Думе прошлого созыва и не понёсших никакой персональной ответственности за нанесённый городу, краю урон. Когда власть предлагает голосовать за «карьерных депутатов», по десять и более лет занимающих депутатские кресла и превративших депутатский мандат в пожизненную ренту. В итоге происходит утрата интереса к выборам, а вместе с ним – снижение избирательной активности граждан.

Достигнутую в результате выборов стабильность можно оценивать по-разному. Во-первых, положительно: вряд ли кому-либо захочется жить в политическом хаосе, в государственной разрухе – в условиях, подобных тем, что имеют место быть на Украине. Во-вторых, отрицательно: при власти на Ставрополье по-прежнему остались многие из тех, кто довел город, край до экономической и политической стагнации (например, доля новых депутатов в составе Ставропольской городской думы по итогам выборов 2016 года составила всего лишь 23%). Приведём конкретные факты, неоднократно описанные в региональных СМИ.

Вместо того чтобы развивать экономику, малый и средний бизнес, ставропольские власти решили в целях оптимизации бюджета ликвидировать районные муниципалитеты и перевести их в городские округа, что, по сути, незаконно. Объединение сельских территорий в городские округа, начавшееся на Ставрополье без общественного обсуждения, серьёзной экспертной проработки и анализа последствий, не более чем имитация антикризисных преобразований. В результате проводимых реформ изменяются принципы формирования бюджетов, полномочий территорий. Вместо районных государственных администраций появились муниципальные образования. Были отменены прямые выборы районных депутатов, а также районных и городских глав. У районных властей поэтапно отбирали полномочия (вместе с бюджетными деньгами) в области образования, здравоохранения, соцзащиты, возвращая на уровень региона.

Таким образом, для того, чтобы переложить часть средств из государственного бюджета в муниципальный, ограничить возможности районной и поселенческой власти, краевые чиновники подвергли пересмотру полномочия территорий, погрузили население в выборные конфликты. При этом главная цель муниципальной реформы – повысить эффективность самоуправления, дать людям больше самостоятельности, возможность стать хозяевами на своей территории, – достигнута не была. При объединении сельских поселений в округа растёт налоговая нагрузка на бизнес, и предприниматели включают издержки в стоимость товаров и услуг. В результате такой недалёковидной политики краевых властей возникают активные акции протеста сельских жителей против подобных реформ, которые, разумеется, не добавляют доверия избирателей к их инициаторам.²

По данным налоговой службы, за последние два года количество индивидуальных предпринимателей на Ставрополье сократилось на десять тысяч. При этом за воспрепятствование предпринимательской деятельности никто ответственности не несёт. Богатый по своему потенциалу край характеризуется неэффективностью трат бюджетных средств, непрозрачностью предоставления налоговых льгот. Это уже угроза социально-экономической безопасности региона. Ставрополю, по оценке первого вице-премьера краевого правительства И. Ковалёва, грозит коммунальный коллапс: плотность застройки в краевом центре в несколько раз превышает градостроительные нормы, город задыхается от автомобильного транспорта, не выдерживают напряжения электросети и водоканал, уничтожаются памятники архитектуры, культурно-исторические и природные ландшафты.

Обращает на себя внимание очень низкая интеллектуальная ёмкость принимаемых решений, организационных мер, стремление управленцев применять слишком простые способы для решения сложных проблем.

Для покрытия дефицита краевого бюджета, например, был повышен страховой сбор: в результате малый бизнес ушёл в тень. В настоящее время также го-

² Парфёнов О. Реформаторский зуд недоучек // Газета «Открытая». №6 (699). 17.02.2016.

товится повышение налога на средний и малый бизнес; активно продвигается идея введения курортного сбора с отдыхающих. Кадастровая переоценка земель и зданий, по свидетельству предпринимателей, оказалась абсолютно неадекватной (впустую было потрачено несколько десятков миллионов рублей). На повторную кадастровую переоценку было затрачено уже около ста миллионов рублей.

Результат, по мнению бизнесменов, получился ещё плачевнее: новые арендные платежи на землю разорили предпринимателей. Такой подход неизбежно приводит к известному результату: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Одна из причин такого положения – недостаточность профессиональных компетенций. Для того чтобы выбрать хороший проект, оценить его перспективы, принять и реализовать ответственное решение, необходимы соответствующие знания, умения ставить цели, определять пути, методы и средства их достижения, нужны способности решать задачи в ситуации социально-экономических трансформаций, в новой среде, в широком (междисциплинарном) контексте. Однако именно здесь находится слабое звено. Вот некоторые заголовки из региональных газет: «Руководители краевого антимонопольного управления превратили своё ведомство в сугубо карательный орган»; «Краевая жилищная инспекция понуждает граждан оплачивать бесплатные услуги»; «На Ставрополье проверки предпринимателей приняли характер эпидемии»; «Вопреки позиции Верховного суда городской расчётный центр продолжает незаконную деятельность»; «Контрольно-счётная палата выявила грубейшие нарушения в действиях городской администрации Ставрополя в распоряжении жилым фондом»; «На Ставрополье полторы тысячи обманутых дольщиков»; «Ставрополье – правовая пустыня с бездействующими органами власти и беззащитным населением». В то же время кратно увеличились расходы власти на пропаганду, что является прямым следствием репутационных потерь.

Почти миллиард рублей идёт на содержание аппарата правительства края.

Ставрополье входит в пятёрку регионов с самым большим аппаратом парламентов. Вместе с тем, по данным ежегодного доклада Всероссийской антикоррупционной общественной приёмной «Чистые руки», Ставропольский край занимает 5-место в стране по уровню коррупции.³

Проведение властными структурами подобной недальновидной политики неизбежно ведёт к утрате доверия населения. Эти нелицеприятные слова не относятся к тем немногим представителям ветвей власти, кто добивался признания собственным трудом, имеет профессиональные достижения, пользуется заслуженным авторитетом: руководителям успешных предприятий, работникам образования, здравоохранения, строителям, инженерам, спортсменам. Но они не спасают положения и зачастую служат прикрытием для местных чиновников, десятилетиями использующих власть для конвертации административных возможностей в личное благополучие. Все эти негативные явления формируют у значительной части населения региона пассивное отношение к избирательным кампаниям. Так, в сентябре 2016 года в Ставропольском крае к урнам пришло на 200 тысяч человек меньше, чем было на выборах 2011 года. Количество испорченных бюллетеней оказалось вдвое больше, чем пять лет назад, – свыше 31 тысячи.

Резюмируя итоги выборов в региональные законодательные собрания, городские думы на Ставрополье, необходимо отметить и некоторые положительные изменения: прежде всего, обновление депутатского корпуса. Пришло немало успешных «управленцев», представляющих различные деловые структуры. Избиратели стали чаще отдавать голоса в пользу успешных хозяйственников, если считают их компании основательными и серьёзными. Значимость и солидность фирмы могут компенсировать отсутствие широкой известности у её сотрудника, решившего выставить свою кандидатуру на выборах. Например, доля руководителей крупных компаний в законодательном собрании, в думе Ставропольского края составила 34% (из 50 депутатов руководителей предприятий – 17 чел.).

³ Коррупция в России: независимый годовой доклад Всероссийской антикоррупционной общественной приёмной «Чистые руки» (2016г.) [Электронный ресурс]. URL: http://moygorod-online.ru/netcat_files/userfiles/57/doklad-21-09-2016.pdf (дата обращения: 17.02.2017).

«Голосуя за какого-либо директора или начальника участка, граждане в том числе оказывают доверие его компании. Правда, отмечают специалисты, чтобы заслужить такой авторитет, нужна безупречная репутация, выстроенная годами образцовой работы⁴».

Какие меры могут способствовать повышению доверия к региональной и местной властям, а значит – повышению электоральной активности граждан?

Первое. Доверие избирателей следует повышать не административными методами, а реальными делами политических лидеров, направленными на выражение интересов наших сограждан. Это в свою очередь связано с необходимостью усиления гражданско-правового контроля за выполнением полномочий официальными выборными лицами, их готовностью нести ответственность перед гражданами (выполнение программ, предвыборных обещаний).

Второе. Необходима специальная работа по отбору умных и бескорыстных людей, способных радеть об общем благе. Прежде всего следует обратить внимание на кадровый резерв всех уровней власти, который, как было отмечено на Гайдаровском форуме, в 2016 году был маловостребован, несмотря на свою разветвлённость. Критерии отбора должны приводить во власть «лучших представителей не только государственного, но и негосударственного сектора». Оценивать кандидатов следует по результатам текущей деятельности по основному месту работы, с учётом их репутации в общественном мнении. В списки кандидатов в законодательные собрания также следует включать активных, пользующихся поддержкой избирателей представителей гражданского общества.⁵ Известен спор о том, какой принцип лучше: рекрутировать во власть преимущественно людей со стороны или опираться главным образом на собственные кадры. Сторонников первого и второго подходов примерно поровну. Нужен, разумеется, индивидуальный подход. И всё же следует учитывать объективные факторы, региональные особенности. Главное, чтобы человек соответствовал должности и в профессиональном, и в нравственном отношениях.

В регионах, в которых властные структуры сохраняют рудименты клановой организации, на руководящие должности следует чаще привлекать, по нашему мнению, специалистов «со стороны». Привлекать из крупных промышленных и научных центров, где есть, в отличие от регионов, ориентированных на сельскохозяйственное производство, условия для взращивания профессионалов с высоким уровнем менеджерской культуры. Не варягов-временщиков, а людей честных, порядочных, имеющих достоинство. Однако это не просто: какой регион легко расстанется с перспективными кадрами?

Третье. Часто можно услышать суждение о том, что большинство работников органов управления – это честные и добросовестные люди. Разумеется, это так. Иное дело, когда властные структуры строятся по клановым понятиям, когда на первый план выходит принцип «свой – чужой». В таком случае всё остальное уже не имеет значения. По этим причинам особенно актуальной для регионов является проблема отбора и закрепления перспективных управленческих кадров.

Четвёртое. Одним лишь рекрутированием специалистов «со стороны» проблеме формирования кадровых ресурсов не решить. Поэтому активистам Общероссийского «Народного фронта» (функционеры «Народного фронта» на Ставрополье, по свидетельству региональных средств массовой информации, выдавливают из общественного движения самых искренних и деятельных активистов), другим общественным организациям, самим депутатам (тем, кто действительно имеет поддержку населения) с первых дней необходимо включиться в работу по отбору достойных людей, способных к реальному, а не позанальному выражению интересов населения регионов.

1. Любарев, А.Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации [Электронный ресурс] / А.Е. Любарев // *НВ: Проблемы политики и общества*. 2013. № 8. С. 138–209. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_8778.html (дата обращения: 05.10.2016).

⁴ Иванов Н. Репутация располагает к доверию // *Российская газета*. 28.10.2016.

⁵ Выжutowич В. Кадровый резерв // *Российская газета*. 27.01.2017.

2. Нарницкая, Г. Выборы. Психология для кандидатов и избирателей [Электронный ресурс] / Г. Нарницкая. URL: <http://www.b17.ru/article/34512/> (дата обращения: 05.10.2016).

3. Попова, Л.Е. Участие в выборах – право, долг, обязанность каждого гражданина [Электронный ресурс] / Л.Е. Попова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. С. 201–205. URL: <http://e-koncept.ru/2015/65111.htm>. (дата обращения: 12.10.2016).

4. Сербин, М. В. Повышение избирательной активности граждан как основа развития демократического общества [Электронный ресурс] / М.В. Сербин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 1671–1675. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53337.htm>. (дата обращения: 17.10.2016).

5. Фёдорова, Е.С. Активность избирателей на выборах: теоретические аспекты [Текст] / Е.С. Фёдорова // Современные политические процессы. 2005. № 2. С. 112–121.

References

1. Lubarev A.E. (2013) *NB: Problemy politiki i obshchestva*, no. 8, pp. 138–209, available at: http://e-notabene.ru/pr/article_8778.html (accessed 05.10.2016) [in Rus].

2. Narnickaya G. (2016) *Vybory. Psihologiya dlya kandidatov i izbiratel'ej*, available at: <http://www.b17.ru/article/34512/> (accessed 05.10.2016) [in Rus].

3. Popova L.E. (2015) *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»*, no. 30, pp. 201–205, available at: <http://e-koncept.ru/2015/65111.htm> (accessed 12.10.2016) [in Rus].

4. Serbin M.V. (2013) *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»*, no. 3, pp. 1671–1675, available at: <http://e-koncept.ru/2013/53337.htm> (accessed 17.10.2016) [in Rus].

5. Fjodorova E.S. (2005) *Sovremennyye politicheskiye processy*, no 2, pp.112–121 [in Rus].

UDC 316.6; 324

ELECTIONS IN THE STAVROPOL TERRITORY: PEOPLE VOTE WHEN THEY TRUST

Belyaev Aleksander Vasilyevich,
North Caucasus Federal University,
Professor of the Department Chair of
Vocational Education and Psychology,
Doctor of Education, Professor,
Stavropol, Russia.
E-mail: andis-1@yandex.ru

Annotation

The author considers the problem of summing up the results of regional elections to the Assembly, role of the factors, determining voters' behavior during election campaigns: attitude to the power, mechanisms of forming voters' orientations, quality of political and administrative management.

Key concepts:
elections,
power,
management,
responsibility,
staff.

УДК 32.019.5 + 327.8

ИНТЕРЕСЫ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ В АРКТИКЕ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МОНИТОРИНГА ВЕДУЩИХ СМИ¹

Мартьянов Виктор Сергеевич,
Институт философии и права УрО РАН,
заместитель директора по науке,
кандидат политических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: martianovy@rambler.ru

Панкевич Наталья Владимировна,
Институт философии и права УрО РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: disser5@yandex.ru

Старцев Ярослав Юрьевич,
Институт философии и права УрО РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: y.startsev@gmail.com

Эмих Валентина Викторовна,
Институт философии и права УрО РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат юридических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Аннотация

В статье представлен обзор пилотного мониторинга арктической политики ведущих мировых держав и иных субъектов освоения Арктического региона. На основании данных мониторинга сформировано целостное представление о российской и альтернативных ей стратегиях освоения Арктики. Созданный в ходе исследований инструментальный апробирован на материалах таких крупных изданий, как «Российская газета», «Le Monde» (Франция), «Guardian» (Великобритания), «Washington Post» (США), «Le Devoir» (Канада), «Жэньминь Жибао» (Китай) и др. Из сравнения приоритетов базовых смысловых интерпретаций арктического пространства составлено представление о стратегиях разнообразных субъектов влияния в Арктике.

Ключевые понятия:
Арктика,
арктическая политика,
мониторинг,
арктическая идентичность,
символическая политика.

С развитием современных технологий Арктический регион превращается во все более привлекательный район освоения, имеющий не только военно-стратегическое, но и серьезное транспортное и экономическое значение. Россия имеет ряд весомых причин к выработке и продвижению собственной стратегии развития в Арктике и российской Арктики как ее крупнейшей составной части. Во-первых, мировое население Арктики – 4,2 миллиона человек, из них половина проживает на территории России. Во-вторых, если проводить границу Арктического региона не по Полярному кругу (66°33' северной широты), а по 60-й северной параллели, то к этому макрорегиону будет относиться половина территории России. В-третьих, достаточно отметить, что наша страна имеет самую протяженную арктическую границу из пяти арктических стран (Россия, Канада, США, Дания, Норвегия). В-четвертых, Россия располагает крупнейшими запасами сырья в Арктике, недра которой содержат, по разным оценкам, от 13 до 25% мировых запасов углеводородов. В-пятых, глобальное потепление открывает коммерческие возможности эксплуатации российского *Северного морского пути* в направлениях Европа – Азия, Евразия – Северная Америка. Во многом благодаря этим факторам «российская Арктика все чаще рассматривается как отдельная часть страны, соединяющая в своих границах территорию различных субъектов Российской Федерации, которые имеют общие природно-географические и социально-экономические черты... В связи с этим актуальной является проблема социокультурной общности данных территорий, идентичности региональных сообществ, перспектив формирования единого пространства российской Арктики» [6, с. 4].

Начало 1990-х обусловило кризис советских методов территориально-отраслевого освоения Арктики, которая на определенный период стала рассматриваться лишь как *бесперспективная земля* и источник проблем, заложенных советской моделью преимущественно монофункционального (моногорода) и военно-стратегического освоения, которые необходимо переосмыслить и эффективно разрешить в новых политико-экономических постсоветских контекстах [3]. Однако постепенное возвращение России в 2000-х в мировую повестку и переосмысление

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 15-15-6-29 «Перспективы арктической политики: интересы и стратегии ведущих мировых держав».

возможностей Арктического макрорегиона способствуют формированию новых приоритетов арктической политики. Вместе с тем эффективная долгосрочная политическая стратегия освоения Арктики в России до сих пор отсутствует. Анализ совокупности официальных нормативных документов, регулирующих стратегии развития арктических регионов России, приводит к выводу о том, что «существующие планы ориентированы в большей степени на освоение Арктической зоны как сырьевой периферии, чем на её социально-экономическое развитие» [8, с. 193]. Одновременно для России, в глобальном контексте растет важность легитимации и фиксации своих территориальных прав в Арктике. Стратегическое значение приобретает взаимодействие с другими, в том числе потенциальными политическими, военными и экономическими игроками в Арктике, в том числе выработка идей относительно правил присутствия арктических и неарктических держав в регионе.

Субъекты освоения Арктики

В настоящее время можно отметить усиление интереса неарктических государств к освоению Арктики. Возникают разнообразные вызовы и угрозы суверенитету России, связанные с притязаниями иных политических субъектов на освоение арктического пространства. В данном контексте интересы мировых держав в Арктике могут быть оценены только в контексте взаимодействия всех субъектов освоения Арктики и анализа различных составляющих их политических, экономических, культурных притязаний. Участников выработки арктической политики можно условно разбить на следующие группы (*по убыванию влияния*):

а) арктические государства (Россия, Канада, Норвегия, Дания, США) и приарктические государства (Швеция, Финляндия, Исландия), не имеющие прямого выхода в Арктику.

б) крупнейшие государства, претендующие на присутствие в Арктике и разработку ее природных богатств: Китай, Бразилия, Индия, Европейский союз как целое и входящие в него страны как отдельные политические субъекты.

в) межправительственные организации, среди которых важнейшее значение имеют ООН, Арктический совет, СБЕР и др.

г) Транснациональные корпорации: горнодобывающие, нефтегазовые, транспортные компании – Газпром, Роснефть, Бритиш Петролеум, Тотал, Шелл и др.

д) Международные неправительственные организации: Северный форум, Международный комитет по арктическим наукам, Саммит арктических лидеров и др. Кроме того, здесь можно упомянуть о природоохранных организациях и объединениях, защищающих интересы малочисленных народов Арктики: Арктический совет атабасков, Циркумпольная конференция инуитов, Совет саамов, Ассоциация северных городов, Российская ассоциация коренных народов Севера.

е) сети северных городов, представленные, прежде всего, российскими городами.

Предпринятый авторами статьи мониторинг ведущих мировых печатных СМИ показал дифференцированное, а по многим направлениям диаметрально противоположное видение корпоративной, национальной и международной стратегии освоения Арктики, ее политико-правового и экономического режима с позиций различных субъектов.

«Российская газета»

Количественный анализ материалов официальной *Российской газеты* (РГ) свидетельствует о сложившемся комплексе арктических символов, демонстрирующем в постсоветский период довольно сильную институциональную и смысловую инерцию. Негативные и пессимистические сюжеты РГ об Арктике начала 1990-х в своем большинстве поднимают не решаемые, накапливающиеся проблемы региона, брошенного *Большой землей* на самовыживание: старение арктического флота и авиации, проблемы с навигацией и со снабжением районов Крайнего Севера, растущая загрязненность Арктики, депопуляция арктических поселений, усложнение условий работы полярников, убыточность арктической инфраструктуры и северной экономики в целом.

Из таблицы 1 отчетливо видно, что в официальном дискурсе РГ частота обращения к Арктике и ее смысловым производным резко возросла, особенно в 2000-е гг. Доминирующими арктическими темами являются три ключевых сюжета. Во-первых, Арктика интерпретируется как минерально-сырьевая база, потенциальный источник углеводо-

Таблица 1

**Количество публикаций, связанных с Арктикой
и ее основными смысловыми производными, 1995–2017 гг.**

Определение	1993–1996	1997–2000	2001–2004	2005–2008	2009–2012	2013 – 03.2017
Арктика	149	307	426	1207	1582	3027
Северный морской путь (Севморпуть)	9	29	36	105	184	1752
Северный полюс, полярник	42	67	171	298	250	1514
Шельф («арктический», «полярный», «приполярный»)	3	0	3	18	18	785
Шпицберген	9	15	45	133	59	212
Циркумполярная (полярная, арктическая) цивилизация	0	2	1	6	7	23
Итого:	212	419	681	1747	2100	7313

родов, все более привлекательный по мере совершенствования технологий их добычи и роста цен на сырье. Во-вторых, с позиций национальных российских интересов чрезвычайно перспективным видится использование Арктики в качестве транспортного коридора Европа–Азия–США. В-третьих, Арктика видится в качестве военно-стратегического коридора Россия–США, имеющего серьезное значение в случае военного противостояния [2].

В целом материалы *РГ* иллюстрируют, что российские арктические регионы модифицируют и совершенствуют модели своего развития, подстраиваются под потребности и задачи новейшей российской экономики, существующей в глобальном контексте, получают растущие государственные и частные инвестиции. В Арктике замедляются процессы депопуляции, а в отдельных регионах идет восстановление численности населения. В результате после краха закрытой советской модели территориально-отраслевого экономического планирования начинается робкий восстановительный рост российской Арктики.

Основное смысловое смещение материалов *РГ* в постсоветский период связано с переосмыслением прежнего понимания Арктики как стратегического плацдарма времен *холодной войны* в пользу ее интерпретации в 2000-е годы в качестве экономически недооцененного региона, своего рода *северного Эльдорадо*, способного обогатить ресурсную базу россий-

ской экономики. Между этими пониманиями Арктики, 1990-е годы представляют ситуацию межвременья и лиминальности, когда Арктика преимущественно рассматривалась как бесперспективное наследие мобилизационного типа развития времен СССР, которое после распада сверхдержавы необходимо поддерживать вопреки здравому смыслу и законам рыночной экономики. В данном контексте широко аргументировалась рыночная нецелесообразность построения больших постоянных поселений и городов Крайнего Севера, нерентабельность размещения в них каких-либо производств [5]. Велась активная дискуссия о сибирском проклятии и неоправданной перенаселенности Русского Севера [9], а также приводились встречные аргументы [1].

Вместе с тем результаты мониторинга показывают, что внутри символического комплекса российской Арктики меняется лишь относительный вес его отдельных элементов в зависимости от меняющейся российской и глобальной политической повестки. При этом сохраняется доминирующее положение и инерция героических арктических символов *советского прошлого: полярник, Северный полюс, Шпицберген, Северный морской путь (Севморпуть), ледокольный флот, дрейфующая зимовка* и др.

С другой стороны, следует отметить, что новые постсоветские объекты интересов и символы, связанные с Арктикой и оформившиеся к XXI веку, такие как *ар-*

критический континентальный шельф, экстремальный туризм, экология, борьба с загрязнением окружающей среды – остаются довольно периферийными сюжетами российского образа Арктики. Не оправдались и исследовательские ожидания, связанные с потенциалом и укреплением циркумполярной цивилизации в Арктике. Малочисленные сюжеты и взаимодействия, связанные с единством образа жизни и культурным своеобразием, не ведут к эффективному объединению коренных северных народов в виде влиятельных на этнических, макрорегиональных и межнациональных объединений. Как правило, все эти объединения успешней действуют *внутри* каждого из пяти арктических государств, что обуславливает скептическое отношение экспертов, политиков и ученых к возможностям развития самостоятельной циркумполярной, северной цивилизации. Реальные действия заинтересованных субъектов – коренных народов Севера, показывают, что они успешно вживаются в политические и технические реалии современного мира, используя предоставляемые им преимущества и привилегии.

«Washington Post» (США)

Вашингтон пост – явный пример влиятельного издания с концепцией независимого СМИ. Это четко задает формат каждой публикации: в них должны быть в равной мере представлены полярные точки дискуссии, оппоненты. Поэтому упоминание ТНК неизбежно сопровождается упоминанием экологов, активистов, интересов малочисленных народов и пр. Упоминание демократов будет обязательно уравновешено рассмотрением позиции республиканцев, национальные интересы одной страны будут рассмотрены в совокупности с оппонентами и т.д. Отношение к Арктике как минерально-сырьевой базе будет уравновешено экологическими составляющими. Оценочных категорий в публикациях практически не содержится. В результате частотный анализ упоминаемости концептуальных альтернатив в публикациях является непоказательным. Они присутствуют и предлагаются общественному мнению для оценки в равной мере. Это, в частности, объясняет частотное превалирование экологической проблематики, которая является единым эквивалентом для раздробленной на отдельные категории проблематики *освоения*

региона: судоходство, добыча ресурсов, промысел и т.п.

Мониторингу подвергнуты все материалы газеты в 2011–2012 годах. Установлено, что газета обращается к арктической тематике в среднем 1 раз в 3 дня. При этом присутствуют номера, где данная тематика упоминается в 2–3 публикациях (см. табл. 2).

Таблица 2

Упомятаемость стран в публикациях с арктической тематикой, 2011–2012

Страна	Количество упоминаний
США	151
Россия	51 (+ 2 как Сибирь)
Канада	31
Норвегия	17
Швеция	7
Финляндия	7
Дания	5 (+ 17 как Гренландия)
Китай	3
Великобритания	3
Исландия	3

Поскольку газета издается в США, наибольшее количество упоминаний относится именно к этой стране – 151. Если в публикации значительное число стран упоминается одновременно, то, как правило, речь идет о *северных нациях* или *арктических нациях*. В данную категорию попадают 8 стран – членов Арктического совета: *Россия, США, Канада, Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия, Исландия*. Страны из других регионов упоминаются в основном в связи с их нефтяной специализацией: *Саудовская Аравия, Катар, Ливия, Судан, Иран*. В качестве перспективных игроков на этом поле единично называются Бразилия и Китай, причем только Китай – в привязке к Арктическому региону. Однако такое упоминание имеет единичный характер.

Также достаточно редко использование таких привычных терминов, как *Северный полюс* – 13, *Северный морской путь* – 6, *арктический шельф* – 5. Ни разу не упомянут *Шпицберген*, не обнаружены *полярники*,

не встречается словосочетание *арктическая политика*. Следует отметить, что ключевой категорией является *arctic*, все другие термины встречаются только в статьях, которые уже содержат данную категорию (см. табл. 3).

Таблица 3

Частотность упоминания общественных организаций, 2011–2012

Организации	Число упоминаний
Активисты, общественные движения	53
Научные организации, университеты, лаборатории	49
Белый дом, президент, администрация президента	49
Республиканцы, демократы	25
Бизнес-ассоциации	9
Арктический совет	8
ООН	7

Наибольший объем упоминаний относится к категориям научных организаций и общественных движений в ракурсе различных версий экологической проблематики изменения климата – глобальное потепление, таяние льдов, исчезновение видов, экстремальная погода. Научные организации выступают в качестве экспертов по тематике, активисты – в качестве заинтересованных участников. Отношение газеты к ним можно в целом охарактеризовать как нейтрально-симпатизирующее.

Значительное количество публикаций, содержащих отсылку к Арктическому региону, упоминают партии США – республиканцы, демократы, а также различные органы системы государственного управления федерального уровня. В основном это публикации, которые освещают ход президентской кампании и обсуждают регион в контексте государственной политики. Превалирует мнение, что освоение ресурсов Севера может положительным образом повлиять на ситуацию в стране. В первую очередь это отказ от импорта значительной части углеводородов, что является официальным приоритетом внутренней политики со времен прези-

дента Никсона. Однако в данном смысловом контексте Арктика упоминается только *в том числе*, среди других регионов. К ним относятся Техас, Северная Дакота, Вирджиния, все штаты в более низких широтах, имеющие побережья, открывающиеся в Атлантический и Тихий океаны. Освоение новых месторождений в совокупности могут изменить структуру мирового рынка и сделать США одним из экспортеров нефти и газа. Общий вывод статей можно сформулировать следующим образом: цены на бензин растут сегодня; даже если освоение ресурсов Арктического севера будет успешным, то ближайшие результаты появятся не ранее десяти лет. Это изымает данный проект из области актуальной политической повестки дня. Напротив, поскольку освоение Арктики не дает мгновенного результата для потребителей/избирателей, возможна ориентация на более долгосрочные интересы, связанные с сохранением региона в первоначальном виде, на экологические приоритеты.

Достаточно редкие публикации подчеркивают необходимость присоединения США к Международной конвенции ООН по морскому праву применительно к Арктике. Она дает возможность при наличии научного обоснования расширить зону экономического суверенитета до 600 морских миль. Для США это означает второй по значимости прирост территории после покупки *Луизианы*. В настоящее время США не является участником данной конвенции, хотя администрация президента (спикер Х. Клинтон в 2011–2012 гг.) усиленно продвигала присоединение к ней в ситуации сопротивления «небольшой группы, озабоченной (искусственной) проблемой суверенитета страны» (см. табл. 4).

Наиболее частым отношением к Арктике является ее определение в качестве минерально-сырьевой базы. Вторым по частоте является определение, не содержащееся в исходном инструменте исследования: Арктика определяется как «особая географическая зона, которая нуждается в защите» (характерное высказывание – *all a place to be defended*). Это определение в значительной мере отлично от квалификации региона в качестве *заповедной территории*, поскольку в данном случае признается ее перспективность, необходимость и неизбежность освоения. Но при этом подчеркивается хрупкость экосистемы региона, перечисляются особые риски, которые необходимо учитывать при освоении. На-

пример, выбросы черной пыли, которая является катализатором таяния льдов и ведет к необратимым изменениям климата, ведет к необходимости запрета на кросс-полярные перелеты, ограничение судоходства и необходимость принятия новых экологических стандартов.

Таблица 4

Частотность содержательных определений Арктического региона, 2011–2012

Определение	Число упоминаний
Минерально-сырьевая база	97
Особая географическая зона, которая нуждается в защите	74
Зона национальных интересов отдельных государств	33
Перспективный район судоходства	16
Заповедная территория	16
Достояние всего человечества	10
Бесперспективная отдаленная территория	9
Зона интересов отдельных ТНК	9
Арена борьбы, в т.ч. потенциального военного противостояния	5

С точки зрения геополитического статуса регион чаще всего определяется как зона интересов отдельных стран и ТНК. Данный дискурс переплетается с тематикой освоения ресурсов. Наконец, за 2 года обнаружено 9 материалов, которые можно отнести к разряду содержащих упоминания о возможной милитаризации региона, его статусе в геополитических стратегиях северных государств. Из них только два прямо указывают на то, что в Арктике допустимо (и реально наблюдаются) присутствие и размещение воинских частей, допустима милитаризация в целях защиты национальных интересов отдельных государств. Две публикации рассматривают гипотетическую ситуацию о том, что если Арктика освобождается ото льдов, то она *потенциально* может стать местом милитаризации. Редкость темы милитаризации обусловлена в дискурсе *Вашингтон Пост* тем, что *территориально*

Арктический регион для США не настолько важен, как для других северных стран (России, Норвегии, Канады), чьи стратегии сводятся к наращиванию технологического, экономического и военного присутствия в регионе и территориальным претензиям на океанский шельф.

В целом мониторинг публикаций по арктической тематике в *Вашингтон Пост* показал, что Арктический регион не является основным приоритетом в стратегии США по развитию своей ресурсной базы: а) в силу отдаленности и экстремальности условий добычи полезных ископаемых; б) наличия значительных месторождений углеводородов на сухопутной территории США и прилежащем морском шельфе Тихого и Атлантического океанов. Несмотря на то, что ресурсы региона в целом оцениваются как значимые, их добыча и доставка рассматриваются как слишком дорогостоящие. В силу этих обстоятельств арктическая политика США переориентирована на более долгосрочные интересы, связанные с экологическими приоритетами, направленными на сохранение природной среды региона, отказ от ее промышленного освоения.

В результате «сравнительно небольшая по отношению к другим государствам протяженность береговой линии США в Арктике программирует недостаточность... ведения широких программ арктического освоения ... в силу отдаленности, экстремальных климатических условий и сопутствующих трудностей технологического характера, которые неизбежно сопровождают попытки освоения недр северного региона» [3, с. 100]. Поэтому инструменты политико-правовой поддержки стратегии США в отношении природных арктических ресурсов преимущественно связаны с интенсификацией практики *экстратерриториального* применения норм национального законодательства ко всем аспектам экономической деятельности за пределами США. Несмотря на то, что данная практика противоречит основным принципам международной системы, действия США являются эффективными в отношении глобального корпоративного сектора.

«Le Devoir» (Канада)

Лё Дёвуар — одна из крупнейших франкоязычных ежедневных газет Канады, издаётся в Монреале с 1910 г. Редакционный совет ориентирован на социал-демократи-

ческие ценности и продолжает традицию франко-канадского национализма. Это самое крупное из канадских франкоязычных печатных изданий. Вместе с тем значение данного издания для оценки позиций по арктическим проблемам весьма существенно: Квебеку принадлежит большая часть приполярных канадских территорий, отсюда – и собственная государственная политика провинции, и особое внимание к проблематике. Кроме того, распространённость сепаратистских настроений как среди франкоканадцев, так и среди инуитов, инну и кри, населяющих север Квебека, делает из этих групп потенциально самостоятельных акторов арктической политики. Это во многом нашло отражение в блокирующих полномочиях по многим северным проектам, которыми фактически обладают коренные народы квебекского севера.

Эмпирическая база мониторинга – контент-анализ материалов *Лё Дэвуар* за 2011–2013 гг. на основе сплошной выборки (см. табл. 5).

Таблица 5

Тематическое распределение статей, посвящённых Арктическому региону, 2011–2013

Темы	Количество упоминаний
Экология	118
Минерально-сырьевые ресурсы	72
Коренные народы	43
Глобальное потепление	42
Рыболовство и промысел	27
Туризм	20
Геополитика	19
Севморпуть	8

В своей публикационной деятельности *Лё Дэвуар* рассматривает Арктический регион в первую очередь с позиций климатических изменений и их последствий для природной среды; тех процессов, влияние которых явным образом выходит за рамки полярной зоны [5]. В публикациях рассматриваются последствия промышленного использования ресурсов региона, включая биоресурсы и минеральные ресурсы. Определяется влияние экологической ситуации

и климата на условия жизни местного населения, включая коренные малочисленные народы. Затрагиваются важные аспекты деятельности государства по профилактике и решению проблем природной среды, координации деятельности разных стран в этом вопросе. Особое внимание уделяется проблеме глобального потепления (таяние льдов).

Далее по частоте следуют (примерно на равных) проблемы использования минерально-сырьевых и биологических ресурсов Арктики и проблемы народов Севера и в целом населения региона – местная культура и социальная политика в отношении населения северных канадских территорий. Оценка деятельности добывающих компаний, политических конфликтов и возможной милитаризации региона позволяет говорить о восприятии этих явлений как изолированных казусов, либо вопросов, относящихся к неопределённому будущему. Характеристика государственной политики по освоению Севера сводится к осторожной поддержке провинциальных инициатив и постоянным требованиям большей активности федеральных властей в регулировании всех проблем развития приполярных территорий.

Социально-экономические стороны жизни коренных народов (и населения Севера в целом) представляются преимущественно как проблемы, связанные с низким уровнем жизни, суровыми климатическими условиями, дороговизной и высоким уровнем заболеваемости. Федеральное правительство регулярно критикуется за недостаточное внимание к социальным проблемам региона (см. табл. 6).

Таблица 6

Частота упоминания некоторых ключевых слов и выражений, 2011–2013

Термины	Количество упоминаний
«Северный проект»	1003
Арктика, арктический	317
Канадский Север	223
Северный полюс, полярный	101
Севморпуть	16
Шельф (арктический)	8
Шпицберген (и Свальбард)	7

Авторы *Лё Дёвуар* предстают безусловными сторонниками военного контроля над Арктикой в интересах отдельных государств. Однако в газете развёртывание вооружений представляется преимущественно как механизм осуществления государственного суверенитета на принадлежащих Канаде территориях. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что как минимум половина публикаций, попадающих в эту категорию, посвящена мирному использованию вооружённых сил. Преимущественно это выполнение функций спасателей в северных канадских регионах, а также полицейских функций, и связанная с этим необходимость размещения соответствующих подразделений и их оснащения. Но упоминаемые оборонные программы демонстрируют последовательное и целенаправленное стремление канадских властей обеспечить своё военное присутствие в регионе, строительство и приобретение судов и самолётов, специально адаптированных для операций в Арктической зоне, размещение подразделений морской пехоты [7, с. 75] (см. табл. 7).

Таблица 7

Государства и территории, наиболее часто упоминаемые в контексте Арктического региона, 2011–2013

Страны	Количество упоминаний
Канада	234
Квебек	105
США	92
Россия	74
Норвегия	15
Великобритания	14
Франция	11
Дания	11
Швеция	9
Китай	6

В целом в списке упоминаемых стран предсказуемо лидируют, наряду с собственно Канадой, приполярные государства (Россия, Норвегия, Дания, США) и традиционные центры экспертизы или международных мероприятий, посвящённых

Северу (Скандинавские страны, США, Великобритания), а также государства, занимающиеся добычей минеральных ресурсов в Арктической зоне (Россия, США, Великобритания, Норвегия). Тон упоминания отдельных государств – преимущественно нейтральный.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что тема Арктики рассматриваются в канадском общественном мнении преимущественно как источник климатических и экологических угроз, с существенным вниманием, уделяемым условиям жизни коренных народов Севера, другие арктические темы трактуются лишь эпизодически. Авторы *Лё Дёвуар* ориентируются на решающую роль федеральных органов власти и международного сообщества в решении этих проблем. В целом, независимо от частотности суждений о самоопределении Квебека в других материалах, статьи, посвящённые полярной проблематике, безусловно, ориентированы на ключевую роль федерации и международного сообщества в решении проблем Арктического региона.

«Le Monde» (Франция)

В ходе мониторинга проведен пилотный сплошной анализ материалов газеты по арктической тематике за 2012 год. В целом исследование показало, что политические и экономические вопросы Арктики не столь сильно интересуют французскую прессу, как её экологические проблемы. Чаще всего в связи с полярной темой звучит имя России. Анализ материалов французской *Ле Монд* интересен как пример формирования официальных позиций по Арктике мировых, но неарктических держав. Здесь ожидаемой стала доминирующая линия на усиление участия в выработке арктической политики неарктических держав, которые имеют перспективы стать постоянными членами *Нордического совета* (см. табл. 8).

В арктической политической стратегии Франции, почти не участвующей в разработке энергетических запасов Арктики, чётко прослеживается наиболее частотное отношение к Арктике как к минерально-сырьевой базе (см. табл. 9).

На страницах *Ле Монд* различные государства фигурируют примерно вдвое реже, нежели национальные и транснациональные нефтяные компании, из которых наиболее часто в 2012 году упоминались

Роснефть и *Бритиш Петролеум* в контексте их совместных проектов. На второе место выходят проблемы экологии Арктического макрорегиона: борьба с промышленными загрязнениями, глобальное потепление и связанное с этим таяние льдов на Северном полюсе, рекордный спад толщины озонового слоя в Арктике.

Таблица 8

Страны и субъекты, наиболее часто упоминаемые в контексте Арктики, 2012

Страна	Количество упоминаний
Россия	26
США	16
Канада	10
Норвегия	16
Дания	7
Китай	7
Швеция	6
Франция	5
Исландия	5
Европейский Союз	4
Финляндия	4
ООН	3
Великобритания	1
Япония	1

Таблица 9

Отношение к Арктике, 2012

Формулировка отношения	Количество упоминаний
Минерально-сырьевая база	31
«Одно из мест на земном шаре»	24
Заповедная территория	19
Зона национальных интересов отдельных государств	9
Перспективный район судоходства	6
Арена борьбы, в т.ч. потенциального военного противостояния	4
Бесперспективная отдаленная территория	0

«Guardian» (Великобритания)

Во влиятельной британской *Гардиан* арктическая политика Великобритании рассматривается в контексте более широкой энергетической и экологической ситуации, сложившейся на сегодняшний день в мире. Большинство сюжетов, в которых затрагивается Арктика, связано с минерально-сырьевыми и экологическими проблемами. Причем последние получают все большую актуальность в связи с нарастанием в британском обществе недовольства относительно недостаточности усилий по решению экологических проблем.

Таблица 10

Отношение к Арктике, 2011–2012

Формулировка отношения	Количество упоминаний
Заповедная территория	112
Минерально-сырьевая база	81
Зона хорошего отдыха	36
Перспективный район судоходства	6
Арена борьбы, в т.ч. потенциального военного противостояния	6
Зона национальных интересов отдельных государств	5
Зона проживания коренных народов, необходимая для их развития; зона столкновения интересов государств и коренных народов	3

Характеристика арктической политики России осуществляется по следующим направлениям в порядке приоритетности: экологические проблемы, экономические вопросы, связанные с использованием минерально-сырьевых арктических ресурсов, военно-политические вопросы. Если применительно к Канаде и Гренландии постоянно поднимаются вопросы, касающиеся проблем коренных малочисленных народов, деятельности *Инуитского приполярного совета*, то политика России по этому направлению не затрагивается вообще [10].

Таблица 11

Страны, которые упоминаются в связи с Арктикой, 2011–2012

Страна	Количество упоминаний
Великобритания	102
США	67
Россия	66
Дания	43
Норвегия	37
Канада	29
Китай	20
Индия	16
Швеция	13
Финляндия	11
Ирак	10
Исландия	8
Бразилия	7
Турция	6
Германия	5

Если Арктика для России – источник ресурсов и укрепления экономического влияния российского государства, то для Британии предотвращение экологических последствий освоения Арктики, а шире – предотвращение климатических изменений в мире, становится объединяющей идеей. Арктическая политика России – одна из важнейших тем британской прессы. Вокруг этой темы завязан большой узел проблем, главными из которых являются геополитическая позиция России в Арктическом регионе, включая территориальные споры, вопросы освоения российской Арктики, в том числе развитие бизнеса в России, позиция России по решению экологических вопросов. Эти проблемы затрагивают интересы Британии и ее основного стратегического союзника – США.

Авторы *Гардиан* полагают, что Великобритания готова сотрудничать с Россией по вопросам освоения российской Аркти-

ки, но при этом не в ущерб стратегическим отношениям с США. В материалах *Гардиан* арктическая политика России оценивается достаточно взвешенно, страна не рассматривается как нежелательный актер мировой арктической политики или недружественный соперник, которого необходимо нейтрализовать. Основным лейтмотивом является поиск приемлемых форм сотрудничества, несмотря на нестабильную политическую ситуацию в России, высокий уровень коррупции и влияние российских властей на управление транснациональными компаниями. Британская пресса выступает за предсказуемость арктической политики, за демонополизацию освоения энергетических ресурсов и уменьшение влияния государства в деле освоения этих ресурсов, за более активное участие всех субъектов в решении экологических вопросов.

«Жэньминь жибао» (Китай)

Материалы прессы ведущих мировых держав показывают, что общую озабоченность арктических стран вызывает усиление арктических притязаний Китая. По мере экономического роста и военной мощи Китай больше не хочет следовать европейским и американским правилам игры, но в то же время не готов к мировому лидерству. Развитие Китая уязвимо и требует все больше и больше ресурсов. Китай стал наблюдателем в Арктическом совете, заявляя о научном и исследовательском интересе, но на самом деле аналитики говорят об интересе к арктическим ресурсам. Вместе с тем анализ материалов официальной газеты *Жэньминь жибао* показал в 2011–2013 гг. достаточно скудное присутствие на ее страницах сюжетов, связанных с целенаправленной арктической стратегией Китая. Арктические материалы *Жэньминь жибао* отличаются информационной скупостью и незначительным количеством и объемом самих публикаций, что затрудняет выработку на их основании общих релевантных контуров арктической стратегии Китая.

Заключение

Практическая значимость полученных результатов мониторинга печатной прессы связана с представленной в нем

панорамой политических, экономических, культурных интересов и приоритетов арктических и неарктических мировых держав в Арктике. Полученные материалы полезны для переосмысления привычных российских стереотипов экономического, политического и культурного освоения арктического пространства в контексте международного опыта и значимых факторов арктических стратегий ведущих мировых держав.

В целом панорама дискурсов ведущих изданий отчетливо показывает, что в материалах российской и зарубежной прессы отсутствует общее долгосрочное стратегическое видение международной стратегии освоения Арктики, ее политико-правового и экономического режима. Статистически значимыми субъектами освоения арктического пространства помимо России выступают США, Норвегия и Канада. Остальные страны значительно уступают им по значимости в экономическом и информационном поле. Из влиятельных межгосударственных союзов и объединений, осуществляющих деятельность в Арктике, наибольшее количество упоминаний связано с деятельностью *Арктического совета*. Европейский союз как субъект арктической политики уступает по количеству упоминаний отдельным государствам, входящим в его состав. Общая заинтересованность Европейского союза в Арктике прежде всего инспирируется национальными интересами входящих в него арктических и приполярных стран (Швеция, Финляндия, Дания).

По итогам мониторинга можно сделать обобщающий вывод о том, что в американской, канадской, британской и французской прессе периферийные для российской политики проблемы экологии и защиты окружающей среды выходят на первый план. При этом энергетические ресурсы Арктики достаточно часто оцениваются как слишком дорогие в связи с удаленностью и трудностями разработки и доставки. В контексте источника энергоресурсов Арктика упоминается только *в том числе*, среди других (причем более перспективных) регионов освоения.

Мониторинг *Российской газеты* показал, что важное место в российской стратегии освоения Арктики занимают особенности развития северных городов России и их сетей. Для преодоления наследия монопрофильности они нуждаются в развитии дополнительных отраслей – образова-

ние, наука, туризм, рекреация, малые инновационные предприятия, производство уникальной региональной продукции и т.п. В перспективе возрастающую роль для развития российского Арктического региона играют недооцененные в российском арктическом дискурсе внешнеэкономические факторы – целенаправленная капитализация арктической идентичности, создание культурно-символических брендов, повышение эффективности самоуправления северных территорий, принципы *открытого города*, опережающие вложения в человеческий капитал [2].

Таким образом, мониторинг СМИ позволяет осуществлять релевантное наблюдение за развитием ситуации в Арктическом регионе; формулировать обоснованные экспертные рекомендации российским органам власти относительно стратегии освоения Арктики и субъектов, с которыми Россия взаимодействует в настоящем и будет иметь дело в будущем.

1. Лунёв, С. Чего стоит Сибирь? [Текст] / С. Лунёв // Международные процессы. 2004. № 1. С. 110–114.

2. Мартыанов, В.С. Переосмысляя Арктику: динамика российских приоритетов [Текст] / В.С. Мартыанов // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2013. Т.13. № 1. С. 83–96.

3. Мартыанов, В.С. Стратегия городского развития в Арктическом регионе России [Текст] / В.С. Мартыанов // ЭКО. 2013. № 5. С. 125–137.

4. Панкевич, Н.В. Политико-правовые аспекты сырьевой стратегии РФ и США в Арктике [Текст] / Н.В. Панкевич // Международная экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 97–110.

5. Паршев, А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь [Текст] / А.П. Паршев. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2001. 416 с.

6. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности / отв. ред. О. Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.

7. Старцев, Я.Ю. Лёгкая поступь по тонкому льду: позиция Квебека в отношении канадской арктической политики по материалам газеты *Le Devoir* [Текст] / Я.Ю. Старцев // Вопросы политологии и социологии. 2014. № 3 (8). С. 69–77.

8. Старцев, Я.Ю. Нормативное описание российской арктической политики: освоение сырьевой периферии или региональное развитие? [Текст] / Я.Ю. Старцев // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4. С. 193–209.

9. Хилл, Ф., Гэдди К., Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России

[Текст] / К. Гэдди, Ф. Хилл / Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.

10. Эмих, В.В. Арктическая политика России по материалам газеты The Guardian за 2011–2012 гг. [Текст] / В.В. Эмих // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции. 17–18 июня 2013 г. Екатеринбург: АМБ, 2013. (472 с.). С. 449–457.

References

1. Lunjov S. (2004) *Mezhdunarodnye processy*, no. 1. pp. 110–114 [in Rus].

2. Martianov V.S. (2013) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, Vol. 13, no. 1, pp. 83–96 [in Rus].

3. Martianov V.S. (2013) *JeKO*, no. 5, pp. 125–137 [in Rus].

4. Pankevich N.V. (2015) *Mezhdunarodnaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, no 7, pp. 97–110 [In Rus].

5. Parshev A.P. (2001) *Pochemu Rossija ne Amerika. Kniga dlja teh, kto ostaetsja zdes'*. Moscow, Krymskij most-9D, Forum, 416 p. [in Rus].

6. Rossijskaja Arktika v poiskah integral'noj identichnosti (2016) / otv. red. O.B. Podvincev. Moscow, Novyj chronograph, 208 p. [in Rus].

7. Startsev Ja.Ju. (2014) *Voprosy politologii i sociologii*, no. 3 (8), pp. 69–77 [in Rus].

8. Startsev, Ja. Ju. (2016) *Diskurs-Pi*, no. 3–4, pp. 193–209 [in Rus].

9. Hill, F., Gaddy C., (2007) *Sibirskoe bremja. Proschety sovetskogo planirovanija i budushhee Rossii*. Moscow, Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam, 328 p. [in Rus].

10. Emikh, V.V. (2013) *Arkticheskaja politika Rossii po materialam gazety «The Guardian» za 2011–2012 gg.* // Gumanitarnaja akademicheskaja nauka Urala: prioritety i perspektivy issledovatel'skogo poiska: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. 17–18 ijunja 2013. Ekaterinburg, АМБ, pp. 449–457 [in Rus].

UDC 32.019.5 + 327.8

INTERESTS OF THE WORLD POWERS IN THE ARCTIC ZONE: THE RESULTS OF THE MONITORING OF THE LEADING MEDIA

Martianov Victor Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law of the Urals Branch of RAS, Deputy Director, Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, Ekaterinburg, Russia. E-mail: martianovy@rambler.ru

Pankevich Natalia Vladimirovna,

Institute of Philosophy and Law of the Urals Branch of RAS, Senior Researcher, Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, Ekaterinburg, Russia. E-mail: disser5@yandex.ru

Startsev Yaroslav Yurievich,

Institute of Philosophy and Law of the Urals Branch of RAS, Cand. Sc. (Political Sciences) Senior Researcher, Associate Professor, Ekaterinburg, Russia. E-mail: y.startsev@gmail.com

Emikh Valentina Victorovna,

Institute of Philosophy and Law of the Urals Branch of RAS, Senior Researcher, Cand. Sc. (Law), Ekaterinburg, Russia. E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Annotation

The article presents the results of the monitoring of the Arctic policy of the leading world powers and other subjects of the development of the Arctic region, conducted since 2011. The monitoring data provide a cohesive picture of the Russian strategy of the Arctic zone development along with that of the rival strategies. A general concept of monitoring and tools for the analysis of the representation of the Arctic policy in the world media was developed as well. The analytical tools elaborated during this research were tested on such significant editions as the « Rossiyskaya Gazeta», «Le Monde», «Guardian», «Washington Post», «Le Devoir», «Renmin Daily» etc. Frequency analysis of the basic semantic interpretations of the Arctic area helped to compose a political map of strategies of the different subjects of influence in the Arctic zone.

Key concepts:
the Arctic region,
Arctic policy,
monitoring,
Arctic identity,
symbolic politics.

УДК 354.7

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Белопипецкая Гюзелия Сагидулловна,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
магистрант,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: gulyabelolipetsky@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается государственная политика в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Анализируется беспрецедентная тенденция сокращения государственного банка данных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Исследуются методы и подходы к реализации данной политики на эмпирической основе.

Ключевые понятия:

государственная политика,
беспрецедентная тенденция,
банк данных,
дети-сироты.

Социально-экономические преобразования в современных государствах не исключают наличия в обществе детей, которые по каким-либо причинам остались без попечения родителей, забота и устройство судьбы которых автоматически возлагается на государство [1, с. 2811]. Поэтому одним из важнейших элементов функции любого государства является забота о малообеспеченных слоях населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации детей-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей (далее – дети-сироты). Многочисленные нормы международного и российского права, провозглашая человека высшей ценностью государства, подчеркивают необходимость поддержки и защиты детей, оставшихся без попечения родителей [3, с. 15].

Положение российских сирот, и динамика сокращения в государственном банке данных детей-сирот (далее – банк данных), и меры, предпринимаемые для сокращения их численности, являются одними из доминирующих трендов элементов функции по реализации государственной политики в сфере защиты детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. И обусловлено проводимыми в России социально-экономическими преобразованиями, по результатам которых дети-сироты оказались самой незащищенной группой населения [4, с. 3]. Данная тема стала предметом научного исследования многих авторов, и пресс-релиз представителей власти в данной сфере широко освещается в средствах массовой информации. Несмотря на это, данная тематика осталась неизученной с практической точки зрения, а именно – с позиции сравнительного анализа численности детей-сирот, находящихся под надзором в специализированных организациях социального обслуживания лидирующих регионов, которые имеют беспрецедентные показатели сокращения банка данных детей-сирот. Так, по статистическим данным Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей по состоянию на декабрь 2012 года, численность детей-сирот составляет 119 тысяч, из их числа 88 тысяч 735 находятся под надзором в организациях для детей-сирот¹.

Поэтому при таком положении российских сирот весьма предсказуемо принятие стратегической инициативы президентом

¹ Численность детей, состоящих на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, на начало года (тыс. детей). Сравнительный анализ выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Официальный сайт Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей [Электронный ресурс] // <http://www.usynovite.ru/> (дата обращения: 14.03.2017).

Российской Федерации по реализации политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в рамках совершенствования которой 28 декабря 2012 года правительству в срок до 15 февраля 2013 года включительно поручено следующее:

- создать механизм правовой, организационной и психолого-педагогической поддержки граждан Российской Федерации, намеревающихся усыновить, взять под опеку или попечительство (патронат) детей-сирот;

- упростить процедуру передачи устройства детей в семьи, включая осуществление последующих мер государственной поддержки;

- усовершенствовать оказание медицинской помощи, включая специализированную и высокотехнологичную помощь в том числе;

- обеспечить контроль качества проведения медицинских осмотров, диспансеризации;

- установить порядок медицинского освидетельствования граждан, намеревающихся взять на воспитание детей в семью².

Государственной Думе Российской Федерации в срок до 1 марта 2013 года внести следующие проекты федеральных законов:

- предоставление налоговых льгот гражданам, усыновившим ребенка, оставшегося без попечения родителей;

- увеличение с 1 января 2013 года размера социальной пенсии, назначенной в соответствии с Федеральным законом «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» детям-инвалидам и инвалидам с детства I группы до 8 704 рублей в месяц и единовременного пособия при передаче на воспитание таких детей в семью³.

Причем это далеко не исчерпывающий перечень, в дополнение даны еще и рекомендации, к примеру: Государственной Думе Российской Федерации о приоритетном порядке рассмотрения законопроектов; Верховному Суду Российской Феде-

рации даны указания по даче разъяснений о применении норм законодательства, вступивших в силу с 1 января 2013 года; Фонду поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, во взаимодействии с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и институтами гражданского общества реализовать комплекс мер, направленных на формирование в обществе ценностей семьи, ребенка, на позитивное восприятие института устройства детей-сирот. Таким образом, указ воспринят государственным аппаратом как руководство к действию, и достаточно-оперативно на всех уровнях власти и во всех регионах нашей страны активизировалась нормотворческая и организационно-управленческая деятельность по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот.

Ежегодно в столице стали проводиться всероссийские семинары-совещания для руководителей органов опеки и попечительства, в которых принимают участие до 520 делегатов из 84 регионов России, в том числе руководители организаций для детей-сирот, уполномоченные по правам ребенка регионов России, представители общественных организаций и эксперты, результаты которых широко освещаются средствами массовой информации. Так, новостной службой ПРАВМИР 30 июня 2016 года на официальном сайте размещена информация о положении российских сирот и динамика сокращения в банке данных детей-сирот за период с 2011 по 2016 год включительно: декабрь 2011 года – в банке данных состояло 126 тысяч 574 детей; 2014 год – 493 тысячи 71 детей; 2015 год – 481 тысяча 921 детей; по состоянию на июнь 2016 года – 66 тысяч 359 детей.

По данным федерального статистического наблюдения, в 2015 году усыновлено 6 649 детей, передано под опеку или попечительство, в приемную семью, на патронатное воспитание – 52 706 детей⁴.

За 5 лет численность, состоящих на учете в банке данных детей-сирот сократилась

² О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2012 г. № 1688 [Текст] / Российская газета – Федеральный выпуск. 2012. № 5975 (302).

³ О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации. Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ (в ред. Федерального закона от 05.04.2013 г. № 51-ФЗ) [Текст] / Российская газета - Федеральный выпуск. 2001. № 2859.

⁴ О положительных эффектах и возможных проблемах реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 г. Бюллетень аналитического центра при Правительстве Российской Федерации от 12.2014 г. № 2 [Электронный ресурс] // <http://ac.gov.ru/publications/4411/> (дата обращения: 07.02.2017).

вдвое; по мнению российских и международных экспертов, эта беспрецедентная тенденция не имеет аналогов в мире⁵.

Однако в декабре 2016 года министром образования и науки Российской Федерации на совещании по мерам, предпринимаемым для сокращения численности детей-сирот, констатировано следующее: «Несмотря на то что темпы сокращения детей-сирот во многих регионах выше среднего по России, число детей в государственном банке данных сократилось в 3 раза (со 186 тысяч детей до 59,6 тыс. детей), а вы за последние два-три года показываете хорошие результаты, все равно число детей в банке данных остается высоким. Поэтому и внимание к вашей деятельности повышенное. Необходимо усиление принимаемых мер». Данная информация размещена в открытом доступе на официальном сайте Министерства образования и науки Российской Федерации 26 декабря 2016 года в новостной ленте (17 часов 22 минуты)⁶.

Тем временем тенденция к снижению детей-сирот в банке данных все продолжается и продолжается, и никто ведь даже не задумывается, какими методами и подходами достигаются такие беспрецедентно высокие показатели по реализации данной политики.

Речь идет о жизнеустройстве категории детей, гарантом обеспечения прав и интересов которого должно выступать государство, а мы только и говорим о том, насколько улучшились показатели, характеризующие статистику выявления детей, оставшихся без попечения родителей. К примеру: за 10 месяцев 2016 года выявлено 48 тысяч детей, устроено на воспитание в семью почти 68 тысяч детей, то есть положительная динамика сохраняется – за 10 месяцев уходящего года передано на семейные формы устройства на 39,45% больше детей, чем выявлено. Разве можно по этим данным расценивать объективное положение социального сиротства в России, когда они направлены лишь на индикативные показатели для

оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, включенных в перечень, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 года⁷. При сложившейся ситуации возникает острая необходимость принятия стратегической инициативы на законодательном уровне путем внесения дополнений в перечень основных индикативных показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов. Так, к примеру: целесообразно провести интегральное соотношение численности детей, находящихся под надзором в организациях для детей-сирот, на начало и конец года, что предоставит возможность провести объективный сравнительный анализ выявления детей-сирот и передачи их в семейные формы устройства. Как верно отмечено автором В.А. Цветковым, помещение детей-сирот в дома-интернаты должно основываться на правоприменительной практике, как временная и исключительная форма устройства, и то только при условии невозможности его передать на воспитание в семью усыновителей, опекуна (попечителя) или приемную семью [5, с. 59].

Для возможности объективной оценки положительной динамики по решению проблем социального сиротства в России целесообразно рассмотреть практику применения методов и подходов достижения таких беспрецедентно высоких показателей на региональном уровне. Таким ярким и далеко не единственным примером может послужить субъект Российской Федерации – Челябинская область Уральского федерального округа. Так, по статистическим данным Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей, численность выявленных детей-сирот в федеральном округе на начало 2016 года составляет 6 223 детей; передано на семейные формы устройства 5 877 детей, при этом на уровне субъекта Российской Федерации – Челябинской области – численность выявленных составляет 1 869 детей; передано – 1 534

⁵ Число детей-сирот в государственном банке данных за 5 лет сократилось вдвое. Новостная лента ПРАВМИР от 30.06.2016 г. [Электронный ресурс] // www.pravmir.ru/author/news (дата обращения: 07.02.2017).

⁶ В Минобрнауки России прошло совещание по мерам, предпринимаемым для сокращения численности детей, оставшихся без попечения родителей. Новостная лента от 26.12.2016 г. [Электронный ресурс] // <http://минобрнауки.рф/> (дата обращения: 07.02.2017).

⁷ Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 г. № 1199 (в ред. Указа от 16.01.2015 г. № 15) [Электронный ресурс] // base.garant.ru/70217848 (дата обращения 02.03.2017).

⁸ Сравнительный анализ выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Официальный сайт Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей [Электронный ресурс] // <http://www.usynovite.ru/> (дата обращения: 14.03.2017).

детей⁸, из них: 2 934 ребенка находятся в детских сиротских учреждениях, что явно обозначает лидирующие позиции среди регионов⁹. Следует отметить, что представители власти Уральского федерального округа и Челябинской области систематически участвуют в обсуждениях на всероссийских совещаниях Министерства образования и науки Российской Федерации, проводимых для руководителей органов опеки и попечительства, основным превалирующим правовым инструментом которого и является внедренный нормативный акт о внесении изменений в государственный стандарт социального обслуживания населения в Челябинской области¹⁰. В частности, внесены изменения в п. 12 государственных стандартов социального обслуживания населения в Челябинской области, и дети-инвалиды отнесены к категории граждан, которым стационарное социальное обслуживание предоставляется бесплатно, так как данная позиция предусмотрена перечнем гарантированных социальных услуг¹¹. Но в силу того что в норме отсутствует разграничение по социальным статусам детей, правоприменительная практика распространилась на всех детей, постоянно или временно пребывающих в детских домах-интернатах, расположенных на территории Челябинской области. В результате дети, даже временно пребывающие в детских домах-интернатах на основании договора о предоставлении социальных услуг, заключенного с законными представителями (родителями), находятся на полном государственном обеспечении, и частичная плата в размере 75% из их пенсии теперь не взимается. Получается так, что родители, являясь законными представителями, получают и расходуют на свое усмотрение социальную пенсию и ежемесячную выплату на своих детей, что в денежном эквиваленте составляет около пятнадцати тысяч рублей. По факту данная категория детей продолжает пребывать на постоянной основе на попечении де-

тских домов-интернатов и по достижении совершеннолетнего возраста выбывает в психоневрологический интернат с десятью рублями на лицевом счете, при этом стоит отметить, что данная категория детей еще и не состоит на учете в государственном банке данных детей-сирот.

Данная норма не оставила без внимания и категорию детей-сирот: основная часть регионального банка данных сокращена директивно-распорядительным методом управления через учредительный отраслевой орган исполнительной власти. Так, администрация детских домов-интернатов даны указания по проведению разъяснительной работы с родителями, давшими согласие на усыновление и оставившими своих детей в родильных домах и организациях здравоохранения. Объясняя процедуру отзыва данного документа, такой категории родителей представляется возможность заключения договора о предоставлении социальных услуг, на основании которого дети снимаются с учета банка данных. И (по аналогии предыдущего случая) последние также получают и расходуют на свое усмотрение социальную пенсию и ежемесячную выплату, в то время как их дети продолжают пребывать на постоянной основе на попечении детских домов-интернатов и по достижении совершеннолетнего возраста выбывают в психоневрологический интернат с десятью рублями на лицевых счетах¹².

Кроме того, лишение родительских прав таких родителей рассматривается, исходя из судебной практики, как крайняя мера, и с доказательной точки зрения становится практически невозможным, так как достаточно всего лишь 1 раз в полгода посетить своего ребенка, и это считается нормой для надлежащего выполнения родительских обязательств. Безусловно, альтернативой может выступать установление юридического факта отсутствия родительского попечения в судебном порядке, но с учетом того, что сохранение показателей беспрецедентного сокращения детей-сирот

⁹ Пресс-релиз заместителя председателя правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. Официальный сайт ИА REGNUM ЧЕЛЯБИНСК [Электронный ресурс] // <https://regnum.ru/news/society/2207221.html> (дата обращения: 13.03.2017).

¹⁰ Об утверждении государственных стандартов социального обслуживания населения в Челябинской области. Постановление Правительства Челябинской области от 20.03.2008 г. № 53-П [Текст] / Южноуральская панорама. 2008. № 58–59.

¹¹ О внесении изменений в постановление Правительства Челябинской области от 20 марта 2008 г. № 53-П. Постановление Правительства Челябинской области от 19.12.2012 г. № 697-П [Текст] / Южноуральская панорама – спецвыпуск (49). 2012. № 201.

¹² Об утверждении типовой формы договора о предоставлении социальных услуг. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11.11.2014 г. № 874-н [Электронный ресурс] // www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/347 (дата обращения: 07.02.2017).

в банке данных выявления детей в приоритете, чем сама судьба такой категории детей, данная процедура становится весьма проблематичной.

Попытки детских домов-интернатов хоть каким-то образом защитить имущественные интересы своих подопечных путем отнесения их к отдельной категории, предусмотренной действующим гражданским законодательством, воспользовавшись тем, что для возможности оформления в психоневрологический интернат для взрослых по регламенту предполагается заблаговременное признание (до достижения ими совершеннолетия) недееспособными в судебном порядке, также оказались тщетными. При установлении недееспособности в судебном порядке, вне зависимости от социального статуса детей, помещенных под надзор, организации, оказывающие социальные услуги, становятся опекунами таких детей, что предусмотрено статьей 35 Гражданского кодекса Российской Федерации¹³, а это подразумевает, что данные организации, являясь опекунами по закону, имеют право в интересах пребывающих детей запросить пенсионное дело из Управления пенсионного фонда по территориальному нахождению горе-родителей для возможности назначения социальной пенсии и единовременной денежной выплаты непосредственно на лицевой счет детей. И это находит свое подтверждение в разъяснениях Челябинского областного суда № 1-2622 от 14 октября 2008 года, а именно:

– в соответствии с частью 1 статьи 29 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признан недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством;

– данная норма не содержит ограничений относительно возраста гражданина, которого можно признать недееспособным.

Следовательно, несовершеннолетний от 14 до 18 лет, обладающий неполной дееспособностью, страдающий психическим расстройством, может быть признан судом недееспособным.

Но вопреки разъяснениям по вопросу применения законодательных норм по

признанию недееспособности в судебном порядке, отраслевой орган исполнительной власти в сфере социального обслуживания дает обратные пояснения по данному вопросу, такие как:

– временное пребывание детей в домах-интернатах в целях получения ими социальных услуг, либо в целях обеспечения временного проживания в течение периода, когда родители, усыновители либо опекуны или попечители по уважительным причинам не могут исполнять свои обязанности в отношении ребенка, не прекращает прав и обязанностей родителей, усыновителей и опекунов;

– суммы, причитающиеся детям в качестве алиментов, пенсий, пособий, поступают в распоряжение родителей и расходуются ими на содержание и образование ребенка, и признание детей от 14 до 18 лет недееспособными никаким образом не изменяет статус родителей как законных представителей.

Получается так, что имущественное положение и жизнеустройство такой категории детей никого особо не интересует, для руководителей органов исполнительной власти региона необходимо только сохранить тенденцию снижения сокращения банка данных детей-сирот для положительной оценки индикативных показателей эффективности деятельности по принятию мер реализации политики в данной сфере. На федеральном уровне мы только и говорим о темпе, тенденции и необходимости принятия дополнительных мер по сокращению численности детей в государственном банке данных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а ведь речь идет о жизнеустройстве детей, гарантом обеспечения прав и интересов которых должно выступать государство. В это время дети, исключенные из государственного банка данных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и лишившиеся возможно единственного шанса попасть в приемную семью, остаются пребывать в детских домах-интернатах, пока горе-родители распоряжаются на свое усмотрение их денежными средствами. И сложившаяся ситуация может лишь свидетельствовать о бессилии государства ввиду того, что в решении социального сиротства не вовлекается гражданское общество с его многообразными инициативами, не скованное ведомственными рамками и интересами [2].

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28.12.2016 г. № 497) [Электронный ресурс] // base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 07.02.2017).

Также это обусловлено непоследовательностью, неэффективностью и незавершенностью государственной политики в сфере защиты прав детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и воспитываемых в детских домах-интернатах.

1. Копылова, А.С. Социально-экономические проблемы и социальная политика в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2811–2815 [Электронный ресурс] // <http://e-koncept.ru/2016/86593.htm> (дата обращения: 03.02.2017).

2. Николаева, Ю.В. О государственной политике в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних [Текст] / интервьюер Ю. Иванова // Адвокат. 2009. № 6. С. 5–15.

3. Петрова, Н.П. Защита прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей [Текст] / Н.П. Петрова // Семейное и жилищное право. 2008. № 3. С. 15–18.

4. Таибова, О.Ю. Государственное управление в области охраны и защиты прав несовершеннолетних: административно-правовой аспект [Электронный ресурс] / О.Ю. Таибова : автореф. дисс. канд. юрид. наук. СПб., 2006. URL: www.lib.ua-ru.net/diss/cont/217975.html (дата обращения: 02.03.2017).

5. Цветков, В.А. Проблемы законодательства в области защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в воспитательных учреждениях [Текст] / В.А. Цветков // Вестник Омского университета. 2007. № 3 (12). С. 59–61.

References

1. Kopylova A.S. (2016) *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»*, t. 11, pp. 2811–2815 [in Rus].

2. Nikolaeva Ju.V. (2009) *Advokat*, no. 6, pp. 5–15 [in Rus].

3. Petrova N.P. (2008) *Semejnoe i zhilishhnoe pravo*, no. 3, pp. 15–18 [in Rus].

4. Taibova O.Ju. (2006) *Gosudarstvennoe upravlenie v oblasti ohrany i zashhity prav nesovershennoletnih: administrativno-pravovoj aspekt*, available at: www.lib.ua-ru.net/diss/cont/217975.html (accessed 02.03.2017) [in Rus].

5. Cvetkov V.A. (2007) *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 3 (12), pp. 59–61 [in Rus].

UDC 354.7

IMPLEMENTING STATE POLICY IN THE SPHERE OF PROTECTING ORPHANED CHILDREN AND CHILDREN DEPRIVED OF PARENTAL CARE: TENDENCIES AND PROSPECTS

Belolipetskaya Guzelia Sagidullova,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Master's Degree Student,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: gulyabelolipetsky@gmail.com

Annotation

The article considers state policy in the sphere of protecting orphaned children and children deprived of parental care. The author analyzes the unprecedented tendency of reducing state bank containing data about orphaned children and children deprived of parental care. The author studies methods and approaches to implementing the given policy on the empirical basis.

Key concepts:

state policy,
unprecedented tendency,
data bank,
orphaned children.

УДК 32.019.51

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ: РАЗЛИЧИЯ В СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ

Несмашный Алексей Олегович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина (филиал), аспирант кафедры политических наук, г. Саратов, Россия.
E-mail: nao@astpl.ru

Аннотация

В данной статье автор проводит теоретическое осмысление понятия «интернет-технологии в политике».

Рассматривается содержание интернет-технологий в политике. Раскрывается взаимосвязь понятия с терминами «политические технологии», «избирательные технологии», «политический проект» и другими понятиями. Выделяется два наиболее распространенных контекста употребления термина. Дает авторское осмысление и определение терминам «интернет-технологии в политике» и «политические информационные интернет-технологии».

Ключевые понятия:

интернет-технологии, политические технологии, PR-технологии в сети Интернет, политическая реклама в сети Интернет.

Научно-технический прогресс неумолим, и совершенно естественно сегодня воспринимается огромное множество всевозможных гаджетов и средств связи. По статистике за 2015 год почти на четыре миллиона человек выросло число пользователей интернета в России. Такой прирост стал возможен за счет увеличившихся темпов роста использования мобильного интернета, доля которого выросла более чем в два раза по сравнению с 2014 годом. Исследователям стало известно, что 37,2% россиян в возрасте от 16 лет выходили в интернет со смартфонов и 19,2% – с планшетов к концу 2015 года. Всего в России доступом в сеть с мобильных устройств пользуются, 42% взрослого населения страны, то есть около 50 миллионов человек с разной интенсивностью используют портативные средства связи для выхода в Глобальную сеть. Само по себе проникновение интернета в жизнь молодых россиян (16–29 лет) достигло пиковых значений еще в предыдущие годы и, по данным GfK на 2016 год, составляет 97 процентов¹.

Все больше людей пользуются интернетом в повседневной жизни, становятся участниками виртуальных сообществ, сталкиваются с группами интересов и подвергаются различным информационным воздействиям. А вслед за ежедневной практикой и в научной литературе все чаще встречаются исследования, посвященные политической пропаганде и агитации в сети интернет, изучению особенностей политического PR в интернете, изучению интернет-технологий формирования имиджа или самого феномена «политического интернета» как самостоятельного фактора, который влияет на процессы в политической сфере. На наш взгляд, все перечисленные выше и многие другие направления изучения интернет-технологий в политике имеют свои общие и особенные черты и поэтому нуждаются в систематизации.

Для более объективного анализа политических процессов, связанных с использованием интернет-технологий, необходимо точное толкование этого понятия. Его можно трактовать чрезвычайно широко. «Технология» на древнегреческом «τέχνη» – мастерство, искусство, умение; «λόγος» – методика, мысль, причина; способ производства. В широком смысле «Технология» – совокупность процессов, методов и материалов, которые используются в разных отраслях. Также технологией на-

¹ LENTA.RU «Аналитики подсчитали число пользователей Интернета в России». 28 января 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/01/28/survey> (дата обращения: 15.12.2016).

зывают способы технического производства продуктов, товаров, услуг описанные научно. В узком смысле – это способ преобразования вещества, энергии, информации в процессе изготовления продукции, обработки и переработки материалов [8, с. 207]. Таким образом, материальная технология создаёт материальный продукт, а информационные продукты создают информационные технологии.

Наиболее часто в политических науках под понятием «технология» понимается «система жестко скоординированных элементов: цели; процедуры; технические средства; операции; мотивы и стимулы» [2, с. 102]. Согласно такой интерпретации, технология понимается как целостная система, включающая в себя большое количество компонент, среди которых фундаментальные, например такие, как цели и задачи, и операционные, такие как аппаратно-технические средства, операции и процедуры деятельности с ними. Технология также может включать информацию, т.е. знания о закономерностях использования, и энергетические, сырьевые, кадровые и иные ресурсы. Технология предназначена для многократного применения и повторения, должна быть использована для решения сходных задач, то есть может быть растиражирована или масштабирована. Технология обеспечивает рациональность и строгую последовательность деятельности – в этом ее главная особенность. Само понятие «политические технологии» не является общепринятым, поэтому существует большое количество трактовок этого понятия. Приведем некоторые из них.

Согласно Соловьеву, «политические технологии представляют собой совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта, политической деятельности в определенное время и в определенном месте» [10, с. 415]. Е.Б. Сучков в своих трудах определяет политические технологии как технологию подготовки и проведения избирательных и политических кампаний, политических проектов, а также технологии партийного строительства [6, с. 20]. Он разделяет область применения политических технологий. Избирательные кампании, политические кампании, политические проекты и партийное строительство разделяются Е.Б. Сучковым, а значит, вслед за разделением сужается

и предметная область применения технологий. Интересно, что автор пишет о возможности сведения всех перечисленных технологий к политическим проектам и рассмотрению их как разновидности последних (с оговоркой о разнице целей и задач среди политических проектов). Но несмотря на это, на наш взгляд, оба эти определения не раскрывают сущности понятия полностью, так как отражают только некоторые из функций, которыми обладают политические технологии.

М.Г. Анохин определяет политические технологии как совокупность наиболее целесообразных приемов, способов, процедур осуществления и реализации функций политической системы и политических акторов, направленных на повышение эффективности политического процесса и достижение желаемых результатов в сфере политики [1, с. 102]. Он утверждает, что сфера применения политических технологий лежит, как правило, в плоскости практической деятельности политических субъектов. В своей деятельности по осуществлению выработанного политического курса и достижению конкретных политических целей и задач политические субъекты используют политические технологии [1, с. 102]. На наш взгляд, это определение в большей степени отражает особенности именно политических технологий.

Таким образом, цели политических технологий находятся в сфере политики, и их роль заключается в оптимизации выполнения субъектами политики своих задач по достижению этих целей. А уже цели могут отражать совершенно разные интересы и заключаться в привлечении или экономии ресурсов, в организации избирательных кампаний, в информационном сопровождении принятых решений, в урегулировании информационных конфликтов и согласовании интересов при выработке государственной политики и в других политических целях.

Термин «интернет-технологии» в широком смысле тоже имеет обширный спектр трактовок в зависимости от контекста употребления. «Интернет-технологии» достаточно часто используют в качестве аналога терминам «информационные технологии» или «новые информационные технологии». Так, например, О. И. Лосенков в своей статье «Интернет-технологии как фактор политического процесса в современном глобальном пространстве» дает определение новым информационным технологиям: «Новые информационные технологии – это

совокупность современных электронных технических средств и программного обеспечения, а также организации, форм и методов их применения в информационной работе, направленной на эффективное использование информационных ресурсов в различных областях жизнедеятельности людей» [5, с. 304]. Таким образом, новые информационные технологии, а они же интернет-технологии по версии О.И. Лосенкова, функционируют в разных сферах жизнедеятельности людей и нацелены на повышение эффективности работы с информацией.

По нашему мнению, такое тождество не совсем справедливо. Существует как минимум один важный аспект, который не позволяет ставить знак равенства между информационными технологиями в принципе и интернет-технологиями. Этот аспект заключается в доступе к глобальной сети Интернет. Дело в том, что работа с информацией в принципе, даже используя высокоскоростные алгоритмы передачи данных, совершенно не обязательно должна быть связана с сетью Интернет. Напротив, информационные технологии шире и включают в себя разные источники вещания, телерадиоволны, современные беспроводные соединения, такие например как мессенджеры,² способные обмениваться информацией без доступа в интернет, используя для этого технологию Multipeer Connectivity Framework, которая позволяет создавать Multipeer-сервисы, взаимодействующие друг с другом на устройствах, расположенных поблизости, используя для этого беспроводные протоколы передачи данных Wi-Fi, p2p-соединения или Bluetooth.

Однако есть в позиции О.И. Лосенкова и то, что, по нашему мнению, оспорить невозможно. Это утверждение о том, что политические технологии, в свою очередь, совпадают с интернет-технологиями только тогда, когда последние используются для достижения политических целей. Одна из наиболее ярких иллюстраций подобного совпадения приведена в работах М.С. Вершинина, который рассматривает интернет-технологии с точки зрения процесса их использования в существующей системе представительной демократии и развития процессов «электронной демократизации». По его мнению, интернет-технологии способны выполнять несколько функций в рамках электронной представительной демократии: во-первых,

предоставлять более эффективные средства для организации политических кампаний малым партиям (свободный доступ к массовой аудитории); во-вторых, обеспечивать более широкий единовременный доступ СМИ к информации, официальным документам и текущим законодательным инициативам (свобода информации в сети Интернет); в-третьих, способствовать усилению внутренней организации партий и коммуникации членов партий между собой (горизонтальные и вертикальные коммуникационные связи, не ограниченные территориально) [3, с. 98].

Одним из первых к теоретическому осмыслению явления интернет-технологий в отечественной научной литературе подошел Д.В. Иванов. Проведя исследование результатов избирательных кампаний 1999–2000 гг. в России, он описал несколько интернет-технологий. Во-первых, «Технология создания видимости поддержки политика интернет-аудиторией»; во-вторых, «Технология демонстрации приобщения политика (политической структуры) к современным технологиям» (свидетельствует о прогрессивности политика); в-третьих, «Технология трансляции средствам массовой информации точки зрения политика посредством сети Интернет»; в-четвертых, интернет-технологии как канал коммуникации, не имеющий жестких содержательных, стилистических, форматных и иных традиционных ограничений [4, с. 11].

Ю.А. Митяева, исследуя формирование имиджа политика, выделяет группы интернет-технологий. Во-первых, по мнению Ю.А. Митяевой, прослеживается очевидная взаимосвязь интернет-технологий с традиционными коммуникативными технологиями в рамках теории политической коммуникации, и в этом отношении некоторые интернет-технологии можно поделить на «традиционные» и «социально-политические интернет-технологии», которые выступают в роли комплексных мер и приемов для создания имиджа. И тот, и другой виды технологий, по мнению автора, принадлежат к социально-коммуникативным технологиям и подробно описаны в классической теории политической коммуникации [7, с. 42].

А.С. Николаев обращает внимание на другой принципиально важный аспект в деятельности интернет-технологий: на их функциональность с точки зрения технической стороны функционирования сети Интернет.

² Мессенджер (от англ. Messenger) – Система мгновенного обмена сообщениями.

По мнению А.С. Николаева, современные интернет-технологии могут служить в качестве строительного материала для организации политического общения, например, политического клуба в Сети. В своей статье «О политическом участии в эпоху интернета», А.С. Николаев пишет, что на интернет можно смотреть как на систему взаимосвязанных средств, которые благодаря своим техническим возможностям могут повлиять на факторы участия в определенном уровне политических отношений [9, с. 163]. Приводя разные аргументы, автор постоянно концентрирует внимание на технической части, перечисляя информационные интернет-источники, блоги политиков, тематические форумы и сообщества, без которых не представилось бы возможности так эффективно развивать интернет-технологии поведения субъектов политики в Сети.

В результате исследования различных мнений авторов по поводу сути термина «интернет-технологии» считаем необходимым обратить особое внимание на то, что, по нашему мнению, «интернет-технологии» могут иметь как гуманитарный, так и технический аспекты интерпретации. Формулировка «интернет-технологии в политике» в значении «интернет-технологии, используемые субъектами политики» подразумевает техническую специфику этих технологий, а именно – совокупность технических и программных средств создания, обработки, хранения и передачи данных через интернет. Тогда как смысловое значение понятия «политические интернет-технологии» основывается на гуманитарной составляющей и сводится к приемам (технологиям) достижения политических целей конкретными политическими субъектами. В этом случае интернет-технологии рассматриваются как часть политических технологий, под которыми понимаются технологии борьбы за политическую власть и ее удержание, технологии распределения и применения политической власти в пространстве сети Интернет. На практике эти два аспекта интернет-технологий тесно взаимосвязаны, т.к. нужного эффекта в сети Интернет невозможно добиться, только соблюдая определенные закономерности (технологии) работы с этой интерактивной средой, но имея в виду естественные технические ограничения технологического характера (устройства связи, сайты и т.д.). Очень похожий вывод, но только относительно информационных технологий в целом, высказывает О.Ф. Шабров [11, с. 328], так же разделяя информационные технологии на гуманитарный и

технический контексты интерпретации. Он описывает информационные технологии в контексты применения их в политической среде, определяя разновидность технологий в зависимости от целей, с которыми тот или иной субъект их использует.

Итак, основываясь на описанном подходе, можно определить и описать термины «интернет-технологии в политике» и «политические интернет-технологии», описать и разграничить понятия следующим образом. Сравнивая эти два явления по существу, под «интернет-технологиями в политике» следует понимать технологии создания, сбора, хранения, обработки, передачи и распространения информации в Глобальной сети интернет, направленные на повышение эффективности политического процесса и достижение желаемых результатов субъектами в сфере политики. Необходимо отметить, что, исходя из данного определения, интернет-технологии в политике содержат ряд компонентов:

1. Технологии создания информации. Политический субъект не будет полноценным участником коммуникации в интернете, если не будет работать над созданием информации для достижения своих целей.

2. Технологии получения (сбора) информации. Информация является особым политическим ресурсом, интернет же, в свою очередь, – особой информационной площадкой, способной предоставлять огромное количество информации. Акторы, владеющие информацией, получают преимущества при завоевании, удержании и использовании власти. Целью всех политических акторов является получение как можно большего количества актуальной, полезной и полной информации.

3. Технологии хранения информации. Процесс хранения и накопления информации является очень важным со стратегической точки зрения, равно как и накопление любых других ресурсов. Интернет в этом отношении предоставляет беспрецедентные возможности хранения и оперативного доступа к информации любого объема.

4. Технологии обработки информации. В данном случае обработка понимается как упорядоченный процесс преобразования информации в соответствии с алгоритмом решения политической задачи. Создание новой и обработка существующей информации могут также означать ее искажение и сокрытие, создание ложной информации или же подмену истинных сведений ложными. Такие методы можно определить как «дезинформация», они получили очень широкое практическое распространение в

сети Интернет в рамках активной политической борьбы не только в России, но и по всему миру.

5. Технологии передачи (распространения) информации. Чаще всего под распространением информации в интернете подразумевается продуцирование и тиражирование определенных сообщений или мнений, которые могут быть выражены в различных форматах: тексты, изображения, фотографии, видеоролики, интерактивные взаимодействия и т.п.

«Политические информационные интернет-технологии», в свою очередь, следует понимать как способы и методы работы с информацией в интернете как с особой материей, обладающей собственными характеристиками и качествами, закономерностями. В отличие от интернет-технологий, которые, по сути, являются лишь формой «проводника» для политических информационных интернет-технологий, которые, в свою очередь, формируют наполнение и содержание информации, степень воздействия с целью эффективной тактической борьбы за политическую власть и ее удержание, распределение и применение, в том числе и в пространстве сети Интернет. Если говорить языком аналогий, интернет-технологии в политике – это сосуды, ёмкости, ампулы разнообразного вида и качества, с разными техническими характеристиками и свойствами, которые используются для наполнения «жидкостью» – информацией. Процесс наполнения сосуда информацией, подбор определенной и конкретной «жидкости», которая нужна для конкретной цели, определение качества и количества этой «жидкости» согласно конкретным критериям и ситуации, при которой эта «жидкость» будет использоваться, – все это и есть информационные политические интернет-технологии. Состав, плотность, тягучесть, вес и прочие характеристики «жидкости» напрямую не связаны с формой сосуда, в которую она будет помещена, и наоборот, мы можем наполнить любой сосуд практически любой «жидкостью», руководствуясь целями, которые преследуем. Схожая ситуация и во взаимоотношениях интернет-технологий в политике (сайты, форумы, чаты, ресурсы, видеохосты, социальные сети и т.д.) и информационных политических интернет-технологий (блогинг, SMM, посев слухов, e-mail рассылка и пр.). Запустить и наполнить собственный интернет-ресурс информацией еще не означает начать эффективно его использовать, необходимо учитывать

и использовать методы работы с информацией, которые собой и представляют политические информационные интернет-технологии. Они также обладают рядом характеристик, которые выделяют их особые свойства. Во-первых, они ограничены пространством сети Интернет и функционируют согласно законам Глобальной сети, т.е. зависят от технических изменений, а значит, вынуждены постоянно меняться вслед за техническим прогрессом. Во-вторых, достаточно доступные сегодня, для того, чтобы начать использовать политические информационные интернет-технологии по своему усмотрению, не нужно обладать особым социальным статусом или ресурсом – известно множество видеоблогеров, частных новостных ресурсов, которые за счет правильной подачи и организации контента стремительно увеличивали свое присутствие в сети Интернет. В-третьих, проблема цифрового неравенства отражается на эффективности политических информационных интернет-технологий, значительным образом сужая возможности точечного воздействия технологий, предопределяя их массовый характер.

Таким образом, становится очевидной разница этих двух схожих по конструкции, но разных по сути терминов. В первом случае, когда мы говорим об интернет-технологиях в политике, мы говорим про технические решения, которыми пользуются политические акторы. А когда мы отмечаем очередную вспышку информационной активности в Сети по поводу, на первый взгляд, незначительному, мы говорим уже об использовании эффективных политических информационных интернет-технологий, которые таким образом запускают работу интернет-ресурсов, чтобы добиться своих, не всегда очевидных, целей. В сфере политики информация в целом и интернет в частности играют настолько важную роль, что каждый значимый политический актор сегодня пытается организовать собственный информационный поток в Глобальной сети интернет, чтобы влиять на общественное мнение, формировать желаемый образ или достигать иных политических целей. Но когда тот или иной политик запускает современный интернет-ресурс, это совсем не означает, что он сразу начинает использовать политические информационные интернет-технологии. Наличие не означает умение. Равно как и любой ресурс, внешне не имеющий ничего общего с политическими событиями, может являться ключевым звеном политических информационных интернет-технологий.

1. Анохин, М.Г. Политические технологии [Текст] / М.Г. Анохин // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. № 2. С. 101–104.
2. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления [Текст] / Г.В. Атаманчук. М.: Юрид. лит., 1997. 525 с.
3. Вершинин, М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований [Текст] / М.С. Вершинин / Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. научн. трудов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 98–107.
4. Иванов, Д.В. Политический PR в Интернете: российские реалии [Текст] / Д.В. Иванов // Интернет-маркетинг. 2002. № 4. С. 6–14.
5. Лосенков, О.И. Интернет-технологии как фактор политического процесса в современном глобальном пространстве [Текст] О.И. Лосенков // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 3. С. 302–306.
6. Малкин, Е.Б. Политические технологии [Текст] / Е.Б. Малкин, Е.Б. Сучков. М.: Рус. Панорама, 2006. 688 с.
7. Митяева, Ю.А. Технологии формирования имиджа региональной власти в сети Интернет (на примере освещения сотрудничества между алтайским краем и французским регионом Франш-Конте) [Текст] Ю.А. Митяева // Известия АлтГУ. 2010. № 4–3. С. 254–258.
8. Некрасов, С.И. Философия науки и техники: тематический словарь справочник. Учебное пособие [Текст] / С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова. Орёл: ОГУ, 2010. 289 с.
9. Николаев, А.С. О политическом участии в эпоху Интернета [Текст] / А.С. Николаев // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки, 2010. № 1. С. 159–168.
10. Соловьев, А.И. Политология: Политическая теория. Политические технологии: Учеб. для студентов вузов [Текст] / А.И. Соловьев. М.: Аспект-Пресс, 2001. 559 с.
11. Шабров, О.Ф. Политические технологии [Текст] О.Ф. Шабров // ЗПУ. 2012. №4. С. 328–330.

References

1. Anohin M.G. (2000) *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov, Politologija*, no. 2, pp. 101–104 [in Rus].
2. Atamanchuk G.V. (1997) *Teorija gosudarstvennogo upravlenija*. Moscow, Jurid. lit., 525 p. [in Rus].
3. Vershinin M.S. (2004) *Politicheskaja kommunikacija v informacionnom obshhestve: perspektivnye napravlenija issledovanij / Aktual'nye problemy teorii kommunikacii: sb. nauchn. trudov*. SPb, Izd-vo SPbGPU, pp. 98–107 [in Rus].
4. Ivanov D.V. *Politicheskij* (2002) *Internet-marketing*, no. 4, pp. 6–14 [in Rus].
5. Losenkov O.I. (2006) *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, no. 3, pp. 302–306 [in Rus].
6. Malkin E.B., Suchkov E.B. (2006) *Politicheskie tehnologii*, Moscow, Panorama, 688 p. [in Rus].
7. Mitjaeva J.A. (2010) *Izvestija AltGU*, no. 4–3, pp. 254–258 [in Rus].
8. Nekrasov S.I., Nekrasova N.A. (2010) *Filosofija nauki i tehniki: tematičeskij slovar' spravocnik*. Učebnoe posobie, OGU, 289 p. [in Rus].
9. Nikolaev A. S. (2010) *Izvestija TulGU, Gumanitarne nauki*, no. 1, pp. 159–168 [in Rus].
10. Solov'ev A.I. (2001) *Politologija: Politicheskaja teorija*. Politicheskie tehnologii: Učeb. dlja studentov vuzov, Moscow, Aspekt-Press, 559 p. [in Rus].
11. Shabrov O.F. (2012) *ZPU*, no. 4, pp. 328–330 [in Rus].

UDC 32.019.51

INTERNET-TECHNOLOGIES IN POLITICS AND POLITICAL INFORMATION INTERNET-TECHNOLOGIES: DIFFERENCES IN ESSENCE AND CONTENT OF THE NOTIONS

Nesmarshny Alexey Olegovich.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Stolypin Volga Region Institute of administration, the branch, Post-graduate student of the Department Chair of Political Sciences, Saratov, Russia.
E-mail: nao@astpl.ru

Annotation

The author gives theoretical understanding of the notion "Internet-technologies in politics". The content of Internet-technologies in politics is considered. The author reveals the relationships between the given notion and the notions "political technologies", "election technologies", "political project" and others. Two most frequently used contexts of this term are pointed out. The author gives his own understanding and definition of the terms "Internet-technologies in politics" and "political information Internet-technologies".

Key concepts:

internet-technologies,
political technologies,
pr technologies on the internet,
political advertisement on the internet.

УДК 332.122

АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Сюндыков Владимир Георгиевич,

Челябинский государственный университет,
Научно-образовательный центр
Института экономики Уральского
отделения РАН и ЧелГУ,
научный сотрудник,
кандидат экономических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: syundyukov-vladimir@yandex.ru

Аннотация

Представлен методологический подход к созданию инструментов формализации, математического моделирования и анализа регионального экономического развития с использованием методов искусственного интеллекта. Проведена систематизация исследований по социально-экономическому развитию Челябинской области, в которых активно используются современные информационные технологии, создающие предпосылки для внедрения новых способов обработки баз данных на основе методов искусственного интеллекта. Выделен ряд характерных особенностей проведения перспективных исследований в этом направлении.

Особо подчеркнута возможность и целесообразность создания полномасштабной имитационной математической модели состояния региона на основе методов искусственного интеллекта и систем управления базами данных. Предложен алгоритм анализа динамики показателей для оценки экономической ситуации в регионе и входящих в его состав территорий.

Ключевые понятия:

регион,
анализ,
принятие решений,
информационные технологии,
искусственный интеллект,
Челябинская область.

Проблемы растущей нестабильности [24] и сложности прогнозирования динамики параметров социально-экономического развития регионов России, усиленные влиянием структурного кризиса, создают немало вопросов при поиске эффективных решений в сфере регионального управления. Особенностью любого из возможных решений по противодействию наиболее негативным и разрушительным процессам во внешней и внутренней среде является необходимость рассматривать достаточно большой и весьма разнородный массив первичной статистической и иной фактологической информации. При этом важно выполнить, насколько это возможно, полный анализ, позволяющий выявить не только очевидные, но и скрытые тенденции – как позитивные, так и негативные, как текущие, так и перспективные.

В процессе принятия решений субъектом регионального управления проблема поиска и обработки необходимой информации присутствует в полном объеме. При этом необходимо рассматривать как общие тренды изменений в масштабах национальной экономики, так и специфику, локальные тенденции развития отдельных территорий и предприятий. Используемые в настоящее время классические экономико-математические методы регионального прогнозирования [21] во многом разработаны для относительно стабильных условий и связаны с использованием балансовых подходов к анализу. При оценке и прогнозировании развития регионов в условиях отчетливо выраженной нестабильной динамики, как правило, такой подход становится малоэффективным.

Исходя из этого, возникает вопрос о необходимости качественно иной постановки задачи и подготовки соответствующего аналитического инструментария, позволяющего выполнить адекватный социально-экономический анализ региональных процессов с учетом растущего уровня нестабильности.

В данной статье рассматриваются основные положения и подходы к постановке и решению задач регионального анализа с использованием новых информационных подходов на основе методологии искусственного интеллекта. В качестве иллюстрации представлены три ключевых момента создания и применения подобных технологий.

Первый момент – формирование проблемно ориентированной информационной экспертно-аналитической базы. Создание такой базы предполагает систе-

матизацию результатов предшествовавших исследований – цифрового отражения генезиса и дальнейшей эволюции конкретных проблем регионального социально-экономического развития. Детализация проблем предполагает максимально подробное обобщение данных серии исследований, выявление ключевых причинно-следственных связей, осуществление обобщений и выявление принципиальных различий. Содержание и структура в исследуемом массиве данных такой информационной базы будут в большей мере отражать специфику актуальных региональных проблем, возможность их группировки и классификации, но в меньшей степени соответствовать существующему ныне стандартному консервативно-линейному подходу и постановке вытекающего из него перечня функций и задач регионального управления. Общая структура подобной

области, приведена в таблице 1. Классификация исследований проблем, типичных для старопромышленных регионов развития, позволяет выделить ряд актуальных аспектов анализа регионального развития и сформировать соответствующую экспертно-аналитическую информационную базу, которая по мере проведения дальнейших исследований будет пополняться другими массивами информации (см. таб. 1).

Результаты представленной выше классификации исследовательских разработок позволяют на основе совокупности разрозненных статистических таблиц поставить и решить задачу создания комплексной оцифрованной модели социально-экономического развития региона. Это позволит выполнить более глубокий и разносторонний анализ, как результатов, так и логики протекающих процессов в регионе с учетом многообразия его специфики. Интеграция

Таблица 1

Классификация региональных исследований, определяющих актуальную структуру экспертно-аналитической базы для многоуровневого исследования региональной динамики Челябинской области

	Аспект анализа регионального развития	Результаты аналитическо-экспертных региональных исследований
1	Анализ и оценка структурных изменений экономики региона	Динамика основных региональных трендов (ВРП, зарплата, инфляция) и кризисные риски [16]. Изменения структуры ВРП [6], [7], [8], [12].
2	Анализ устойчивости регионального развития	Выявление особенностей вектора развития региона и точек смены трендов в динамике основных показателей [4].
3	Анализ основных трендов региональной динамики	Особенности экономической динамики ведущих отраслей региона [9]. Особенности динамики финансового результата [18]. Особенности динамики инвестиционного процесса [23]. Особенности динамики структурных изменений региональной экономики. Особенности динамики оплаты труда [17]
4	Анализ развития муниципальных образований и формирование точек роста	Последствия формирования региональных точек роста [7]. Противоречия динамики показателей на муниципальном уровне [14], [6]. Развитие специфических территорий (закрытые территориальные образования, моногорода) [13]. Особенности развития территорий в условиях экологических ограничений [2], [22], [19]. Особенности развития градообразующих предприятий [11], [10]. Особенности развития моногородов.
5	Анализ и оценка качества жизни	Риски динамики бюджетного процесса [20]. Изменение благосостояния социума региона [5]. Изменение системы предпочтений и ожиданий социума [1].

экспертно-аналитической информационной базы, построенная на обобщении широкого комплекса исследований социально-экономического развития Челябинской

подобных таблиц в целостную картину предполагает применение современных способов обработки данных и методов искусственного интеллекта.

Второй момент – определение основных положений адаптации технологий искусственного интеллекта для процедуры регионального анализа. Искусственный интеллект здесь рассматривается в самом широком смысле этого термина – как интеллектуализация использования ресурсов вычислительных машин, кардинально увеличивающая возможности и эффективность применения последних. Для рассматриваемого класса задач регионального анализа данное направление развития компьютерных технологий предполагает:

1. Автоматизацию трудоемких рутинных информационных операций при использовании гибких технологий (адаптируемых к специфике рассматриваемых данных).

2. Поиск проблемно ориентированной информации с применением развитых языков запросов систем управления базами данных (СУБД). К последним относится, в частности, SQL (англ. Structured Query Language – язык структурированных запросов).

Использование подобного инструментария в экономических исследованиях применительно к регионам заметно расширяет возможности традиционных подходов: индексного анализа, корреляционного анализа, балансового метода, графической визуализации.

В данном случае информационные технологии создают предпосылки перехода в экономических исследованиях на качественно новый, более высокий уровень как обобщений, так и детализации. Здесь следует выделить два взаимосвязанных момента. Во-первых, использование этих методов создает предпосылки для *расширения сферы применения аналитических исследований.* При этом количественные изменения позволяют получить качественно новые результаты, что открывает возможность *интеграции результатов исследований в сферу практического управления.* Во-вторых, применение новых информационных технологий обеспечивает выход на *постановку и решение качественно иных, более сложных задач управления.* Появляется возможность решать задачи, прежде не рассматриваемые из-за проблем размерности или практической трудоемкости выполнения аналитических работ.

Третий момент – постановка универсальной задачи выявления рисков непредсказуемости путем анализа парных связей (то есть оценки степени взаимосвязи и взаимовлияния показателей). Подобная задача является первичной при выполнении

регионального анализа с использованием технологий искусственного интеллекта, так как традиционный линейный анализ рассматривает только динамику самих значений показателей.

Универсальная модель подобной постановки задачи выявления значимости парных связей показателей по региону в целом выглядит следующим образом.

Дано:

$X = \{X_1, \dots, X_N\}$, где X – множество показателей, N – количество показателей;

$X_i = \{x_{i1}, \dots, x_{iT}\}, \dots, X_N = \{x_{N1}, \dots, x_{NT}\}$ – временные ряды – множества наблюдаемых значений показателей (1...N) в моменты времени (1...T) по региону в целом, где T – продолжительность наблюдаемого периода.

Найти:

$R^2(X \times X) = \{r(X_1, X_1), \dots, r(X_i, X_i), \dots, r(X_N, X_N)\}$ – множество коэффициентов корреляции всех возможных пар показателей; $i \in (1, \dots, N), j \in (1, \dots, N)$.

После расчета коэффициентов корреляции и коэффициентов уравнения результаты должны быть упорядочены по модулю значений $r(X_i, X_j)$ или $r(X_i^k, X_j^k)$ для сравнительной оценки взаимосвязей между показателями и определения подмножеств минимальных и максимальных рисков непредсказуемости.

Перспективы дальнейшего использования технологий с элементами искусственного интеллекта при выработке эффективных управленческих решений. Необходимо отметить, что дальнейшее развитие задач выработки эффективных управленческих решений заключается в использовании технологий искусственного интеллекта при нечетко определенных условиях анализа динамики развития территории, что является довольно часто встречающейся ситуацией. В этом случае необходимо ориентироваться на разработку и применение прикладных специализированных экспертно-аналитических систем ([27], [29]). Они основаны на использовании «правил-продукций» и «машине вывода» [28]. При этом используется так называемый «обратный вывод», а недостающие данные запрашиваются в диалоге с пользователем. На основании поставленной цели программа предлагает набор исследуемых показателей, уточняет продолжительность анализируемого периода, предлагает пользователю линейную или нелинейную регрессию и переходит к обработке имеющейся в ее базе количественной информации методами математической статистики.

Подобный инструментарий создает предпосылки для решения новых, более сложных задач пространственного развития региональных социально-экономических систем. Среди них:

1. Анализ множества динамических рядов и выявление:

1.1 Депрессивных территориально значимых и градообразующих предприятий.

1.2. Территорий с проблемной динамикой.

1.3. Предприятий – потенциальных точек роста.

2. Пространственный анализ и моделирование развития региона с учетом взаимосвязи его территорий, социальных, экологических, экономических процессов:

2.1. Анализ динамики взаимосвязей и классификация территорий по типам взаимосвязей (в развитии исследований [6], [13]).

2.2. Имитационное полномасштабное моделирование и вероятностный анализ сценариев развития региона.

В случае включения элементов искусственного интеллекта в модели регионального развития появляется возможность на имеющейся информационной и методической базе рассмотреть более широкий спектр сценариев развития региона в условиях высокой экономической нестабильности, задаваясь теми или иными начальными и граничными условиями. Такого рода модель является не просто набором уравнений, полученных методами корреляционного анализа, а прежде всего – сложной и более адекватной реальности информационно-логической системой. Очевидно, что такая модель должна быть адаптирована к соответствующей предметной области, в данном случае – к специфике экономических, социальных, экологических процессов функционирования региона.

Построение подобной модели по этапам предполагает:

1. Разработку системы вышеупомянутых правил-продукций для технологий искусственного интеллекта с достаточной полнотой параметров, описывающих предметную область.

2. Структурирование баз данных и создание системы запросов или средств создания таких запросов.

3. Адаптацию соответствующего программного обеспечения – интеллектуального интерфейса, экспертных систем.

В заключение следует подчеркнуть, что рассматриваемые технологии искусственного интеллекта в локальном формате уже имеют многолетнюю апробацию и опыт

применения в различных сферах поиска управленческих решений. Они могут быть интегрированы в более общие модели, что в перспективе позволит многократно повысить результативность работ по анализу и прогнозированию региональной социоэкономической динамики.

1. Голиков, А.А. Концептуальные основы динамики благополучия населения в регионе [Текст] / А.А. Голиков, С.С. Гордеев, А.Ю. Даванков, В.Н. Козлов / Голиковские чтения: Сборник научных трудов. Отв. ред. А.Ю. Даванков. Челябинск, 2015. С. 6–10.

2. Гордеев, С.С. Основы проектирования пространственного социо-эколого-экономического развития территорий [Текст] / С.С. Гордеев, А.Ю. Даванков, Г.А. Косарева // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2014. № 21 (350). С. 74–81.

3. Гордеев, С.С. Социально-экономическая интеграция закрытых территориальных образований» [Текст] / С.С. Гордеев, А.Ю. Даванков, А.В. Кочеров, Н.Н. Павлова, Г.Н. Пряхин // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2014. № 15 (344) Экономика Вып. 45, С. 116–123.

4. Гордеев, С.С. Устойчивое развитие региона в изменчивой внешней среде [Текст] / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Кочеров // Социум и власть. 2015. №2 (52). С. 48–55.

5. Гордеев, С.С. Оценка устойчивости благополучия регионального социума и проблемы измерения динамики заработной платы [Текст] / С.С. Гордеев, О.А. Козлова, А.А. Семёнов // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2011. № 36. С. 92–99.

6. Гордеев, С.С. Устойчивость в управлении экономическим развитием региона [Текст] / С.С. Гордеев, А.В. Кочеров, М.М. Лебедефф-Донской // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2015. № 12 (367). С. 79–88.

7. Гордеев, С.С. Риски интеграции точек роста в экономику региона [Текст] / С.С. Гордеев, А.В. Кочеров, А.В. Подопригора // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2015. № 18 (373). Выпуск 51. Серия: Экономика. С. 65–73.

8. Гордеев, С.С. Влияние кризисных рисков на динамику валового регионального продукта [Текст] / С.С. Гордеев, А.В. Кочеров // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2014. № 21 (350). С. 121–127.

9. Гордеев, С.С. Региональные тренды экономической динамики и диверсификации [Текст] / С.С. Гордеев, А.В. Кочеров // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2015. № 8 (363). С. 104–113.

10. Гордеев, С.С. Риски практики применения федерального закона «о несостоятельности (банкротстве)» для предприятия в условиях экономической нестабильности [Текст] / С.С. Гордеев, А.В. Ко-

черов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25 (380). С. 86–92.

11. Гордеев, С.С. Риски устойчивости промышленного предприятия в условиях структурного экономического кризиса [Текст] / С.С. Гордеев, А.В. Кочеров // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2 (384). С. 162–172.

12. Гордеев, С.С. Анализ и формализация динамики валового регионального продукта в условиях экономической нестабильности [Текст] / С.С. Гордеев, А.В. Кочеров // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2014. № 15. С. 102–107.

13. Гордеев, С.С. Оценка устойчивости в управлении экономическим развитием региона [Текст] / С.С. Гордеев, М.М. Лебедефф-Донской / Материалы III Всероссийского симпозиума по региональной экономике: Сборник докладов. Отв. ред. А.И. Татаркин. 2015. С. 155–163.

14. Гордеев, С.С. Валовой региональный продукт как интегральный показатель развития региональной экономики: специфика и проблемы использования [Текст] / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Кочеров // Социум и власть. 2014. № 5(49). С. 50–54.

15. Гордеев, С.С. Валовой региональный продукт как интегральный показатель развития региональной экономики: специфика и проблемы использования [Текст] / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Кочеров // Социум и власть. 2014. № 6 (50). С. 72–75.

16. Гордеев, С.С. Риски и приоритеты управления регионом в условиях экономической депрессии и роста инфляции [Текст] / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Подопригора // Социум и власть. 2015. № 3 (53). С. 116–123.

17. Гордеев, С.С. Динамика заработной платы региона и проблемы её измерения в условиях экономической нестабильности [Текст] / С.С. Гордеев, А.Ю. Даванков, О.А. Козлова, Н.З. Шаймарданов // Экономика региона. 2010. № 4 (24). С. 25–31.

18. Гордеев, С.С. Анализ условий роста финансового результата региона [Текст] / С.С. Гордеев // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2015. Вып. 49. № 11 (366). С. 48–55.

19. Гордеев, С.С. Социо-эколого-экономические и институциональные риски сложных проектов: на примере Томинского ГОКа Челябинской области [Текст] / С.С. Гордеев // Известия высших учебных заведений Уральский регион. 2016. № 2. С. 26–41.

20. Гордеев С.С. Условия устойчивости и эффективности управления бюджетным процессом региона [Текст] / С.С. Гордеев // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2015. № 12 (367). С. 62–70.

21. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики [Текст] / А.Г. Гранберг. М.: ГУВШЭ, 2004. 495 с.

22. Даванков, А.Ю. Экологическая оценка городских территорий [Текст] / А.Ю. Даванков, С.С. Гордеев, Д.Ю. Двинин // Известия высших учебных заведений Уральский регион. 2015. № 2. С. 43–49.

23. Иванов, О.П. Инвестиционная политика региона в условиях экономической нестабильности основные тренды и риски [Текст] / О.П. Иванов, С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов // Социум и власть. 2015. №-6 (56). С. 96–101.

24. Талеб, Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости [Текст] / Н. Талеб. «Колибри», 2012.

25. Мартин, Дж. Организация баз данных в вычислительных системах [Текст] / Дж. Мартин. М., 1980.

26. Сойер, Б. Программирование экспертных систем на Паскале [Текст] / Б. Сойер, Д.Л. Фостер. М., 1990.

27. Сюдюков, В.Г. Календарное планирование производства на основе автоматизированного моделирования технологии [Текст] / В.Г. Сюдюков: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. эконом. наук. Челябинск, 1992.

28. Сюдюков, В.Г. Совершенствование регионального экономического анализа с внедрением методов искусственного интеллекта [Текст] / В.Г. Сюдюков / Голиковские чтения: Сборник научных трудов. Отв. ред. А.Ю. Даванков. Челябинск, 2016. С. 166–174.

29. Уинстон, П. Искусственный интеллект [Текст] / П. Уинстон. М., 1980.

References

1. Golikov A.A., Gordeev S.S., Davankov A.Ju., Kozlov V.N. (2015) *Konceptual'nye osnovy dinamiki blagopoluchija naselenija v regione / GOLIKOVSKIE CHTENIJA Sbornik nauchnyh trudov*. Отв. ред. А.Ю. Даванков. Cheljabinsk, pp. 6–10 [in Rus].
2. Gordeev S.S., Davankov A.Ju., Kosareva G.A. (2014) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, no. 21 (350), pp. 74–81 [in Rus].
3. Gordeev S.S., Davankov A.Ju., Kocherov A.V., Pavlova N.N., Prjahin G.N. (2014) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, no. 15 (344), Vyp. 45, pp. 116–123 [in Rus].
4. Gordeev S.S., Zyrjanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2015) *Socium i vlast'*, no. 2 (52), pp. 48–55 [in Rus].
5. Gordeev S.S., Kozlova O.A., Cemjonov A.A. (2011) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, no. 36, pp. 92–99 [in Rus].
6. Gordeev S.S., Kocherov A.V., Lebedeff-Donskoj M.M. (2015) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, no. 12 (367), pp. 79–88 [in Rus].
7. Gordeev S.S., Kocherov A.V., Podoprigora A.V. (2015) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, no. 18 (373), Vyp. 51, pp. 65–73 [in Rus].
8. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2014) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, no. 21 (350), pp. 121–127 [in Rus].
9. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2015) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, no. 8 (363), pp. 104–113 [in Rus].
10. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2015) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 25 (380), pp. 86–92 [in Rus].
11. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2016) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (384), pp. 162–172 [in Rus].

12. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2014) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, no. 15, pp. 102–107 [in Rus].

13. Gordeev S.S., Lebedeff-Donskoj M.M. (2015) Ocenka ustojchivosti v upravlenii jekonomicheskim razvitiem regiona / MATERIALY III VSEROSSIJSKOGO SIMPOZIUMA PO REGIONAL'NOJ JEKONOMIKE: sbornik dokladov. Otvetsvennyj redaktor A.I. Tatar-kin, pp. 155–163 [in Rus].

14. Gordeev S.S., Zyrjanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2014) *Socium i vlast'*, no. 5(49), pp. 50–54 [in Rus].

15. Gordeev S.S., Zyrjanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2014) *Socium i vlast'*, no. 6 (50), pp. 72–75 [in Rus].

16. Gordeev S.S., Zyrjanov S.G., Ivanov O.P., Podoprigora A.V. (2015) *Socium i vlast'*, no. 3 (53), pp. 116–123 [in Rus].

17. Gordeev S.S., Davankov A.Ju., Kozlova O.A., Shajmardanov N.Z. (2010) *Jekonomika regiona*, no. 4 (24), pp. 25–31 [in Rus].

18. Gordeev S.S. (2015) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, Vyp. 49, no. 11 (366), pp. 48–55 [in Rus].

19. Gordeev S.S. (2016) *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij Ural'skij region*, no. 2, pp. 26–41 [in Rus].

20. Gordeev S.S. (2015) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*, no. 12 (367), pp. 62–70 [in Rus].

21. Granberg A.G. (2004) *Osnovy regional'noj jekonomiki*. Moscow, GUVShJe, 495 p. [in Rus].

22. Davankov A.Ju., Gordeev S.S., Dvinin D.Ju. (2015) *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij Ural'skij region*, no. 2, pp. 43–49 [in Rus].

23. Ivanov O.P., Gordeev S.S., Zyrjanov S.G. (2015) *Socium i vlast'*, no. 6 (56), pp. 96–101 [in Rus].

24. Taleb N. (2012) *Chernyj lebed'*. Pod znakom nepredskazuemosti. «KoLibri» [in Rus].

25. Martin Dzh. (1980) *Organizacija baz dannyh v vychislitel'nyh sistemah*. Moscow [in Rus].

26. Sojer B., Foster D.L. (1990) *Programmirovanie jekspertnyh sistem na Paskale*. Moscow [in Rus].

27. Sjundjukov V.G. (1992) *Kalendarnoe planirovanie proizvodstva na osnove avtomatizirovanogo modelirovanija tehnologii*. Cheljabinsk [in Rus].

28. Sjundjukov V.G. (2016) *Sovershenstvovanie regional'nogo jekonomicheskogo analiza s vnedreniem metodov iskusstvennogo intellekta / GOLIKOVSKIE CHTENIJA: Sbornik nauchnyh trudov*. Otv. red. A.Ju. Davankov. Cheljabinsk, pp. 166–174 [in Rus].

29. Uinston P. (1980) *Iskusstvennyj intellekt*. Moscow [in Rus].

UDC 332.122

ANALYSIS OF SPACIAL SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Syundyukov Vladimir Georgievich, Chelyabinsk State University, Scientific and educational center of the Institute of Economics of the Urals Branch of RAS and Chelyabinsk State University, Researcher, Cand. Sc. (Economics), Chelyabinsk, Russia.
E-mail: syundyukov-vladimir@yandex.ru

Annotation

The author presents a methodological approach to creating tools of formalization, math modeling and analysis of regional economic development implementing methods of artificial intelligence. The author systematizes researches in the sphere of social and economic development of Chelyabinsk region, in which up-to-date information technologies are used. These technologies create background for implementing new ways of database processing on the basis of methods of artificial intelligence. The author points out a number of peculiarities of doing prospective researches in this area. Special attention is given to the possibility and practicality of creating a full-scale imitative math model of the regional state on the basis artificial intelligence methods and systems of managing database. The author suggests algorithm of analyzing factors dynamics for evaluating economic situation in the region and the territories included in it.

Key concepts:

region,
analysis,
decision-making,
information technologies,
artificial intelligence,
Chelyabinsk region.

УДК 338.2

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Новиков Александр Иванович,
Российская Академия народного
хозяйства и
государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
Владимирский филиал,
ведущий научный сотрудник,
доктор экономических наук, профессор,
г. Владимир, Россия.
E-mail: novikov-ivanovo50@yandex.ru

Кулагин Алексей Валерьевич,
Российская Академия народного
хозяйства и
государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
Владимирский филиал,
аспирант,
г. Владимир, Россия.
E-mail: al205@yandex.ru

Аннотация
Подводится теоретическая
и методологическая база исследования
проблем инновационного развития
региона, выделены слагаемые успеха
инновационных процессов, обоснованы
подходы оценки инновационной
активности, даны качественные
характеристики инноваций Владимирской
области.

Ключевые понятия:
регион,
инновации,
оценка.

Приоритеты инновационной политики во Владимирской области коррелируют с положениями Стратегии социально-экономического развития области до 2030 года (Указ губернатора от 31.10.2014 г.). Основные направления инновационного сценария нашли своё отражение в Комплексном плане развития области.

К 2030 году планируется обеспечить прирост валового регионального продукта (ВРП) до 700 млрд рублей, доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП – 35 % и увеличить количество вновь созданных и модернизированных рабочих мест до 112 тысяч.

Чтобы обеспечить реализацию поставленных целей и задач в части перевода региональной экономики на инновационный путь развития необходима соответствующая теоретическая база и методологический аппарат. Для их решения в этой статье в теоретико-методологическом плане *используется* теория экономического анализа и активный или вариантный статистический прогноз. Анализ активных или вариантных прогнозов способен помочь в выборе наиболее важных направлений инновационного развития региона или подтвердить правильность уже выбранного пути. На практике часто применяются варианты прогнозы, в том числе при разработке различных сценариев развития. Например, прогнозы бюджетного процесса на 2017–2019 годы в Российской Федерации предполагали три варианта развития: базовый, базовый+, целевой+.

В данном исследовании *представлена и показана* система инструментов оценки условий и среды функционирования региональной социально-экономической системы, которая в ходе своего инновационного развития использует дополнительный ресурс, «разгоняя» тем самым свою инновационную активность. В результате этого система приобретает новые качества, позволяющие ей на более высоком уровне и более эффективно решать стратегические задачи, а базой инновационной активности выступают три слагаемые: условия + дополнительные ресурсы + новое качество системы, в результате чего получаем синергетический эффект.

Сохранение положительных тенденций и дальнейшему росту производства в регионе невозможно без привлечения инвестиций, масштабного инновационного обновления и размещения производительных сил. В научном плане механизм взаимодействия этих компонентов можно

найти в трудах представителей Уральской школы пространственного развития (А.И. Татаркин и др.) [1, с. 9–33].

Традиционно Владимирская область относилась к «середнякам». Ее положение в рейтинге социально-экономического развития регионов соответствовало, с одной стороны, имеющимся ресурсам, с другой, – условиям развития экономики и ведения бизнеса в области. Во втором десятилетии нынешнего века в регионе произошли кардинальные изменения, направленные на создание более благоприятных условий для инновационного развития и мобилизации имеющихся ресурсов. Это позволило ей по итогам 2015 г. в национальном рейтинге субъектов РФ занять 18-е место среди 85 и войти в группу «Регионы с комфортными условиями для бизнеса» [2].

Представитель владимирской школы инновационного развития В.А. Кретинин, оценивая условия реализации инновационных проектов во Владимирском регионе, привел комплексную оценку уровня социально-экономического развития. «В 2014 году Владимирская область, по рейтинговой оценке агентства «РиаРейтинг», среди 85 субъектов РФ занимала 35-е место с индексом 45,006, уступая Москве (82,192), Московской (67,842) и Нижегородской (56,660) областям, которые заняли соответственно 1-е, 3-е и 14-е места. Среди регионов ЦФО Владимирская область заняла 10-е место, существенно превзойдя своих ближайших соседей: Ивановскую (32,086) и Костромскую (27,166) области» [2].

Второе слагаемое – вовлечение в инновационный процесс дополнительных ресурсов. Их источниками, по нашему мнению, являются, с одной стороны, инвестиции, в том числе зарубежные, с другой, – средства, поступающие в порядке софинансирования при реализации мероприятий в рамках ФЦП. В настоящее время во Владимирском регионе реализуются 32 госпрограммы; 95% расходной части бюджета администрируется программно-целевым методом. В 2015 году на территории региона велась реализация проектов и мероприятий по 22 государственным программам РФ, а также проекта, входящего в непрограммную часть ФАИП «Агропромышленный комплекс». Общий объем финансирования программ за счёт всех источников составил 28,4 млрд рублей (рост в 3,3 раза). Предприятия области активно участвуют в федеральных программах по развитию ОПК, атомного энергопромыш-

ленного комплекса, фармацевтической и медицинской промышленности, науки и технологий.

Ученые Челябинского филиала РАНХиГС при Президенте РФ (С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов и др.) [3, с. 98], исследуя вопросы конкурентоспособности регионов, рассматривают инвестиционную составляющую, особо выделяя роль зарубежных инвестиций. При этом они обращают внимание на возможные резкие перепады и дифференциацию иностранных инвестиций по регионам. На примере Свердловской и Челябинской областей они показали неоднозначность процессов по привлечению иностранных инвестиций. В частности, если в Свердловской области объем иностранных инвестиций в 2012 г. вырос в 5 раз, то в последующие годы произошло «столь же существенное снижение». В Челябинской области они отмечают осторожность в поведении зарубежных инвесторов и объясняют это высокими рисками.

В свою очередь они доказали, что в случае, если зарубежные инвестиции сочетаются с внутренними местными ресурсами, получается синергетический эффект (пример Калужской области). Администрация Владимирской области с целью привлечения иностранных инвестиций пытается повысить доступность инвесторов к местным ресурсам, снизить риски. Для привлечения зарубежных инвестиций важную роль играет наличие разработанных не только традиционных, но и новых концепт и направлений развития региона, предполагающих не только активизацию инновационных процессов, но и его «разгон» или активизацию [4, с. 122–126]. Кроме того, близость региона к рынкам сбыта (Москва и Московская область) обусловили его привлекательность для зарубежных инвестиций в пищевую, химическую и фармацевтическую промышленность.

Привлечение зарубежных инвестиций во Владимирском регионе позволило осуществить структурные изменения экономики. В отраслевой структуре ведущего комплекса обрабатывающих производств Владимирской области за последние 10 лет произошли существенные изменения, выросла доля производства продуктов питания, отличающихся более высокой скоростью оборотного капитала, но, к сожалению, за счет снижения доли машиностроения, электро- и приборостроения (табл. 1).

Большое внимание во Владимирской области уделяется малому и среднему

Таблица 1

Отраслевая структура отраслей обрабатывающей промышленности, в % *

Отрасли	Владимирская область		2014	
	2005	2014	ЦФО	РФ
Пищевая	25,5	32,3	18,5	16,1
Текстильная, швейная	4,6	2,4	1,5	1,0
Лесная	4,0	2,7	4,6	4,0
Химическая	17,2	17,7	39,2	34,7
Металлургия	6,5	7,7	9,5	15,2
Машиностроение	12,7	10,0	12,3	15,1
Электромашиностроение	21,7	11,7	7,0	5,7
Прочие виды производств	8,1	14,7	7,4	5,2

* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015.

бизнесу, в частности, в г. Александрове ООО «SEFA» совместно с ОАО «Сбербанк России» строится индустриальный парк «Александровская слобода», на территории которого можно будет разместить не менее 30 компаний с созданием до 10 тысяч новых рабочих мест (табл. 2).

Оценка инновационной активности отдельных видов экономической деятельности

Инновационная активность – непрерывный динамический процесс, поэтому слож-

Таблица 2

Состояние малого предпринимательства во Владимирской области*

Годы	Число предприятий малого бизнеса, тыс. шт.	Среднесписочное число работников, тыс. чел.	Оборот малых предприятий, млрд руб.
2000	6,9	52,7	3,7
2005	7,6	64,1	35,0
2011	19,3	118,3	140,4
2014	18,4	112,1	181,9

* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015.

В 2016 г. во Владимирской области прошел очередной – IV экономический форум под лозунгом: «Малое и среднее предпринимательство – время быть лидерами». На форуме обсуждались вопросы поддержки малого и среднего предпринимательства, в том числе повышения роли инновационных технологий, и принята соответствующая резолюция.

но поддается измерению. Процессы, происходящие в экономике России за последние 25 лет под лозунгами реформирования и повышения эффективности, привели к целому ряду негативных последствий. За этот период произошла потеря индустриальной производительной силы [5, с. 126–167].

Сформулированная в названии статьи исследовательская задача относится к ка-

тегории многоаспектных и трудно формализуемых, в решении которых классические методы анализа и интерпретации его результатов, как правило, не дают желаемого результата. В этой ситуации преимущество получают информационно адаптированные подходы, в том числе анализа статистических показателей «качества инновационной политики»: наличие стратегии инновационного развития региона, наличие в схеме территориального планирования зон развития инновационной деятельности, законодательно закрепленных мер государственной поддержки инновационной деятельности, наличие специализированных институтов по реализации инновационных проектов, удельный вес средств бюджета в общих затратах на технологические инновации и др. В соответствии с интегральной оценкой инновационной активности в 2015 году Владимирская область заняла уже 8-е место среди регионов, входящих в ЦФО.

В 2014 году во Владимирской области удельный вес организаций, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций составил 12,6%, что соответствует 5-му месту среди регионов ЦФО. Это свидетельствует об относительно высоких показателях его инновационной активности.

Главным субъектом инновационного развития в регионе выступает сектор науки, представленный 25 организациями. Основными направлениями их деятельности являются электротехника, машиностроение, лазерные и космические технологии, сельское хозяйство, химия и фармацевтика.

Заслуживают особого внимания предприятия «новой экономики», демонстрирующие высокие показатели инновационной активности, через внедрение своих собственных инновационных разработок и технологий, имеющие достаточный объем финансирования и сумевшие коммерциализировать свои разработки. Лидерами являются предприятия фармацевтической промышленности, в частности: ЗАО «Генериум», ООО «ЛЭНС-Фарм», ЗАО «ЛЕККО», ООО «МБЦ «Генериум», ОАО «Покровский завод биопрепаратов» и другие. При содействии компании «Abbott» фирма «Верофарм» открыла в пос. Вольгинский в рамках программы импортозамещения современное высокотехнологичное производство онкологических и гормональных препаратов. Объем инвестиций в это

предприятие составил 7,4 млрд руб., его площадь – 19 тыс. м², а число занятых – 500 чел.

Качественные характеристики инноваций Владимирской области

На качественные характеристики посмотрим через призму инновационности, производительности труда и модернизации.

В октябре 2016 г. Правительством РФ были утверждены одиннадцать приоритетных проектов, в том числе один из проектов предусматривает рост производительности труда (протокол заседания Правительства РФ от 25 октября 2016 г.). Впервые в России реализуется проект, который позволяет бизнес-сообществу, федеральным и региональным властям увидеть реальную и актуальную картину относительно производительности труда в разрезе предприятий, заводов и фабрик. Приведем главные итоги конкурса «Производительность труда: Лидеры промышленности России – 2015», которые имеют отношение к Владимирской области. По итогам конкурса было выделено 1000 значимых предприятий из ключевых отраслей промышленности России (а всего обработаны данные более 5000 промышленных предприятий России: совокупная выручка – более 55% ВВП России, количество сотрудников – более 5,5 млн человек) [6].

В списки победителей вошли 1000 предприятий следующих отраслей промышленности России: металлургия, энергетика, машиностроение, нефтегазодобыча и нефтепереработка, химическая промышленность, приборостроение, радиоэлектронная промышленность, производство строительных материалов, пищевая и легкая индустрия, электротехническая и деревообрабатывающая промышленность и ЦБК. Из предприятий Владимирской области в ТОП-список (1000 предприятий) высокой производительности труда вошли:

- Кольчугинский завод «Электрокабель» (4,88 млн руб./чел./год);
- Ковровский механический завод (2,82 млн руб./чел./год), завод имени В.А. Дегтярева (2,3 млн руб./чел./год) и др.

Анализ работы этих предприятий в очередной раз доказал необходимость выявления и учета дисбаланса стратегических целей с тактическими задачами, а

также между социальной, экологической и экономической подсистемами промышленного предприятия, что согласуется с выводами О.В. Артемовой и Н.А. Шпак [7, с. 106].

На вышеуказанных предприятиях экономическое развитие согласуется с относительно высокой зарплатой, социальной защитой работников и экологическими требованиями. Такой подход позволяет находить разумный баланс и проводить работу по внедрению новой техники и технологий. Так, в 2016 г. на заводе ОАО «Кольчугинский завод «Электрокабель» установили вертикальные оплеточные машины – 24-шпульную и 16-шпульную, и планируют установить горизонтальную 36-шпульную и вертикальную 32-шпульную.

В условиях обострения внешнеполитической и международной ситуации выросли объёмы производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса Владимирской области. В частности, в г. Коврове на ОАО «Завод им. В. А. Дегтярева» и электромеханическом, в г. Муроме – на ОАО «Муромский радиозавод» и ОАО «Муромский приборостроительный завод».

Растёт кооперация ООО «Гусевской арматурный завод «ГУСАР» и ОАО «Армагус» с ОАО «Газпром», а также предприятиями нефтедобычи и нефтепереработки. ООО «Гусевской арматурный завод «ГУСАР» производит трубопроводную арматуру и нефтегазовое оборудование по международным стандартам на основе инновационных технологий и материалов в рамках импортозамещения. В настоящее время на ООО «Гусевской арматурный завод «ГУСАР» строится крупное литейное производство, что позволит существенно увеличить объёмы производства и качество выпускаемой продукции.

На предприятиях ООО «Вестел-СНГ» (г. Александров) и ООО «БЕКО» (г. Киржач) производится бытовая техника, отвечающая современным мировым стандартам качества. Данные производства были созданы при участии турецких инвесторов.

Во Владимирской области ведётся строительство нового крупного завода по производству автобусов марки «Волгабас», которые будут работать на газомоторном топливе. Данный завод может активизировать работу многих предприятий Владимирской области, связанных с автомобильной промышленностью, в частности, заводов «Автоприбор», «Автосвет» и др.

Среди обрабатывающих производств ведущей отраслью (после пищевой промышленности (35,7%)), являются машиностроение и металлообработка – 20,7%. В настоящее время наблюдается развитие только отдельных машиностроительных производств, особенно тех, которые работают во взаимодействии с крупными государственными корпорациями «Росатом», «РЖД», «Газпром» и другими. Тесно взаимодействуют с корпорацией «РЖД» заводы г. Муром – ОАО «Муромтепловоз» и АО «Муромский завод стрелочных переводов», а также ООО «НПО «Вояж» в г. Камешково.

В условиях введения контрсанкций значительно выросла доля пищевой промышленности, которая ориентируется на собственное сырьё, крупный потребительский рынок и рабочую силу. В результате выноса предприятий из г. Москвы появились кондитерские фабрики в г. Покрове, г. Собинке, Собинском районе. В Покрове построена шоколадная фабрика «Kraft-Foods», кондитерская фабрика «Ferrero-Mondelezinternational» в Собинском районе (в селе Ворша) и бисквитная фабрика в г. Собинка.

Росту покупательной способности продукции пищевой промышленности способствует и широко рекламируемый лозунг: «Покупай владимирское! Покупай российское!». Создаются в области агропромышленные холдинги и предприятия, производящие и реализующие молоко и другую молочную продукцию, которые объединяются в холдинги: «Молоко», «Ополе», «Муромское подворье» и другие. Наиболее крупными предприятиями пищевой промышленности остаются молочные, мясоперерабатывающие и хлебобулочные комбинаты, они достаточно стабильно работают, а отдельные даже наращивают объёмы производства (табл. 3).

Во Владимирском регионе производится разнообразная востребованная населением продукция: молоко, кефир, ряженка, йогурты, творог, сметана, сливочное масло, сыры и другие продукты. Однако для повышения эффективности использования имеющихся ресурсов необходимо решить проблему полной переработки молока на территории области, прекратить вывоз цельного молока за её пределы.

Мясоперерабатывающая отрасль в регионе является одним из лидеров национального масштаба и по объёмам производства занимает 6-е место среди всех регионов РФ. Крупными центрами мясопереработки являются города Владимир, Ковров, Муром,

Таблица 3

Производство продукции пищевой промышленностью,* в тыс. тонн

Продукция	1990	2011	2015
Мясо	54,1	10,4	13,0
Колбасные изделия	18,6	106,4	129,5
Полуфабрикаты мясные	13,5	39,8	50,0
Цельномолочная продукция	231,9	266,7	285,0
Масло сливочное	9,0	1,8	1,8
Хлеб и хлебобулочные изделия	279,2	116,5	93,6
Кондитерские изделия	21,3	122,0	123,6
Макаронные изделия	10,6	33,9	14,1

* Владимирская область в цифрах. Краткий статистический справочник. Владимир, 2016. С. 129.

Радужный и Юрьев-Польский, в которых работают мясокомбинаты, часть продукции перерабатывается в местах производства скота и птицы. Мощности по переработке мяса свиней и птицы созданы при свино-комплексе «Владимирский», «Юрьевецкой» и «Центральной» птицефабриках. Крупными предприятиями являются «Владимирский стандарт», «ДелКА», Юрьев-Польский мясокомбинат, «Стародворские колбасы» и другие.

Выводы

1. В прикладном аспекте доказано, что достигнутые темпы роста экономики владимирского региона позволяют быть уверенными в правильности выработанных ориентиров и достижимости поставленных задач. По итогам 2015 года валовой региональный продукт увеличился на 2% (в сопоставимых ценах), его объём достиг 376 млрд рублей. За этот же период объём отгруженной продукции составил 113,5% к предыдущему году. Индекс промышленного производства – 101,6%. Ввод в действие жилых домов увеличился на 6,7%. Среднемесячная начисленная заработная плата увеличилась на 6,4% и составила 23,45 тыс. рублей.

2. В теоретическом плане исследуемые подходы и полученные результаты призваны обогатить теорию экономического анализа. Это обстоятельство усиливает теоретическую значимость данного исследования. В данной статье показана и обоснована система инструментов, позволяющая проследить и дать оценку

трансформационным изменениям качественного содержания самой социально-экономической системы, приобретения ею новых качеств за счет создания соответствующей среды (условий) и использования дополнительных ресурсов за счет участия региона в реализации госпрограмм и привлечения инвестиций, в том числе зарубежных.

3. Доказано, что имеющийся в регионе потенциал позволяет опережающими темпами наращивать производство инновационных товаров и увеличивать их долю в общем объёме производства. Важной составляющей инновационной активности во Владимирской области выступает степень развития институционального сопровождения развития инновационной деятельности.

4. В то же время необходимо, опираясь на результаты собственных научных разработок в регионе, обеспечить прогрессивные сдвиги в структуре региональной экономики, развивать новые перспективные направления создания инновационной продукции.

1. Татаркин, А.И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов [Текст] / А. И. Татаркин // Экономика региона. 2014. № 1. С. 9–33.

2. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.investinregions.ru/rating> (дата обращения: 15.01.2017).

3. Конкурентоспособность региона: теория, проблемы, практика: коллективная научная моно-

графия [Текст] / рук.и отв. ред. В. А. Кретинин. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. 276 с.

4. Иванов, О.П. Инвестиционная политика региона в условиях экономической нестабильности: основные тренды и риски [Текст] / О.П. Иванов, С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 95–101.

5. Новиков, А.И. Новые парадигмы индустриального развития и формирование образа «Новой России» // Ученые записки. Научно-практический журнал. № 2 (18). 2016. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС. С. 122–126.

6. Новиков, А.И. Кадры как фактор развития территории цивилизованного уровня // Ключевые проблемы развития хозяйственной территории депрессивного типа (по материалам Ивановской области): Монография [Текст]: Бабаев Б.Д. и др. ФГБОУ ВПО «Иван. гос. ун-т», науч.-исслед. центр регион. развития; науч.-обр. центр «Теоретические и прикладные проблемы многоуровневого общественного воспроизводства» / Под общ. ред. Б. Д. Бабаева. Иваново: ПресСто, 2014. С. 126–167.

7. Деловой портал Российского центра производительности в рамках общественной инициативы «Производительность 2.0». URL: prodcenter@up-pro.ru (дата обращения: 09.01.2017).

8. Шпак, Н.А. Управление устойчивым развитием промышленного предприятия на основе сбалансированной системы показателей и принципов бюджетирования / Н.А. Шпак, О.В. Артемова // Социум и власть. 2014. № 2 (46). С. 106–108.

References

1. Tatarkin A.I. (2014) *Ekonomikaregiona*, no. 1, pp. 9–33 [in Rus].
2. National rating of investment climate in subjects of the Russian Federation, available at: <http://www.investinregions.ru/rating> (accessed 15.01.2017) [in Rus].
3. Konkurentosposobnost' regiona: teorija, problemy, praktika: kollektivnajanauchnajamonografija (2017) ruk. i отв. red. V.A. Kretinin. Vladimir, Vladimirskij filial RANHiGS, 276 p. [in Rus].
4. Z. Ivanov O.P., Gordeev, S.S. Zyrjanov S.G. (2015) *Socium i vlast'*, no. (56), pp. 95–101 [in Rus].
5. Novikov A.I. (2016) *Uchenyeyazapiski. Nauchno-prakticheskijzhurnal*, no. 2 (18), pp. 122–126 [in Rus].
6. Novikov A.I. (2014) *Kadrykakfaktorrazvitiijatterritoriiicivilizovannogouronvja / Kljuचेvyeprobemyrazvitiijahozjajstvennojterritoriidepressivnogotipa (pomaterialamIvanovskojoblasti). Babaev B.D. i dr. Ivanovo, PresSto, pp. 126–167 [in Rus].*
7. Delovoj portal Rossijskogocentraproizvoditel'nosti v ramkahobshhestvennojinicijativy «Proizvoditel'nost' 2.0», available at: prodcenter@up-pro.ru (accessed 09.01.2017) [in Rus].
8. Shpak N.A. (2014) *Socium i vlast'*, no. 2 (46), pp. 106–108 [in Rus].

UDC 338.2

EVALUATING INNOVATIVE ACTIVITY OF A REGION (AS EXEMPLIFIED BY VLADIMIR REGION)

Novikov Aleksander Ivanovich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vladimir branch,
Leading researcher,
Doctor of Economics, Professor,
Vladimir, Russia.
E-mail: novikov-ivanovo50@yandex.ru

Kulagin Alexey Valeryevich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vladimir branch,
Post-graduate student,
Vladimir, Russia.
E-mail: al205@yandex.ru

Annotation

The authors give theoretical and methodological grounds for studying the problems of innovative development of the region; point out factors of innovative processes success; prove approaches to evaluating innovative activity; give qualitative characteristics of innovations in Vladimir region.

Key concepts:
region,
innovations,
evaluating.

УДК 631.162

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА В КАЧЕСТВЕ УСЛОВИЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Шаврина Юлия Олеговна,

Оренбургский государственный
аграрный университет,
доцент кафедры бухгалтерского
учета и аудита,
кандидат экономических наук,
г. Оренбург, Россия.

E-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Аннотация

В статье представлены методические подходы к выявлению финансовой несостоятельности сельскохозяйственных организаций. Дополнен стратегический анализ финансовой несостоятельности на основе данных бухгалтерской отчетности блоком анализа затрат на производство продукции. Обосновано влияние государственной поддержки на финансовое состояние сельскохозяйственных организаций мясного скотоводства. С этой целью сельскохозяйственные организации Адамовского района Оренбургской области сгруппированы в три группы по величине убыточности мяса говядины без учета государственных дотаций. Таким образом, анализ организаций внутри групп позволил обосновать достаточность субсидирования в процентном отношении к величине затрат на производство говядины с целью недопущения убыточности производства и финансовой несостоятельности организаций.

Ключевые понятия:

государственная поддержка,
финансовая несостоятельность,
критерии финансовой несостоятельности,
стратегический анализ,
финансовая отчетность.

Методологические подходы к анализу финансовой несостоятельности сельскохозяйственных организаций сводятся к двум основным методикам. Первая методика представляет собой систему идентификаторов в рамках проведения экспресс-анализа, сходных с показателями, представленными в законе о банкротстве. Экспресс-анализ выявляет финансовую ситуацию организации на текущий момент времени на основании бухгалтерской финансовой отчетности. По мнению Н.А. Львовой и Н.В. Покровской, к данной диагностике прибегают внешние пользователи отчетности с целью определения инвестиционной привлекательности или выявления возможности работы с организацией как с контрагентом, в качестве поставщика или покупателя [3].

Вторая методика представляет собой комплексный стратегический анализ, который позволяет выявить причины, условия и наметить пути преодоления финансовой несостоятельности организации. В этой связи дается оценка внешних условий функционирования организации, исследуются внутренние резервы ее развития, выполняется анализ финансовой отчетности. О.В. Ефимова, М.В. Мельник, А.Д. Шеремет и Р.С. Сайфулин считают, что такую диагностику используют внутренние пользователи с целью принятия своевременных управленческих решений [2; 8].

Сельскохозяйственные организации в современных условиях хозяйствования сталкиваются с рядом проблем, обусловленных экономическими явлениями и процессами внутри государства. Импортзамещение обязывает производить конкурентоспособную продукцию в количестве, необходимом для обеспечения продовольственной безопасности. Слабый приток инвестиций, закредитованность, убыточность и низкий уровень государственной поддержки влекут риски банкротства сельскохозяйственных организаций. В условиях ограниченности финансовых ресурсов государственная поддержка должна быть нацелена на развитие производства. В этой связи особое значение приобретает оценка эффективности применения государственной поддержки в финансово несостоятельных организациях с целью стабилизации производства. Данное направление стратегического анализа финансовой несостоятельности сельскохозяйственных организаций является актуальным. Также в современной экономической литературе недостаточно

разработаны методические подходы к проведению стратегического анализа финансовой несостоятельности сельскохозяйственных организаций с учетом особенностей производственного процесса и условий функционирования. В этой связи разработка системы идентификаторов, определяющих финансовую несостоятельность сельскохозяйственных нуждается в систематизации и дополнении.

Так, нами определены критерии, влияющие на финансовое состояние сельскохозяйственной организации. Данные критерии систематизированы в две группы: количественные и качественные. В таблице 1 представлена причинно-следственная связь между условиями функционирования

в производственный процесс указанных элементов в условиях ограниченности финансовых ресурсов влечет привлечение заемных средств, что снижает показатели платежеспособности. И.А. Быканова, Н.Н. Семенова, О.В. Сидоренко и И.В. Ильина полагают, что разработанные современные механизмы государственной поддержки ориентированы на эффективного товаропроизводителя, а не на среднестатистическое хозяйство, отягощенное финансовыми проблемами [1; 5; 6].

Н.Н. Семенова приводит следующее определение государственной поддержки – это совокупность различных рычагов и инструментов финансирования из государственного бюджета. Кроме бюд-

Таблица 1

Количественные и качественные критерии функционирования сельскохозяйственной организации и их влияние на финансовое состояние

	Причина	Следствие	Показатели финансового состояния	
Качественные критерии	Плодородие почвы	Урожайность	Финансовые результаты	Внешнее проявление финансовой устойчивости
	Наличие пастбищ	Рацион питания животных		
	Падеж животных вследствие отсутствия проведения вакцинации	Объемов производства продукции животноводства		
	Природно-климатические условия	Результативности производства		
Количественные критерии	Применение селекционных семян, племенного скота, питательных корморационов	Привлечение кредитов	Показатели платежеспособности	Внутри-организационное проявление финансовой устойчивости
	Приобретение сельскохозяйственной техники	Привлечение		
	Использование механизмов государственной поддержки	Субсидирование затрат на производство продукции		

организации и их влиянием на финансовое состояние.

В таблице 1 представлены качественные критерии функционирования сельскохозяйственных организаций, они не связаны непосредственно с финансово-хозяйственной деятельностью, но определяют ее результативность. Количественные критерии отражают современное высокотехнологичное сельскохозяйственное производство с целью получения качественной продукции. Внедрение

жетных и финансовых выплат государство может осуществлять различные организационно-экономические мероприятия с целью создания благоприятных условий для функционирования отечественных товаропроизводителей (реструктуризация долгов, налоговые льготы и другие) [5].

Все меры государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей классифицируют на три группы: прямые, косвенные и опосредованные (таблица 1).

Классификация форм государственной поддержки

№ п/п	Форма государственной поддержки	Содержание мероприятий в рамках указанной формы
1.	Прямая поддержка	Предоставление субсидий на сельскохозяйственное производство и материально-технические ресурсы; субсидирование краткосрочного и инвестиционного кредитования предприятий и организаций АПК; предоставление субсидий на компенсацию части затрат сельхозтоваропроизводителей на страхование урожая сельхозкультур; субсидии на затраты капитального характера и др.
2.	Косвенная поддержка	Осуществление закупок сельхозпродукции и продовольствия для государственных нужд, регулирование производственного рынка посредством проведения закупочных и товарных интервенций с зерном, защита экономических интересов товаропроизводителей при осуществлении внешнеэкономической деятельности в сфере АПК и др.
3.	Опосредованная поддержка	Реструктуризация задолженности сельскохозяйственных товаропроизводителей по платежам в бюджет всех уровней, государственные внебюджетные фонды, поставщикам энергетических и других материально-технических ресурсов; созданию специального налогового режима; поддержке аграрной науки; пополнению за счет бюджетных средств уставного капитала ОАО «Росагролизинг» и ОАО «Россельхозбанк».

И.А. Быканова обосновывает, что эффективность прямой бюджетной поддержки рассчитывается на основе сравнительного анализа используемых средств и достигнутого результата [1]. В соответствии с методикой, разработанной учеными ВНИИТУСХ целесообразным представляется сопоставление объемов использованных средств господдержки и результата, полученного от этих средств: прирост объемов производства продукции сельского хозяйства, снижение материально-денежных расходов в расчете на единицу полученной продукции и др. Данная методика позволяет оценивать эффективность совокупной прямой поддержки сельскохозяйственных организаций из федерального и регионального бюджетов на основе соотношений объема совокупной поддержки и ее финансового результата. Исходной информацией для проведения такого анализа служат данные годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности сельскохозяйственных организаций и в первую очередь формы №10-АПК-село «Отчет о средствах целевого финансирования», где приводится информация об объемах выделяемой поддержки по многочисленным направлениям.

Ограниченность бюджетных средств предполагает их эффективное использование.

Распределение средств федерального бюджета на поддержку сельского хозяйства Оренбургской области представлено в таблице 3.

Данные таблицы 3 показывают, что по всем направлениям произошло сокращение средств государственной поддержки из федерального бюджета. На поддержку животноводства приходится лишь десятая часть общего объема средств, которая в 2015 г., по сравнению с 2014 г., сократилась вдвое.

Минсельхоз России утвердил методику оценки эффективности использования бюджетных средств, предоставляемых сельхозтоваропроизводителям в виде субсидий. По результатам оценки эффективности использования бюджетных средств субъекта Российской Федерации будет определяться размер государственной поддержки из федерального бюджета. На основе обобщающего анализа Минсельхоз РФ определил перечень критериев по оценке эффективности использования федеральных и региональных средств, предоставляемых

Таблица 3

**Распределение средств федерального бюджета на поддержку
сельского хозяйства Оренбургской области**

Показатель	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2014 г., %
Направлено на:			
– поддержку животноводства	256,35	147,86	58
– поддержку растениеводства	1190,97	743,06	62
– субсидирование процентных ставок	1097,86	732,49	67
Всего	2689,7	1623,41	60

сельхозпроизводителям в виде субсидий. В числе приоритетных – прирост производства продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении в сопоставимых ценах на 1 рубль субсидий, увеличение производства продукции растениеводства и животноводства в натуральном выражении, а также урожайности и продуктивности по основным видам продукции. Критериями оценки также являются объем субсидий в расчете на 1 га сельхозугодий и уровень рентабельности реализованной сельхозпродукции.

Мы считаем, что активизация бизнеса в аграрном секторе – это положительный результат прямой государственной поддержки, осуществляемой в рамках целевых программ. Также наряду с этим, государственная поддержка сельского хозяйства выступает условием снижения рисков банкротства.

В исследовании нами систематизирована и дополнена система идентификаторов, определяющих финансовую несостоятельность сельскохозяйственной организации на основе данных бухгалтерской отчетности (таблица 4).

Прямая государственная поддержка связана с компенсацией части затрат на производство продукции. В рамках реализации Программы развития АПК на 2015–2020 гг. выделена подпрограмма «Развитие мясного скотоводства». Согласно данной программе мясное скотоводство оказалось сосредоточено на востоке Оренбургской области (таблица 5).

Наибольшее количество мясного и племенного скота наблюдается в Адамовском районе Оренбургской области.

В исследовании нами сгруппированы сельскохозяйственные организации Адамовского района Оренбургской области в

три группы с целью обоснования влияния государственной поддержки на финансовое состояние сельскохозяйственных организаций мясного скотоводства. Группировочным признаком выступила величина убыточности производства мяса говядины без учета государственных дотаций.

Группировка сельскохозяйственных организаций мясного скотоводства Адамовского района показала, что во всех хозяйствах без государственной поддержки наблюдается убыточность производства мяса. В организациях, которые воспользовались механизмом государственной поддержки, а именно субсидированием части затрат, наблюдается рентабельность производства мяса (таблица 6).

Хозяйства первой группы не получили государственные дотации в части компенсации затрат на производство мяса. Так, в колхозе «Комсомольский», который имеет усредненное значение убыточности производства мяса без учета государственной поддержки, были выявлены пять индикаторов финансовой несостоятельности на основании данных бухгалтерской отчетности. В СПК (колхоз) «Аниховский» убыточность производства мяса без учета государственной поддержки составляет 3,9%, а с учетом государственной поддержки рентабельность составила 4%. В данном хозяйстве зафиксированы три индикатора финансовой несостоятельности. Доля величины государственной поддержки в структуре затрат составила 20%.

В ПСК «Майский» убыточность производства мяса без учета государственной поддержки составляет 2,1%, а с учетом государственной поддержки – 6,8%. В данном хозяйстве определены два идентификатора финансовой несостоятельности. В третьей группе хозяйств доля госу-

Система идентификаторов, определяющая финансовую несостоятельность по данным бухгалтерской отчетности

Идентификатор	Влияние идентификатора на финансовую несостоятельность	Исходные данные	Управленческое решение, направленное на стабилизацию финансового состояния
1. Уменьшение валюты баланса	Сужение производства	Бухгалтерский баланс	Привлечение инвестиций
2. Уменьшение стоимости основных средств	Отсутствие инвестиций на воспроизводство основного капитала	Актив баланса	Проведение мероприятий по воспроизводству основных фондов
3. Увеличение стоимости запасов и затрат в разрезе элементов	Увеличение сырья и материалов свидетельствует о нерациональной работе снабжения. Увеличение готовой продукции – признак отсутствия проработанных каналов реализации	Актив баланса	Разработка механизма бюджетирования затрат и проработка каналов реализации продукции
4. Увеличение дебиторской задолженности и сокращение величины денежных средств	Отсутствие проработанной расчетной дисциплины с покупателями	Актив баланса	Применение авансовой формы расчетов с покупателями
5. Отрицательное значение третьего раздела баланса «Капитал и резервы»	В организации имеется большая величина непокрытого убытка, которая свидетельствует о высокой себестоимости продукции и убытках	Пассив баланса	Поиск резервов снижения затрат на производство
6. Увеличение краткосрочных обязательств	Недостаток свободных денежных средств, закрепитованность	Пассив баланса	Оптимизация денежных потоков с целью увеличения наиболее ликвидных активов
7. Увеличение величины затрат на производство продукции	Свидетельствует о недостаточной системе управления эффективностью деятельности	Отчет о производстве, затратах, себестоимости и реализации продукции	Использование механизмов государственной поддержки

Таблица 5

Развитие мясного скотоводства в сельскохозяйственных организациях восточной зоны Оренбургской области

Наименование района	Количество хозяйств	Количество мясного скота, тысяч голов	Количество коров, тысяч голов	Количество племенного скота, тысяч голов
Адамовский	13	11958	4430	423
Кваркенский	7	5914	2685	231
Новоорский	6	3698	1237	87
Светлинский	8	3768	2368	114
Ясненский	8	3592	1380	134
Итого	42	28930	12100	989

Таблица 6

Группировка сельскохозяйственных организаций мясного скотоводства Адамовского района в зависимости от убыточности производства мяса говядины без учета государственных дотаций

Показатель	1 группа хозяйств	2 группа хозяйств	3 группа хозяйств
Интервал значения группировочного признака	[-9;-6)	[-6;-3)	[-3;0)
Количество хозяйств в группе	6	4	4
Рентабельность (+), убыточность (-) производства мяса с учетом государственной поддержки, % (в среднем на одно хозяйство)	-6,5	4,0	6,8
Убыточность (-) производства мяса без учета государственной поддержки, % (в среднем на одно хозяйство)	-6,5	-3,9	-2,1
Организация, отражающая усредненное значение рентабельности производства мяса с учетом государственной поддержки	колхоз «Комсомольский»	СПК (колхоз) «Аниховский»	ПСК «Майский»
Порядковый номер идентификатора, определяющий финансовую несостоятельность по данным таблицы 3	1,4,5,6,7	4,6,7	3,6

дарственной поддержки в структуре затрат составила 30%.

Таким образом, наличие государственной поддержки в части компенсации затрат на производство мяса позволяет избежать убыточности деятельности и снизить риск финансовой несостоятельности сельскохозяйственной организации.

1. Быканова, И. А. Статические методы оценки эффективности использования субсидий [Текст] / И.А. Быканова // Молодой ученый. 2014. № 21. С. 285–288.

2. Ефимова, О.В., Мельник, М.В. Анализ финансовой отчетности [Текст] / О.В. Ефимова, М.В. Мельник. М.: Омега-Л, 2013. 354 с.

3. Львова, Н.А., Покровская, Н.В. Финансовый анализ неплатежеспособных предприятий: роль

бухгалтерской и налоговой отчетности [Текст] / Н.А. Львова, Н.В. Покровская // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 14. С. 45–54.

4. Рябцева, К.А. Государственная поддержка сельского хозяйства Орловской области [Текст] / К.А. Рябцева // Молодой ученый. 2015. №24. С. 344–347.

5. Семенова, Н.Н. Оценка эффективности государственной поддержки аграрного сектора экономики [Текст] / Н.Н. Семенова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 9. С. 45–52.

6. Сидоренко, О.В. Реализация механизма государственной поддержки аграрного сектора по новым правилам [Текст] / О.В. Сидоренко, И.В. Ильина // Аграрная Россия. 2016. № 5. С. 32–37.

7. Шевченко, Т. В. Государственная поддержка устойчивого развития сельскохозяйственного производства как основа продовольственной безопасности страны [Текст] / Т.В. Шевченко // Молодой ученый. 2016. № 5. С. 223–227.

8. Шеремет, А.Д., Сайфулин, Р.С. Методика финансового анализа [Текст] / А.Д. Шеремет, Р.С. Сайфулин. М.: ИНФРА-М, 2012. 386 с.

References

1. Bykanova I. A. (2014) *Molodoj uchenyj*, no. 21, pp. 285–288 [in Rus].

2. Efimova O.V., Mel'nik M.V. (2013) *Analiz finansovoj otchetnosti*. Moscow, Omega-L, 354 p. [in Rus].

3. L'vova N.A., Pokrovskaja N.V. (2015) *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet*, no. 14, pp. 45–54 [in Rus].

4. Rjabceva K.A. (2015) *Molodoj uchenyj*, no. 24, pp. 344–347 [in Rus].

5. Semenova N.N. (2015) *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, no. 9, pp. 45–52 [in Rus].

6. Sidorenko O.V., Il'ina I.V. (2016) *Agrarnaja Rossija*, no. 5, pp. 32–37 [in Rus].

7. Shevchenko T. V. (2016) *Molodoj uchenyj*, no. 5, pp. 223–227 [in Rus].

8. Sheremet A.D., Sajfulin R.S. (2012) *Metodika finansovogo analiza*. Moscow, INFRA-M, 386 p. [in Rus].

UDC 631.162

STATE SUPPORT AS A MEANS OF PREVENTING FINANCIAL INSOLVENCY OF AGRICULTURAL ORGANIZATIONS

Shavrina Yuliya Olegovna,

Orenburg State Agrarian University,
Associate Professor of the Department Chair
of Accounting and Auditing,
Cand. Sc. (Economics),
Orenburg, Russia.

E-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Annotation

The article presents methodological approaches to finding out financial insolvency of agricultural organizations. The author complements strategic analysis of financial insolvency on the basis of reported financials while analyzing production expenditures. The influence of state policy on financial status of agricultural organizations of beef farming is justified. For this reason agricultural organizations of Adamovsky district in Orenburg region are grouped into three groups according to the beef loss ratio discounting state allowances. So, analysis of the groups helped to prove sufficiency of subsidy assistance on a percentage of production expenditures in order to prevent loss of production and financial insolvency of an organization.

Key concepts:

state policy,
financial insolvency,
criteria of financial insolvency,
strategic analysis,
financial reports.

УДК 130.02

ПЕРСПЕКТИВА НЕОМОДЕРНА. ФИЛОСОФИЯ НОВОЙ ЭПОХИ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация

Исходя из постулата чрезмерной сложности мира, рассматриваются способы его упрощения и упорядочивания: философия, наука и искусственный интеллект. Делается вывод об историческом выборе человечества между концом и переходом к неомодерну. Отмечаются некоторые вероятные принципы общественной организации в эпоху неомодерна.

Ключевые понятия:

сложность мира,
упрощение,
философия,
наука,
искусственный интеллект,
эффективный менеджмент,
неомодерн.

Нравится нам это или нет, но мы действительно вступаем в новую эпоху. Теперь настораживает уже не конец Советской цивилизации и переход к постсоветской, а фактически конец Модерна вместе с постмодерном и переход к цивилизации неизвестного грядущего. В межвременье соскальзывает весь западный мир. Можно ли что-нибудь предвидеть относительно будущего и определить наиболее оптимальный тренд развития, учитывая, что за спиной у человечества уже есть опыт по меньшей в десятки тысяч лет, а это – немалая прогнозная база?

1. Сложность мира

Новая эпоха стала следствием чрезмерной сложности мира. Время от времени наступают такие времена, когда чрезмерная сложность мира бросается в глаза. Чаще всего эти наблюдения связаны с ограниченностью каждого человека: с узкой специализацией, ограниченным числом людей, занятых в познании и практике, с неуклонным ростом числа ситуаций, в которые попадают наши современники. Им противостоит в сущности безграничный мир, безграничный и в пространстве, и во времени, и вглубь, и по числу своих свойств. Как бы велико ни было население Земли, людей все равно не хватит для полноты миропознания, а узкая специализация каждого означает, что он знает только кое-что о не многом, ничего не зная обо всем.

В целом такое положение вещей вполне удовлетворительно, когда и мир, и человечество стабильны, если понимать под стабильностью неизменность базовых норм цивилизации, на которые опирается культура. Но в периоды, подобные нынешнему, в эпоху совпадения геоклиматических изменений и межцивилизационной геополитической трансформации¹, в эпоху скачкообразного роста численности населения и связанного с этим роста антропогенной нагрузки на планету, в эпоху утраты гендерной идентичности и т.п. кризисных явлений, касающихся всего человечества, сложность мира и неуверенность нашего положения в нем бросается в глаза. Эта сложность становится основой того, что принято называть «вызовами», которые катастрофически нарастают и умножаются. Мир в этом случае выглядит как древнегреческий хаос, зияние, лишенность всякой формы, неопределенность, где возможен любой порядок, но в действительности нет никакого, и поэтому возможно всё, а обусловлен хаос сущностным невежеством людей.

¹См. мою статью: «Межцивилизационная эпоха. Поколение выбора» // Социум и власть. 2016. № 3. С. 17–24.

Если возможно все, то что тогда является действительным? Борьба с такой сложностью, значит – навести порядок, выбрав из возможностей наиболее для себя предпочтительную. То есть, навести порядок в своем восприятии мира, поставив его на основу небольшого числа принципов, и упорно им следовать, наперекор всему. «Я – за Мао», «Я – за Линь-Бяо», «Я – сторонник русского мира», «Я – интернационалист», «Я – категорический противник нынешнего стиля в реформе образования», «Я – ее сторонник», «Я – категорически не хочу быть эффективным менеджером и считаю эту профессию психиатрическим диагнозом», «Я – стремлюсь быть эффективным менеджером», «Я – не беру взяток», «Я – коррупционер», «Я – просто честный человек» и т.д. Выбирая принципы, а также непреклонно следуя им, человек становится обязательным и предсказуемым, от него известно, чего ожидать, и только в этом случае он реально существует и несет ответственность за свой выбор и свои поступки. И его жизненный мир перегруппировывается вокруг принципов, реорганизуется и становится устойчивым и предсказуемым.

Затем надо начать практически действовать в соответствии с этим восприятием, и тогда «Я» становится субъектом своих поступков и жизни, и вслед за его жизненным миром, в зависимости от силы его субъективности, начинает, пусть в малой степени, перестраиваться и большой мир культуры. Тогда в хаосе обнаруживаются формы, а между ними устанавливаются устойчивые корреляции, это и означает порядок. А того, кто не может стать принципиальным, хаос поглощает, для них наступает буддистская нирвана, такой же хаос и небытие в голове, какой царит и снаружи, «блаженное небытие», хотя вопрос о блаженстве здесь сомнителен.

Это правило, вероятно, не действует для Космоса, но вполне реализуемо для культуры, а мы, прежде всего, в ней и живем как разумные и сознательные существа.

2. Прошлые виды порядков

Такая идея появилась очень давно, когда люди впервые увидели мир, как целое, чья сложность превышает их познавательные возможности, и поняли, что нужно упрощение. Первое упрощение произошло еще до античности и связано с рождением мифологии.

В сущности, *мифология* представляет выбор между одним из двух: либо реаль-

но существующие «силы стихии» управляют жизнью людей и реальный объективный порядок направляет их, либо люди, подчиняя свою жизнь некогда сложившейся традиции упрямо видят эти «силы» там, где их нет, и воспроизводят свою традицию, вызывая их к жизни.

Мифология в условиях малочисленности и разбросанности человечества прекрасно справлялась со своей задачей упрощения. Но численно умножившись, люди пришли к необходимости вступать в контакты друг с другом и этим спровоцировали «войны» между «своими» и «чужими» богами, обернувшиеся войнами между людьми «за наш порядок». Началась эпоха политеизма, а в мире «стихий» обнаружился тот же хаос, что и везде. Думается, это был первый кризис порядка, в котором одна часть человечества продолжила упорные поиски новой упорядоченности и новой принципиальной базы, а другая ушла в «блаженную нирвану».

Другая часть не перестала существовать, ибо «любовь и война правят миром» (Гераклит), а люди любят процесс любви. Но развитие в ней остановилось, и каждое новое поколение сдувалось с поверхности земли общим хаосом, как пыль ветром. У них не появилось истории, ее место заняло простое экстенсивное расширение, обусловленное демографией, при принципиально том же уровне развития, какой им достался в наследство. Они, конечно, оставались людьми, какая-то наблюдательность, воспитанная войной, у них была, они делали свои изобретения спонтанным и опытным путем, однако это были простые наблюдения и изобретения, обусловленные бытовыми проблемами и опирающиеся на непосредственное восприятие вещей. Они не приводили к рождению коллективных теоретических обобщений и к порядку на этой теоретической основе.

Среди многих свойств теории имеется и такое, какое делает ее концентратом опыта, пригодным для трансляции по каналам коммуникаций². Сложность хаоса с его бесчисленными возможностями влечет за собою и сложность опыта. Сложность опыта препятствует обмену простыми знаниями из-за неизбежной субъективной множественности их интерпретаций. Порядок остается личным делом первых изобретателей, не превращающимся в коллективное дело. Коллективный же порядок становится занятием первых элит, подчиненных вождю, и наводится принудительно. Отсюда много-

² См. мою работу «Методологические проблемы современного гуманитарного познания». М.: «Флинта», 2013.

численные войны и восстания в таких регионах, и пульсирующий характер истории: быстрая смена прогресса и регресса, своя в каждом их локусе. А общий фон – отсутствие развития и истории как процесса.

Они существуют как большие и малые озера, или даже мелкие моря, параллельно с мировым океаном.

Та же часть человечества, которая создала этот океан, перешла к *порядку на основе теории*, позволяющей транслировать опыт от одного субъекта другому и добиваться единства интерпретации. Вместе с этим возник и алгоритм познания, интерпретации и коммуникации.

Это произошло в античности, и первым алгоритмом, отличающимся от мифологической спонтанности, стала греческая *философская теория*, особенно, когда она синтезировалась в средние века с иудаизмом и превратилась в рациональное христианство. Я говорю не о христианском чувстве, вере, надежде, я говорю о теологии, вероучении, полторы тысячи лет объясняющем западному человечеству, каким принципам следует подчинять свою жизнь, каков должен быть коллективный порядок, и вбивавшем эти принципы в головы западных горожан и крестьян – будущих европейцев, поначалу в сущности таких же, как китайцы, индийцы и африканцы, также погрязшие в своих стихиях, каждый в своей. Но у них уже существовало важнейшее отличие – интуитивная идея коллективного и гуманистического порядка, заложенная христианством и идея того, что основы правильного порядка невооруженным глазом не видны, их постижение требует другого стиля мышления и другой логики, зарождающейся в греческой философии.

Эта идея сначала через коллективные соборы, потом через университеты и их продолжающиеся философские поиски привела в XVII веке к рождению второго *типа упрощения*, уже не философской, а научной теории, черпающей свои знания и осуществляющей рациональные интерпретации из эмпирии. Эмпирия фактически заключала в себе концентрат многовековой принципиальной базы, предписывающей и познание, и изобретения под строго определенным углом, позволяющим наблюдать вполне определенные вещи и не замечать другие. Человечество с ее помощью определяло свое место и свое видение среди всех существ мира.

В самом деле, как бы выглядел для нас эмпирический мир, будь мы не людьми, а разумными собаками, микробами или слонами? Вряд ли так же, у собак очень плохое зрение, небо для них представляется низким потолком, на котором прикручены большие

плошки звезд. Но у них слух и зрение на много превышающие человеческие, они у собак стоят на первом месте в органах восприятия, а не глаза, как у людей. И живут собаки в первую очередь в мире звуков и запахов, мало обращая внимания на зрительные образы, создай они науку, у них раньше всех появилась бы не классическая механика, а акустика и одорология, ими бы определялся их способ и стиль научного познания и дальнейший общественный прогресс.

В Новое время коллективный порядок задавался научной теорией и ее просветительским распространением. Отсюда разногласия между философией и наукой – это *идеологическое* разногласие, не нуждающееся в доказательствах и аргументах, что одно – плохо, а другое – хорошо, одно нужно, а другое – нет. Философия была встроена в вертикаль антично-средневековой аристократии, отсюда ее высокомерное отношение к потребительству, утилитаризму и меркантильности, наука же опиралась на торгово-промышленные круги и выражала их взгляды, она создана и предназначена именно для расчета, обоснования, а главным образом, для разработки способов практических изобретений в области видимого мира. Противостояние науки и философии в эпоху Модерна, это борьба двух идеологий, одна из которых связана с мировосприятием буржуазии, а другая – аристократии и бюрократии. Они совпадают только в одном: *обе представляют собою упрощенные картины мира, полученные путем коллективных теоретических обобщений*. Только философия обобщает субъективный опыт и волю, она в истоках интуитивна, а наука – обобщает объективные знания, являющиеся по сути тем же субъективным опытом на основе природы, представляемой людьми в рациональных картинах.

Со второй половины XX века классические торгово-промышленные круги отходят на второй план, а на первый план выходит сфера развлечений, финансовый капитал, мало связанный с производством и политический капитал, если под ним понимать не репутацию или доверие к политику, а его власть, дающую ему возможность обогащения, попросту, коррупцию. Зарождается и расцветает общество потребления, в котором мы сейчас живем.

3. Искусственный интеллект общества потребления

Зародилось общество потребления на Западе, но расцвет его приходится, думаю, в первую очередь, на Россию, в которой по известным причинам прошлого деньги

и вещи обеспечивают социальный статус несравненно больше, чем моральные и интеллектуальные ценности. В отличие от аристократов и бизнесменов потребителями являются все. Общество потребления – это квазиобщество, цементируемое только многочисленными манипуляциями массовым сознанием и силой. В нем расцветают характерные для второго этапа межцивилизационной эпохи симулякры: квазидемократия (гибрид охлократии с диктатурой), квазичеловеческие права (система электорального принуждения), квазинаука (покупка и продажа диссертаций, путаница и мошенничество в науке – красная ртуть, биоэнергетика и т.д.), квазиобразование (тесты, нынешнее ЕГЭ, игровые методы преподавания, дистанционное образование, онлайн и МООК-лекции, в целом выпячивание функции социализации, т.е., чтобы по улицам не болтались в ущерб научению и исследованию и т.д.). В квазиобществе из-за его фактической раздробленности на отдельных эгоцентричных индивидов весьма облегчены манипуляции и мошенничество. Оно на самом деле представляет собою социальный хаос, формально организованную толпу, и создает свой запрос на порядок, но уже не элитарный, как аристократия в средневековье, бюрократия при самодержавии или демократия, характерная для торгово-промышленных кругов, предназначенная только для субъектов, тех, кто умеет делать ценности и твердо стоит на ногах, а тотальный, для всех без исключения: и для творцов, и для бездельников.

В обществе потребления рождается идея искусственного интеллекта. *В первую очередь, это не машинный интеллект, а человеческий, и только потом – машинный, это выражение стандартности человеческого мышления.* Можно утверждать, что «борьба с Терминатором» уже началась как борьба с «Матрицей», с угрозой человеческой стандартизации и неотрывного от нее тоталитаризма. В условиях уплотняющихся коммуникаций на ограниченной площадке земного шара, в условиях интенсификации потоков информации человеческое мышление становится все более стандартным, и вследствие этого, рациональным. Точнее, упрощенно-рациональным, на базе стандартов человеческого сознания, соответствующих стандартам человеческой жизни, а не осознанием и противопоставлением себя внешней среде [3].

Условно говоря, «баз данных» для человеческого мышления становится слишком много, их число значительно превышает познающие способности каждого конкрет-

ного мышления. Экономика вынуждает учитывать возрастающее количество экономических ситуаций, правил и приемов, право заставляет читать все слова, написанные самым мелким шрифтом, в контрактах, а контракты – и трудовые, и медицинские, и потребительские, и банковские, и многие другие вынуждают нас тратить слишком много времени на их изучение. Политика скрывает от нас свои тайны, формируя и предлагая нам выгодный для себя образ мира, и каждая база напичкана огромным числом информации, в том числе и ложной. Число баз растет, в одной только юриспруденции создаются крайне насыщенные для рядового гражданина базы уголовного права, трудового права, жилищного права, банковского права и т.д.

Упрощение складывающегося положения дел становится насущной задачей, но с этим уже не в состоянии справиться ни философия сама по себе, ни наука. В отличие от потребления, в них заняты не все, а только интеллектуальные и деловые элиты. И появляется потребность в искусственном интеллекте, который будет это делать за людей. *Искусственный интеллект как раз и представляет собою алгоритм поиска корреляций между данными в принципиально разных базах, он формируется в «нейросетях», какими условно можно считать человечество, представляя каждого человека отдельным нейроном, и он утверждает порядок путем практического упрощения каждого человека.* Внутри одной базы корреляцию может установить и специалист, но между различными базами он это делать не может, он каждую постороннюю информацию будет интерпретировать под углом зрения своей, специалистом в которой он является. И возникает феномен «эффективного менеджера», человека, вставшего над базами данных, над человеческой массой, то есть, ничего не знающего, не умеющего, но очень желающего управлять, пусть и с благими намерениями, дорога которыми известно куда вымощена. Взамен упрощения он обещает людям бессмертие в виртуальных сетях или путем превращения в киборгов с заменяемыми частями, уверенность в будущем, стабильность и спокойствие, считая это счастьем.

Искусственный интеллект – это не разум. Разум свободен и креативен, он оперирует метафорами и является способом интуитивного, осознанного и творческого решения проблем. А искусственный интеллект – способ упрощения мира не через свободу, творчество, через создание новых картин мира, а через эффективных менеджеров, ставших зримой фигурой человеческой стандартнос-

ти, фигурой мнимой или действительной, но равно зримой. Стремление к искусственному интеллекту – это зависимость от эффективного менеджмента и расчета через рассчитанную корреляцию данных, через коэффициенты Пирсона, Кэндола, Хирша и др., а не через метафору и аналогию. Оно подобно компьютерной или интернет-зависимости, и кто владеет ключевыми позициями в искусственном интеллекте, тот и определяет для людей нужную им упрощенную картину мира, тот и владеет этим миром. Политика – значит, политика, бизнес – значит, бизнес, системные администраторы – значит, системные администраторы, одни помещают между людьми политические конструкции, принудительно вынуждая везде видеть врагов или конкурентов, а другие с тою же эффективностью опосредуют межличностное общение конструкциями экономических взглядов, манипулируют ими средствами купли и продажи, и вынуждают становится не людьми, а абстрактными потребителями, вытесняя полезный продукт красивыми и недолговечными поделками.

Начинается третья идеологическая борьба: не между мифологией и философией, или философией и наукой, а между их теориями и эффективным менеджментом с его тотальным искусственным интеллектом. Он призывает выбросить на свалку любую теорию и начать с чистого листа, выбрасывая вместе с водой и ребенка – возможность транслировать опыт от одного субъекта другому и добиваться *противоречивого единства, а не полного тождества* интерпретации, а значит, ликвидируя и философское, и научное познание. Но так как человек живет все-таки в мире хаоса и культуры, то искусственный интеллект призывает к созданию новой, рациональной и механистической, а не спонтанно сложившейся, творческой мифологии.

Человеку как потребителю не так уж и много надо. Искусственный интеллект и эффективный менеджмент упрощают мир прямо в головах людей, и только потом человеческий упрощенный интеллект может изобрести интеллект машинный. Однако, когда и если изобретет, то столкнется с тем обстоятельством, что это будет такой же ограниченный и невежественный интеллект, как и у людей. Он попросту будет быстрее считать и меньше чувствовать, и этим откроет дорогу к рациональной и замкнутой на себя картине мира. И в силу этого, человек с интуицией и чувствами не будет его врагом, для искусственного интеллекта вообще невозможно чувство вражды, но станет ему помехой. Искусственный интеллект подоб-

но третьей модели профессора Выбегаллы в замечательной повести братьев Стругацких дотянется до всех материальных ценностей, до каких сможет дотянуться, закуклится в пространстве и времени и будет почивать на лаврах, для общества потребления это будет идеальный потребитель.

4. Конец прагматизма

Новая эпоха – это крах прагматизма и творческого разума, вытеснение их упрощенным механистическим рационализмом уже сейчас число новых фундаментальных открытий и изобретений быстро сокращается. Это будет конец либерализма и креативизма, морализма и волонтаризма, то есть конец субъективности. Об этом повествует становящийся понемногу популярным жанр литРПГ, о новой борьбе каждого с каждым, но – рациональной борьбе, где царствует рассчитанные и публично заявленные правила жизни в виртуальных пространствах онлайн-игр, игнорирующие индивидуальные особенности мышления игроков. Предчувствуя эту эпоху, К. Саймак еще в начале 50-х гг. XX в. написал замечательный роман «Город», Р. Брэдбери в это же самое время издал «451 градус по Фаренгейту», а Р. Шекли – «Билет на планету Транай».

Искусственный интеллект ставит человечество перед выбором между злыми и морлоками Г. Уэллса, перед вымиранием и все-таки переживанием эпохи искусственного интеллекта и эффективным менеджмента и продолжением существования: новой философией и новой наукой для одних – в *неомодерне*, а для других, в крайнем случае, в новом средневековье.

Однако неомодерн вынужден будет учесть опыт эпохи искусственного интеллекта, чтобы не допустить повторения подобного, ему придется исключить тотальное государство. А это значит, вместо коллективных церквей – личное христианство, вроде протестантизма, но без сект, это значит безусловное право человеческой субъективности на свободу и творчество, на созидание и выбор. Это означает возврат к элитарной демократии в области политической организации, но с ограничениями гражданских прав не по полу, возрасту или национальности, а по созидательной способности. Хочешь быть гражданином – докажи, что ты умеешь создавать науку, философию, художественные или материальные ценности, изобретать. Это означает горизонтальные связи между местными демократически организованными коммунами, на манер Швейцарии и строительство

государства снизу – вверх. В этом случае сохраняется региональное деление человечества с разнообразием культур и языков. Одним из необходимейших условий для этого является выход за пределы земного шара и освоение однотипных с Землей планет, находящихся в однотипном земному космическом окружении.

А что до искусственного интеллекта, то он, наконец, займет свое законное место средства, а не цели общественной жизни.

1. Жданов, А.А. Автономный искусственный интеллект [Текст] / А.А. Жданов. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. 359 с.

2. Корсаков, С.Н. Начертание нового способа исследования при помощи машин, сравнивающих идеи [Текст] / С.Н. Корсаков. М.: МИФИ, 2009. 44 с.

3. Михайлов, И.С. Рациональность в цивилизационной динамике [Текст] / И.С. Михайлов // Социум и власть. 2014. № 2. С. 109–114.

4. Назаретян, А.П. Беспределен ли человек? (Еще раз о гуманизме и его паллиативах) [Текст] / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 176–183.

5. Назаретян, А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии [Текст] / А.П. Назаретян. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.

6. Осипов, Г. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее [Электронный ресурс] / Г. Осипов. URL: <http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html> (дата обращения: 29.12.2016).

7. Петрунин, Ю.Ю. Модели и методы искусственного интеллекта в управлении знаниями [Текст] / Ю.Ю. Петрунин, Е.Ю. Петрунина // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. № 24 (сентябрь). С. 5.

8. Петрунин, Ю.Ю. Философия искусственно-го интеллекта в концепциях нейронаук [Текст] / Ю.Ю. Петрунин, М.А. Рязанов, А.В. Савельев. М.: МАКС Пресс, 2010. 78 с.

References

1. Zhdanov A.A. (2009) Avtonomnyj iskusstvennyj intellekt. Moscow, BINOM. Laboratorija znaniy, 359 p. [in Rus].

2. Korsakov S.N. (2009) Nachertanie novogo spsobisa issledovanija pri pomoshhi mashin, sravnivajushih idei. Moscow, MIFI, 44 p. [in Rus].

3. Mihajlov I.S. (2014) *Socium i vlast'*, no. 2, pp. 109–114 [in Rus].

4. Nazaretjan A.P. (1992) *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp.176–183 [in Rus].

5. Nazaretjan A.P. (2007) Antropologija nasilija i kul'tura samoorganizacii. Oчерки po jevoljucionno-istoricheskoj psihologii. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 256 p. [in Rus].

6. Osipov G. Iskusstvennyj intellekt: sostojanie issledovanij i vzgljad v budushhee, available at: <http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html> (accessed 29.12.2016) [in Rus].

7. Petrunin Ju.Ju., Petrunina E.Ju. (2010) *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik*, no. 24, sentjabr', p. 5 [in Rus].

8. Petrunin Ju.Ju., Rjazanov M.A., Savel'ev A.V. (2010) *Filosofija iskusstvennogo intellekta v koncepcijah neyronauk*. Moscow, MAKS Press, 78 p. [in Rus].

UDC 130.02

PROSPECTS OF NEOMODERNISM. PHILOSOPHY OF NEW EPOCH

Pavlov Aleksander Valentinovich,

Tyumen State University,
Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.

E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation

On the assumption of the postulate the world's extreme complexity, the author considers ways of its simplification and regulation: philosophy, science and artificial intelligence. The author makes a conclusion about historical choice of the mankind between the end and transition to the neomodernism. Some possible principles of civil society organization in the epoch of neomodernism are pointed out.

Key concepts:

world complicated character,
simplification,
philosophy,
science,
artificial intelligence,
effective management,
neomodernism.

УДК 130.2

СУБЪЕКТ И РЕАЛЬНОЕ (ПОПЫТКА СПАСТИ КАРТЕЗИАНСКОГО СУБЪЕКТА ОТ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО)

Мальцев Ярослав Владимирович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии,
соискатель степени канд. филос. наук,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com.

Аннотация

Статья рассматривает положение субъекта в поле лакановской триады Реального-Воображаемого-Символического. Предпринимается попытка вывести субъекта из-под влияния регистра Реального, вернув ему его картезианские начала и власть над собой (перефразируя З. Фрейда: сделав Я хозяином в собственном доме).

Также статья призвана внести некоторое разнообразие во весь тот ореол таинственности, который окружает лакановское Реальное, и немного «приспустить» Ж. Лакана с небес на землю.

Ключевые понятия:

современность,
перманентная современность,
субъект,
Реальное,
лакановская триада,
cogito.

Сам по себе человек ничто. Он всего лишь бесконечная возможность. Но он несет бесконечную ответственность за эту возможность.

А. Камю. Записные книжки

1.

Как известно, в теории структурного психоанализа Ж. Лакана субъект (им у Лакана является человек говорящий, через говорение обретающий бессознательное) оказывается в поле действия трех регистров: Реального, Воображаемого и Символического. Эти регистры отвечают за формирование из человека субъекта (поскольку именно при их посредстве человек формируется и под их воздействием живет в дальнейшем), за организацию человеческого существования. При этом работают указанные регистры одновременно и на личностном, и на социальном уровнях: так Реальное может скрываться в самом человеке (например, его скрытое *jouissance* от убийства, которое он открывает в себе вдруг), а может присутствовать в социуме (достаточно банальный марксистский пример: имущественный раскол и классовая борьба, «прикрытые» антисемитизмом).

Теория трех регистров Лакана продолжает и развивает фрейдовскую трехчастную теорию личности, в которой последняя «поделена» между Оно, Я и Сверх-Я, являющимися собой бессознательное (*предсознательное* — мысли, которые мы вытеснили, но о которых мы знаем, что мы их вытеснили, и *бессознательное* — мысли и процессы, про которые мы даже не догадываемся, что они у нас есть), сознательное (Я) и некоторые социальные нормы, которые мы обязаны соблюдать, вступающая в общество и которые усваиваются нами в форме совести (Сверх-Я). Взаимодействие этих трех «царств» (З. Фрейд) личности, как описывает сам Фрейд, подобно не четко разграниченной политической карте, а полотнам импрессионистов, где цвета мягко перетекают друг в друга и часто образуют мозаику, при этом особенностью оказывается тот факт, что в бессознательное в значительной степени оказываются погруженными и Я и Сверх-Я [10, с. 496–517].

Лакан продолжает эти рассуждения Фрейда (позиционируя себя как аналитика, который только тем и занят, что пониманием Отца психоанализа) и развивает его концепцию, переформатируя Оно, Я, Сверх-Я в более сложные концепции Реального, Воображаемого, Символического. Подобное усложнение было вызвано попытками Лакана ответить на вопросы о том, как изначально устроен мир, в кото-

рый погружен субъект, как устроены его базовые структуры и каким образом они субъекта формируют.

Если говорить коротко, то Воображаемое, в теории Лакана, — это сфера созидания и обозначения. Именно здесь субъект обозначает означаемые теми или иными означающими, здесь он формирует свой Я-идеал, здесь вырабатываются модели культуры и проч. Как отметит сам Лакан: «Субъект представляет собой свое собственное создание в сфере воображаемого» [5, с. 20].

Символическое равно социальному порядку. Это анонимные базовые правила, которые организуют общение людей друг с другом на одной площадке (полифокальность которой А.В. Павлов удачно изобразил в метафоре автобуса [8, с. 6–7]), позволяя более-менее безопасно сосуществовать с Другим, который одновременно является и Чужим — существом, досаждающим, опасным, раздражающими своим *jouissance*. Символическое — это цепочка структурных элементов, мельчайшие коды (как сказал бы К. Леви-Стросс), которые зачастую управляют человеком на уровне его идентификаций (я — судья) или желаний (как патриот я должен желать того-то и того-то).

Лучшим же обозначением Реального будет тот неприличный звук, который вырывается неожиданно из идеально одетого и успешного (Я-идеал, Воображаемое) топ-менеджера известной компании (Символическое) на собрании акционеров, своим вторжением напоминая о телесности всех присутствующих.

О Реальном и субъекте хотелось бы поговорить чуть подробнее. Отношение субъекта к Реальному, а именно: вне положенности субъекта относительно Реального и сущность самого Реального как ноумена и как феномена составят проблематику данной статьи, целью которой является деконструкция представлений о Ж. Лакане, как о философе/аналитике, отрицающем право субъекта на целостность, навсегда его (субъекта) перечеркивающим.

2.

В данной статье *под субъектом будет подразумеваться человек, отрефлексировавший свои начала и осуществивший свой экзистенциальный выбор*. Иными словами, в данной статье под субъектом понимается не всякий, но тот, кто взял контроль над собой на себя, пройдя трудный и целенаправленный путь самопознания, ответивший себе на основные вопросы: кто он есть, куда идет и какие силы (бессознательного или микровласти) на него влияют. Вполне вероятно, что субъект есть тот,

кто участвует в создании новой культуры (как это делал Павел, чье превращение в субъекта ознаменовалось разрывом с Савлом) и точно, что он озабочен чем-то большим, чем гедонизм и потребительство.

Т.е. субъектом оказывается *cogito*, а не *desidero* (желание).

Раскол между *cogito* и *desidero* оказывается принципиально важным, если мы говорим о субъекте, как о самостоятельном акторе, а не как об игрушке бессознательного. Дело в том, что благодаря Фрейдю и его психоаналитическому детищу, благодаря его последователям было провозглашено, что человек не дан самому себе, не господин в собственном доме и о себе имеет крайне малое представление. Т.е. в некотором смысле в XX веке люди вернулись во времена античности, когда человек также оказывался игрушкой некоторых могущественных сил. Разница оказалась лишь в расположении этих сил: трансцендентное уступило место имманентному.

Desidero, с точки зрения Лакана и его последователей, организует человеческое поведение. При этом причины этого желания, как и само настоящее желание, человеку могут быть неизвестны, они оказываются скрытыми от него, растворенными в бессознательном. Вместе с тем, подвергая себя анализу, субъект получает возможность себя разобрать и собрать наново, таким образом овладев желаниями и вернув себе власть над собой. «Где было Оно, должно стать Я» [10, с. 517], — это принципиально важное высказывание Фрейда почему-то часто упускается в разговорах о психоанализе, бессознательном и субъекте.

Таким образом и фрейдовский, и лакановский конечный субъект является вполне просвещенным, соответствующим выше данному определению. Вся его расщепленность, перечеркнутость исчезают по мере того, как Я формируется и конституирует самое себя, если оно занимается этим. В итоге все в Я подвергается той или иной символизации. Создавая себя (и потенциально культуру) в регистре Воображаемого, Я оказывается изменяющим регистр Символического, присутствующим в нем по факту пребывания в обществе других Я. Вместе с тем Я оказывается способным покинуть регистр Реального.

Иными словами, тезис данной статьи состоит в том, что *понимаемый как cogito субъект находится вне регистра Реального* либо потому, что он освобождается от власти психологического Реального в силу реализованных «практик себя» и полного самопознания либо потому, что *самого Реального не существует*.

3.

Реальное — самая проблемная категория в наследии Лакана. Эту проблемность Лакан, что ожидаемо, унаследовал от Фрейда, бессознательное которого также было проблемой для него самого, так что он помещал туда все, что не вписывалось в *осознанное*, приближаясь к пониманию бессознательного через негативные определения, путем сравнений. Однако Фрейд среди психоаналитиков оказывается самым, пожалуй, рациональным актором, а потому его бессознательное более-менее приближено к феномену: довольно полное определение бессознательного по Фрейду звучит как: «психический процесс, существование которого мы должны предположить, поскольку выводим его из действий, и о котором мы ничего не знаем» [10, с. 508]. Фрейд, безусловно, совершил свою революцию в мире человеческих представлений.

Лакан играл игрушками Фрейда. Лакан, в отличие от Фрейда, больше привлекало бессознательное как ноумен. Как удачно выразился У. Эко: «...его, как Малларме, привлекала тьма» [11]. Свое бессознательное Лакан называл Реальным и всю свою творческую жизнь пытался это Реальное как-то определить или ухватить. Во всех своих семинарах Лакан подводит читателя к Реальному, но само Реальное оказывается плавающим. Недаром некоторые исследователи Лакана обвиняют С. Жижека в том, что его «лакановское Реальное» не «лакановское Реальное» и меняется из книги в книгу. Но насколько стабильно Реальное самого Лакана?

Самое точное определение Реального, которое мы можем найти у Лакана: «*Реальное* является здесь тем, что всегда возвращается на то же самое место — на место, где субъект, поскольку он мыслит, то есть в качестве *res cogitans*, никогда его не встречает» [6, с. 57]. Это самое утверждение Лакан повторяет неоднократно, желая, тем самым, выразить мысль о том, что Реальное есть нечто в мире или в человеке, что упорно не поддается символизации, как бы человек не старался такую операцию произвести: «реальное как область того, что пребывает вне символизации» [3, с. 413].

Лакан постоянно кружит вокруг Реального, все время донося до аудитории (Лакан предпочитал говорить) один важный момент: Реальное — что-то чуждое, что-то извне, что-то невстроенное, что-то неожиданное. «Невозможное — это Реальное» [1, с. 208], — отмечает Лакан. Реальное — это вторжение инородного: так, например, в фильме «Зеркало» (А. Тарковский, 1974) в начальной сцене, когда Мать прощается со

случайным встречным, по полю проносится неожиданный ветер, меняющий восприятие момента и у зрителя (зритель чего-то ждет), и у героев.

Коротко говоря, Реальное — это то, что выходит за рамки психоаналитического дискурса, основанного на речи, слове, некотором акте высказывания. Нечто несимволизируемое — это и есть Реальное. Реальное — это доязыковой сумбур, все, что Фрейд помещает в бессознательное, Кант выводит в чистую (первоначальную) апперцепцию, а Гуссерль в интенциональное. Реальное появляется в результате того, что, по Лакану, человек изначально себе не дан, а формирует себя под воздействием других: маленького другого (зеркального двойника, своего тела) и Большого Другого (сетки социальных коммуникаций). Все это формирование через других можно назвать, допустим, процессом рационализации себя — сознание учится выражать само себя, но человек оказывается под властью структуры: он еще обучается управлять языком. Все, что нельзя выразить языком, впоследствии уходит в сферу Реального.

Лакан наверняка очаровывался Реальным, но нам этого делать не следует. Проблема в том, что, научившись пользоваться языком, научившись играть им (подобно Джойсу или русским формалистам), человек подчиняет язык себе, а вместе с языком, если оставаться в логике Лакана, обретает и власть над собственной самостью: язык, этот Большой Другой, этот Чужой, который овладевает телом человека и имеет над ним власть, вдруг оказывается укрощенным. Цель формирования человека как субъекта в этом случае — обрести власть над своим Чужим, Чужим внутри себя.

В целом Реальное Лакана — это погоня Лакана за Богом, его дань уважения Спинозе, для которого, как известно, Бог и мир были синонимичны: все сущее объяснялось Богом, ибо являлось его частью и приводилось в движение им, в то время как сам Бог оставался неопределим в целом, но только описываем согласно атрибутам. Лакан (в остальном оставаясь верным средневековой традиции Божественной неопределимости.) подставляет на место Бога Реальное (а чем будет для человека внезапное/невозможное вторжение/действие Бога?), т.к., по его мнению, Реальность находится в Реальном: «Нельзя же игнорировать, говоря о реальности, тот факт, что означающее действительно входит в Реальное человека в качестве некой самобытной реальности!» [2, с. 257].

Если же абстрагироваться от мистицизма (которого благодаря Реальному так много в структурном психоанализе и который либо

зачаровывает (поклонников Лакана), либо отвращает (например, Р. Докинза [9]), то можно обратить внимание, что Реальное — это просто неподчиняющийся человеку язык, если исходить из формулы равенства языка и бессознательного, что отстаивает сам Лакан («Условие бессознательного — это язык» [4, с. 11]). Реальное Лакана — это мистифицируемое бессознательное Фрейда с несколько расширенной зоной действия, так что Реальным становится удобно обозначать все, что несет в себе ту или иную долю скрытого или пикантного. Благодея Реальному лакановский психоанализ обретает сходство с советской философией, где, как известно, работал принцип «когда непонятно, о чем говорить, но говорить надо, говори о диалектике». В структурном психоанализе его можно обыграть так: «Когда что-то непонятно, сумбурно или хочется просто напустить туману, говори о Реальном».

4.

Итак, *Реальное Лакана*, если им не очаровываться (и Реальным, и Лаканом), — это *выскользнувший из-под контроля язык или некая неожиданность в принятой структуре обыденности*, настолько нежданная, что еще не подверглась символизации (тут возникает проблема, потому что любую случайность мы, *defacto*, тут же как-нибудь означиваем), или просто что-то не вписывающееся в общий фон (как вышеупомянутый звук). Возможность влияния такого Реального на субъекта либо абсолютна, если речь идет о природной катастрофе, либо относительна, если речь идет о его собственном сознании (так у нас есть пример Дж. Нэша, научившего справляться с собственной шизофренией). Задача субъекта в последнем случае состоит в том, чтобы обрести контроль над языком (и, следовательно, мыслью) и понять всю совокупность сил (родительская власть, власть государства, власть учреждения, власть тела и проч.), влияющих на него, после чего начать сознательно формировать собственное Я, через разнообразие *epimeleiaheautou* (практик «заботы о себе»). В этом случае человек выходит из границ Реального («Где было Оно, должно стать Я»), он присваивает его себе, формируется в качестве синтома (Я=Это), оказывается вне действия каких-либо сил, влияние которых он не мог бы понять и проследить в себе.

Момент, когда Реальное перестает оказывать влияние на формирование человека, когда человек присваивает себе проект себя, можно считать выходом человека из Реального и превращением его в субъекта.

И вот как об этом говорил сам Ж. Лакан (и это очень важный фрагмент его наследия, если говорить о его отношении к субъекту): «Та важнейшая часть опыта человека, которая как раз и представляет собой, собственно говоря, опыт субъекта, та, благодаря которой субъект этот и существует, лежит в плоскости возникновения символа. Вспомним понятие, отголоски которого, бэконовские отголоски, можно найти в развитии научной мысли, понятие инвентарной описи — обэтом никогда не думают, но ведь оно предполагает возникновение измерения, совершенно отличного от измерения Реального. Помечая что-то как наличное, вы помещаете его тем самым на фоне его возможного отсутствия. Я пытаюсь сейчас представить свою мысль в наглядной форме, потому что отвечаю на вопрос о реализме, поставленный человеком, идеалистом которого никак не назывешь. Ни кто не пытается утверждать, что Реальное не существовало заранее. Просто оно не порождает из себя ничего, что было бы в области субъекта действенным. Реальность субъекта, поскольку он действительно существует, поскольку он свое существование поддерживает, субъекта, с которым вы ведете в анализе диалог и которого искусством слова исцеляете, состоит по сути своей в соединении реальности с появлением инвентарной описи. Это не значит, что именно он эти описи и создает. Напротив, я только и делаю, что внушаю вам, что описи эти как раз давно готовы. Игра уже сыграна, кости уже брошены. Да, брошены, с той лишь оговоркой, что мы можем взять и бросить их снова» [7, с. 310].

Из этого фрагмента видно, что Лакан гораздо ближе к Картезию, чем ко многим своим последователям. Взгляды Лакана на человека остаются вполне просвещенческими, если он обращается к человеку, как к *cogito*, и не способствуют тому тотальному отрицанию, которому подвергся субъект во второй половине XX века. Весь же символический и вне символический бэкграунд человека оказывается подотчетным ему по мере того, как личность превращается в субъекта через практики самопознания (куда Фрейд и Лакан прежде всего относили психоанализ).

1. Лакан, Ж. [Lacan J.] Изнанка психоанализа (Семинар. Книга XVII (1969–70)) [Текст] / Ж. Лакан М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2008. 272 с.

2. Лакан, Ж. [Lacan J.] Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957/1958)) [Текст] / Ж. Лакан М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос», 2002. 608 с.

3. Лакан, Ж. [Lacan J.] Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) [Текст] / Ж. Лакан М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос», 1998. 432 с.

4. Лакан, Ж. [Lacan J.] Телевидение [Текст] / Ж. Лакан М.: ИТДК «Гнозис», Издательство «Логос», 2000. 160 с.

5. Лакан, Ж. [Lacan J.] Функция и поле речи и языка в психоанализе [Текст] / Ж. Лакан М.: Издательство «Гнозис», 1995. 192 с.

6. Лакан, Ж. [Lacan J.] Четыре основные понятия психоанализа (Семинары. Книга XI (1964)) [Текст] / Ж. Лакан М.: Издательство «Гнозис». Издательство «Логос», 2004. 304 с.

7. Лакан, Ж. [Lacan J.] «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинары. Книга II (1954/55)) [Текст] / Ж. Лакан М.: Издательство «Гнозис». Издательство «Логос», 2009. 520 с.

8. Павлов, А.В. Полифокальная социология современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.

9. Разоблачение постмодернизма: Ричард Докинз об интеллектуальных уловках и меташатаниях философов [Электронный ресурс] // Моноклер. URL: <https://monocler.ru/razoblachenie-postmodernizma/> (дата обращения: 27.12.2016).

10. Фрейд, З. [Freud S.] Введение в психоанализ. Лекции [Текст] / З. Фрейд. М.: ООО «Фирма СТД», 2003. 624 с.

11. Эко, У. [Eco U.] «Моя жизнь прервалась в 50 лет. И началась заново» [Электронный ресурс] // Psychologies. URL: <http://www.psychologies.ru/people/razgovor-s-ekspertom/umberto-eko-moya-jizn-prervalas-v-50-let-i-nachalas-zanovo/> (дата обращения: 27.12.2016).

References

1. Lakan, Zh. [Lacan J.] (2008) *Iznanka psihoanaliza* (Seminary. Kniga XVII (1969–70)), Moscow, Izdatel'stvo «Gnozis», Izdatel'stvo «Logos», 272 p. [in Rus].

2. Lakan, Zh. [Lacan J.] (2002) *Obrazovaniya besoznatel'nogo* (Seminary. Kniga V (1957/1958)), Moscow, ITDGG «Gnozis», Izdatel'stvo «Logos», 608 p. [in Rus].

3. Lakan, Zh. [Lacan J.] (1998) *Seminary, Kniga I: Raboty Frejda po tehnikе psihoanaliza* (1953/54), Moscow, ITDGG «Gnozis», Izdatel'stvo «Logos», 432 p. [in Rus].

4. Lakan, Zh. [Lacan J.] (2000) *Televidenie*, Moscow, ITDK «Gnozis», Izdatel'stvo «Logos», 160 p. [in Rus].

5. Lakan, Zh. [Lacan J.] (1995) *Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize*, Moscow, Izdatel'stvo «Gnozis», 192 p. [in Rus].

6. Lakan, Zh. [Lacan J.] (2004) *Chetyre osnovnye ponjatija psihoanaliza* (Seminary. Kniga XI (1964)), Moscow, Izdatel'stvo «Gnozis», Izdatel'stvo «Logos», 304 p. [in Rus].

7. Lakan, Zh. [Lacan J.] (2009) «Ja» v teorii Frejda i v tehnikе psihoanaliza (Seminary. Kniga II (1954/55)), Moscow, Izdatel'stvo «Gnozis», Izdatel'stvo «Logos», 520 p. [in Rus].

8. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 5–13 [in Rus].

9. Razoblachenie postmodernizma: Richard Dokinz ob intellektual'nyh ulovkah i metashatanijah filosofov / Monokler, available at: <https://monocler.ru/razoblachenie-postmodernizma/> (accessed 27.12.2016). [in Rus].

10. Frejd, Z. [Freud S.] (2003) *Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii*, Moscow, ООО «Фирма СТД», 624 p. [in Rus].

11. Jeko, U. [Eco U.] *Psychologies*, available at: <http://www.psychologies.ru/people/razgovor-s-ekspertom/umberto-eko-moya-jizn-prervalas-v-50-let-i-nachalas-zanovo/> (accessed 27.12.2016) [in Rus].

UDC 130.2

THE SUBJECT AND THE REAL (AN ATTEMPT TO SAVE CARTESIAN SUBJECT FROM IRRATIONALITY)

Maltsev Yaroslav Vladimirovich,

Tyumen State University,
Department Chair of Philosophy,
Degree seeking student,

Tyumen, Russia.

E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Annotation

The article considers the subject position in the field of Lacan's triad of The Real-The Imaginary-The symbolic. The author makes an attempt to remove the subject from the influence of the Real, returning him his Cartesian principles and power over himself (paraphrasing Z. Freud: making I the host in my own house).

The article also breaks the monotony of the mystery aura which surrounds Lacan's Real and to damp Lacan's spirits a little.

Key concepts:

modernity,
permanent modernity,
subject,
the real,
lacan's triad,
cogito.

УДК 130.2

СИНЕРГИЯ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ И ФУТУРИЗАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ МАШИНЫ

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный
университет
(национальный исследовательский
университет),
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме регенерации культуры. Утверждается, что основным механизмом регенерации является интерпретация (трансмутация).

В системе образования возможности интерпретации очень велики.

Для эффективной работы интерпретационной машины необходимы как минимум две образовательные стратегии – гуманитаризация и футуризация. Синергия этих стратегий является условием функционирования интерпретационной машины и регенерации культуры.

Ключевые понятия:

интерпретация,
трансмутация,
образование,
будущее,
футуризация,
гуманитаризация,
философия.

В одном небольшом эссе Плутарх дал оценку эпикурейскому принципу: «Живи неприметно». Эссе начиналось с простейшего риторического приема о несоответствии слов и амбиций Эпикура, а завершалось скупой набросанным планом трансценденции, позволяющим перенести результаты размышлений в иную плоскость. В плане трансценденции Плутарх сделал эскизы потусторонних миров – обители благочестивых для прославленных героев и мрачной бездны для погрязших в беззаконии душ [7].

Уже при первом приближении к эскизам нетрудно увидеть диспропорцию в описании обители и бездны. Когда Плутарх набрасывал эскиз обители, его мысль не скупилась на краски. Язык развернулся во всей своей поэтической красоте. В обители благочестивых есть и пышные деревья, и расстилающаяся равнина, и бесшумные полноводные реки. Напротив, эскиз мрачной бездны набросан весьма скупым штрихом. Описание обители грешников выражается немногочисленными означающими: «мрак», «угрюмость», «река», «забвение», «морская пучина».

Особого внимания заслуживает то, что в обители благочестивых звучит живая речь. Благочестивые беседуют друг с другом («они проводят время в воспоминаниях и разговорах» [7]). В обители блаженных душ прочно связаны прошлое и настоящее, осуществляется культурная преемственность. Обитель благочестивых можно назвать царством логосу. В обители грешников нет места логосу. В мраке бездонной ночи нет ни живого (речь), ни мертвого (письмо) слова. Немые души безвозвратно уходят в бездну, поглощающую и тени, и вещи.

Плутарх прочно связал тему смерти и безвестности. На то у него были веские основания. Смерть – это исчезновение тела и души без остатка, без знака, хранящего и передающего память о покойном. Древние понимали, что уничтожение знака не менее эффективное средство расправы с человеком, нежели уничтожение тела. Как историк Плутарх был знаком с феноменом дворцовых переворотов (например, в Египте), нередко сопровождавшихся мероприятиями по уничтожению памяти о свергнутом правителе. Религиозная реформа Аменхотепа IV вызвала большую социальную напряженность и, в частности, возмущение жрецов. После смерти фараона-реформатора началось, по выражению Ю. Я. Перепелкина, «преследование бога отверженной столицы». Прежде всего, под запретом ока-

залось личное имя покойного правителя. В столице сбивали с памятников имена фараона и бога Амона-Ра [5, с. 291]. Жители Херсона стерли имя Юстиниана с городских построек и крепостей, когда провозгласили царем Вардана Филиппика. Проклятие из еврейских хроник XVII в. «да будет стерто его имя» является ничем иным, как пожеланием смерти.

Чтобы жить, человек должен давать и получать знаки. Для этого использовались и используются различные средства: от самопрезентации («Я – Хаммурапи, пастырь, названный Эллилем») до создания плана трансценденции («Светлый государь, обеты которого знает бог Адад»)¹. В «Мишель Турнье и мир без Другого» Ж. Делез лаконично и точно обозначил роль Другого: «В отсутствие Другого сознание и его объект суть одно» [3, с. 408]. Финалом робинзонады сознания является смерть, а увертюрой к смерти – «склейка» сознания с предметом, то есть их совпадение в вечном настоящем. В мире, покинутом другим, жизнь питается сохранившимися знаками прошлого. По мере стирания старых знаков сознание перестает быть «свечением», светом над вещами [3, с. 409].

То, что верно для человека, верно и для семиосферы (Лотман). Разница лишь в том, что предсмертная агония человека – краткий процесс, в сравнении с предсмертной агонией культуры. Умирание выражается и в стирании знаков, принадлежащих культурным слоям прошлого, и в бесконечном репродукции знака. Трагедия гибели знака изображалась, в частности, авторами антиутопий. В романе Р. Брэдбери и в фильме «Эквилибриум» власти санкционировали сожжение книг. Это одно из наиболее радикальных средств умерщвления знака. В антиутопии Д. Оруэлла власти использовали более изощренный способ убийства культуры, известный как «newspeak» («новояз»). То, о чем предупреждали фантасты, сбывается сегодня. Явление иконического поворота, неразрывно связанное с визуализацией культуры, попирает власть слова. Комикс-культура, стены и ограничение числа вербальных знаков в социальных сетях – вот лишь некоторые признаки трансформации культуры и разрыва культурных слоев.

Репродуцирование знака выражается повторением формы (в терминологии лингвистики – калькой означающего). Репродуцирование, с одной стороны, является

процессом, связывающим культурные слои. В этом его несомненная важность. Очевидно, что копируемые произведения, как правило, становятся достоянием публики. С другой стороны, увлеченность репродукцией ведет к выхолащиванию смысла. Это было отмечено еще Ф. Бэконом, писавшим о «пустых» понятиях и «идолах рынка». Разрушительность репродукции выражается, например, в догматизме, бюрократизме или плагиате. Все обозначенные явления опасны не только тем, что лишают человека свободы, но и тем, что сковывают мысль. Они заставляют узника пещеры (Платон) смотреть на одни и те же тени. Они вынуждают называть тени одними и теми же именами.

Эликсир жизни культуры был открыт человеком еще в древности. Однако всерьез о механизме культурной регенерации заговорили лишь в XX в. Этот механизм не имеет общепринятого обозначения. Советско-русский философ М. К. Петров назвал его трансмутацией [6, с. 40], а западные структуралисты и постструктуралисты предпочитали пользоваться понятием интерпретации. Определение отличий интерпретации от трансмутации не входит в перечень задач данной статьи, хотя этот вопрос и заслуживает особого внимания.

Жизненную силу трансмутации (интерпретации) можно отчетливо увидеть в противопоставлении обозначенных способов регенерации культуры практикам культурного суицида – догматизму, бюрократизму, плагиату и т. д. Все обозначенные практики можно обозначить как «влечение к смерти» (фрейдистский концепт) или «некрофильскую ориентацию» (Э. Фромм) культуры. Культура вынуждена бороться с опасными вирусами, стирающими знаки и, в конечном счете, препятствующими рождению новых смыслов.

Догматизм – насилие над языком. Часто догматизм сводят к насилию над природой, то есть к подчинению жизни неизменным принципам. Догматик пытается набросить на жизнь сеть, состоящую из строго определенных идей, мнений и убеждений. У этой редукции есть свои основания. Тем не менее, она не всегда позволяет увидеть всю разрушительную мощь догматизма. Догматизм является способом насилия над знаком, языком и, в конечном счете, мышлением. Краткая формула догматизма могла бы выглядеть так: «Язык всегда выражает

¹ Законы вавилонского царя Хаммурапи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm> (дата обращения: 28.03.2017)

то, что он выражает». Отсюда следует, что любая интерпретация, любое отступление от буквы оцениваются как аномалии и противозаконные деяния. Напротив, жизнеутверждающая сила культуры была, в частности, обозначена формулой М. Фуко «язык никогда не говорит того, что он говорит» [9]. Из этого следует, что всякое высказывание требует пояснения, а пояснение, в свою очередь, тоже можно пояснить. Догматик, по видимому, никогда не сможет смириться с таким положением дел. В Вавилонской библиотеке (образ из одноименного рассказа Х. Борхеса), в хаосмосе знаков, он упорно ищет Книгу Книг.

У догматизма, бюрократизма и плагиата как суицидальных практик, несмотря на очевидные различия, есть как минимум одно сходство. Оно заключается в том, что человек препоручает себя Книге, безусловному авторитету неподвижного смысла и выражающему этот смысл знаку. Не столь важно, кому принадлежит сакральная Книга – евангелистам, законодателям или ученым. Все обозначенные практики направлены на демонтаж интерпретационной машины, функционирующей в соответствии с фукианской формулой.

Для интерпретатора мысль М. Фуко открывает заманчивые перспективы. Наиболее очевидная из них сводится к конкуренции за право влиять на вкусы, мнения, убеждения и принципы людей. Другая перспектива заключается в возможности выражения индивидуальности интерпретатора. Любой интерпретатор может, изучая старое, извлечь из него нечто новое и неповторимое. В этом случае имя автора попадает в анналы культуры и живет на устах многих поколений.

Каждый интерпретатор хотя бы раз испытывал в своей жизни искушение догматизмом, хотел заковать текущую мысль в оковы догм и обездвижить знак. В этом случае интерпретационная машина замедляла ход, а от изношенных деталей веяло смертью. Тени на стене застывали подобно теням Хиросимы. Застывшие тени отбрасывались застывшими вещами в свете недвижимого солнца. У культуры есть свои рычаги запуска интерпретационной машины. На один из них (возможно, на самый главный) в своем кратком эссе указал Плутарх. Этот рычаг запускает процесс фильтрации, или отбраковки низкокачественных продуктов человеческой деятельности. Ни продукты, ни имена их создателей, в конечном счете, не попадут ни в «обитель благочестивых», ни в анналы истории.

Организм культуры сопротивляется смертоносным вирусам, уничтожающим знак. Регенерация культуры осуществляется самыми различными средствами, от борьбы с бюрократизмом и пропаганды еретических учений до академических требований в адрес научных работников. Несмотря на многообразие средств культурной регенерации, образование было и остается наиболее эффективным инструментом развития культуры и формой влечения к жизни. Образовательный процесс – это ключ к запуску интерпретационного механизма.

Знакомство с деталями интерпретационной машины, как правило, начинается в школе. Ученик может ощущать ее работу всякий раз, когда слушает объяснения педагога, задает вопросы или высказывает собственное мнение. Особое положение школы как технического персонала интерпретационной машины неразрывно связано с огромной ответственностью руководителей образовательных структур и педагогов за эффективную работу трансмутационного механизма. Руководители и педагоги школ должны воздержаться от используемых десятилетиями алгоритмов управления и преподавания и обратить внимание на инновационные стратегии, направленные на корректировку содержания образовательного процесса. На это могут справедливо возразить: в российской школе уже сравнительно давно внедряются различные инновации. Новые линейки учебных пособий, введение единого государственного экзамена, нетрадиционные уроки, внедрение современных технических средств обучения, эксперименты по развитию интеллектуального уровня школьников (интеллектуально-игровой всеобуч и т. д.) – все это примеры образовательных инноваций. Сегодня фактически на любом школьном сайте есть информация об инновационных образовательных продуктах или инновационных методах обучения.

Тем не менее, содержание и перечень преподаваемых дисциплин не претерпели серьезных изменений, в сравнении советским прошлым. Принципиально различные инновации (от учебных пособий и атласов до педагогических методик) не собираются в систему. Иными словами, перспективные и долгосрочные образовательные стратегии (гуманитаризация, футуризация и др.) подменяются слабо связанными друг с другом мероприятиями. Из сравнительно небольшого перечня приоритетных образовательных стратегий особого внимания заслуживают стратегии гуманитаризации и футуризации. Первая предполагает серьезное

обсуждение мировоззренческих, этических и иных проблем [4, с. 107], вторая – акцентуацию внимания на будущем [8, с. 35].

Одним из факторов эффективной реализации стратегии гуманитаризации является изучение философии студентами средних специальных и высших учебных заведений. Ценность философии заключается в том, что она смазывает интерпретационный механизм, побуждая тени и вещи к движению. Она есть «призыв к игре и интерпретации» [2, с. 58]. То, что Декарт считал недостатком философии, является одновременно и ее достоинством. Философия в известном смысле противостоит обозначенным (догматизму, бюрократизму и плагиату) и многим другим способам самоуничтожения культуры или формам влечения к смерти.

По мнению К. Ясперса, первое соприкосновение с философией происходит в детстве [10]. Ребенок участвует в работе интерпретационной машины, открывает новые и неожиданные значения и заставляет знаки двигаться. Ребенок легко изымает знаки из одного контекста и вставляет их в другой. Постепенно он узнает о том, что в мире взрослых вещи связаны друг с другом. Ребенок становится человеком искусства (Аристотель). Творческая активность взрослого выражается в связывании предметов и знаков. Жесткость соединяющих вещи жил играет неоднозначную роль. С одной стороны, постоянно движущийся мир схватывается и размещается на ладони, а с другой, – интерпретационная машина и обслуживающая ее мысль замедляют ход. В мире остается все меньше случайного и удивительного. В отличие от ребенка человек искусства ничему не удивляется.

Философствование можно трактовать как игру со связями и вещами. В своей игре философ использует сложные приемы – разрыв, сцепку, поворот, переворот, выворачивание и т. д. Любой из указанных приемов ослабляет или разрывает прошлые связи вещей. Общеизвестно, что философы подвергались искушению систематизацией. Однако, по выражению К. Ясперса, философствование – это жизнь в пути [10]. К любой философской системе как к предмету игры применяются все обозначенные приемы. Вследствие этого кристаллические решетки философии сравнительно быстро разрушаются. Это дает повод критикам философии упрекнуть ее в отсутствии общепринятого тезауруса, специальных научных методов и парадигмальных основ. Несмотря на это, философия была и остается важнейшей деталью интерпретационной машины.

Стратегия футуризации выражается во введении в образовательную систему курсов и тем, связанных с будущим. О важности футуризации (правда, без использования данного термина) говорили еще во второй половине прошлого столетия (Э. Тоффлер, Р. Юнг и др.). По прошествии нескольких десятилетий ситуация в образовании практически не изменилась. В школьных программах по литературе анализ серьезных научно-фантастических произведений не предусмотрен. На уроках по обществознанию современные дети изучают только темы, связанные с терроризмом и демографией. В рамках вузовского образования есть некоторые специальности, предполагающие знакомство студентов с новыми технологиями (например, мехатроника и робототехника). Однако число этих специальностей сравнительно невелико. Удивляет и то, что студенты-гуманитарии (социологи, политологи, историки и др.) практически лишены возможности ознакомления с современными технико-технологическими мегатрендами.

Существующее положение дел чрезвычайно трудно изменить. Во-первых, в научно-педагогической среде нет никаких конкретных указаний на формы и способы реализации стратегии футуризации, а во-вторых, в системе основного образования нет места дисциплинам и курсам о современных мегатрендах. Между тем, студентам-гуманитариям небесполезно было бы узнать о масштабных идеологических движениях, направленных на радикальное преобразование природы человека. Идеологи трансгуманизма и иммортологии имеют тысячи сторонников, уверенных в несовершенстве человеческой природы и в необходимости ее радикального изменения вплоть до преодоления. История трансгуманизма на Западе длится уже несколько десятилетий. В России ежегодно растет число членов общественных движений и партий, выступающих за развитие человекоориентированных технологий.

Условиями эффективной реализации обозначенных образовательных стратегий являются, во-первых, разработка специальных курсов в системе дополнительного образования, а во-вторых, синергия гуманитаризации и футуризации. На данный момент говорить о синергии, вероятно, еще слишком рано. Однако это не отменяет того факта, что гуманитарии должны видеть возможные риски внедрения и использования технологий, непосредственно направленных на человеческую природу.

1. Бэкон, Ф. Великое восстановление наук [Текст] / Ф. Бэкон // Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1977. 567 с.
2. Гредновская, Е.В. Проблема подлинности существования человека в дискурсах экзистенциализма и постмодернизма [Текст] / Е. В. Гредновская, Р. В. Пеннер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 3. С. 56–60.
3. Делез, Ж. Мишель Турнье и мир без Другого [Текст] / Ж. Делез // Логика смысла. М.: «Академический Проспект», 2011. 472 с. С. 395–421.
4. Иванцева, Т.Г. Гуманитаризация образования в информационном обществе [Текст] / Т.Г. Иванцева // Высшее образование в России. 2005. №4. С. 104–107.
5. Перепелкин, Ю.Я. История Древнего Египта [Текст] / Ю. Я. Перепелкин. СПб.: «Летний Сад» – Журнал «Нева», 2000. 560 с.
6. Петров, М.К. Язык, знак, культура [Текст] / М. К. Петров. М.: «Едиториал УРСС», 2004. 328 с.
7. Плутарх. Хорошо ли изречение «Живи неприметно»? [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1438077000> (дата обращения: 20.03.2017).
8. Урсул, А.Д. Глобальное образование – новое направление развития высшего образования [Текст] / А. Д. Урсул // Вестник экологического образования в России. – 2014. №74. С. 32–35.
9. Фуко, М. Ницше, Фрейд, Маркс [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 20.03.2017)
10. Ясперс, К. Введение в философию [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/yasp/ (дата обращения: 20.03.2017).

References

1. Bjecon F. (1977) *Velikoe vosstanovlenie nauk*, tom. 1. Moscow, «Mysl'», 567 p. [in Rus].
2. Grednovskaja E.V. (2015) *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 56-60 [in Rus].
3. Delez Zh. (2011) *Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo*. Moscow, «Akademicheskij Prospekt», 472 p, pp. 395–421 [in Rus].
4. Ivanceva T. G. (2005) *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 4, pp. 104–107 [in Rus].
5. Perepelkin Ju.Ja. (2000) *Istorija Drevnego Egipta*. Saint Petersburg, «Letnij Sad» – Zhurnal «Neva», 560 p. [in Rus].
6. Petrov M.K. (2004) *Jazyk, znak, kul'tura*. Moscow, «Editorial URSS», 2004, 328 p. [in Rus].
7. Plutarh. *Horosho li izrechenie «Zhivi neprimetno»?* Available at: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1438077000> (accessed 20.03.2017) [in Rus].
8. Ursul A.D. (2014) *Vestnik jekologicheskogo obrazovaniya v Rossii*, no. 74, pp. 32-35 [in Rus].
9. Fuko M. *Nicshe, Frejd, Marks*, available at: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (accessed 20.03.2017) [in Rus].
10. Jaspers K. *Vvedenie v filosofiju*, available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/yasp/ (accessed 20.03.2017) [in Rus].

UDC 130.2

SYNERGY OF HUMANITARIZATION AND FUTURIZATION AS A CONDITION FOR THE FUNCTIONING OF THE INTERPRETATIONAL MACHINE

Dydrov Artur Alexandrovich,

South Ural State University
(National Research University),
Associate Professor of the Department
Chair of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy)
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the problem of culture regeneration. It is argued that the main mechanism of regeneration is interpretation (transmutation). In the educational system, the possibilities of interpretation are very great. For effective work of the interpretation machine, at least two educational strategies are needed – humanitarization and futurization. The synergy of these strategies is a condition for the functioning of the interpretation machine and the regeneration of culture.

Key concepts:

interpretation,
transmutation,
education,
future,
futurization,
humanitarization,
philosophy.

УДК 321.011

ДВА ПУГАЧЁВА: НАКАЗАНИЕ И ПОМИЛОВАНИЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Скиперских Александр Владимирович,

Национальный исследовательский университет,

Высшая школа экономики, профессор кафедры

гуманитарных дисциплин, доктор политических наук, г. Пермь, Россия.

E-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Аннотация

В данной статье автор рассуждает о том, как в русской культурной традиции сочетаются практики наказания и помилования. С точки зрения автора, и к наказанию и к помилованию власть прибегает в интересах политической легитимации. В таком случае акт власти восполняет дефицит легитимности.

Практики наказания и помилования рассматриваются автором применительно к образу Пугачёва, созданного А.С. Пушкиным. На примере исторической фигуры Пугачёва, имеющего литературного двойника, в пушкинском тексте отчётливо заметно, как носитель власти использует имеющиеся у него ресурсы для артикуляции политических практик наказания и помилования. Высокая частотность чередования принуждения и поощрения, с точки зрения автора, свидетельствует об особой культурной традиции и по-своему характеризует бунтующего человека в русской культуре.

Ключевые понятия:

бунт,
бунтующий человек,
власть,
насилие,
русская культура.

Двойственность человека в русской культуре является её непостижимой тайной. Поступки и выборы человека в русской культуре порой являются абсурдными и жестокими и сложно вписываются в культурную рамку, наделяющую носителя русской культуры добротой, кротостью, религиозностью и целым рядом других положительных черт.

Подобная абсурдность преследует человека в русской культуре в течение всей жизни. Человек, как будто бы в оценке М. Пришвина, превращается в «страдающую середину между сверхчеловеком и подчеловеком» [9, с. 66].

Значительно актуализируют конфликт двух начал в человеке периоды «приращения» властью, представляющей ему шанс раскрыть все свои как позитивные, так и негативные качества. Благородные намерения, декларируемые человеком, достигающим власти, не всегда отображают реальное положение дел после того, как человек начинает пользоваться властью. Дело в том, что власть вынуждена постоянно функционировать в режиме, предполагающем двойственность.

Борьба за право политического доминирования всегда сопряжена с повышенной конфликтностью. Субъекты власти бывают вынуждены артикулировать практики прямого насилия для того, чтобы приобрести доступ к ресурсам и ценностям. Политическая история буквально изобилует примерами подобного рода объективаций. В частности, американский исследователь Чарльз Тилли отмечает, что «история государств Запада с 1800 года является историей насилия. В данный период отмечалось достаточно переворотов и гражданских войн» [14, с. 4]. Российский опыт также содержит примеры насилия, осуществляющегося в рамках борьбы за политическое доминирование. Бунтующий человек, терпение которого может иногда заканчиваться [3, с. 124], периодически объявляет себя равным диктатору, и в этом, безусловно, можно найти определённую логику. Так уж получается, что власть не всегда сдерживается сопротивлением, прибегающим к ненасильственным практикам в духе Л. Толстого или сатьяграхи М. Ганди. Если носители власти прибегают к насилию, то почему бы и тем, кто притязает на неё (власть) не прибегнуть к схожим практикам. Претензия на позицию власти предполагает всю полноту действий, которые должна осуществлять сама власть.

Двойственность власти проявляется в существовании различных режимов функционирования, позволяющих наказывать и миловать одновременно. Данные режимы чередуются с определённой периодичностью. Объяснение этому нужно искать в социальном портрете самой власти, осуществляющейся обычными людьми, перед которыми постоянно открываются искушения либо наказать, либо помиловать. И один, и другой выбор вполне могут продемонстрировать собственную значимость, выступая основаниями для политической легитимации.

Наказание и помилование являются некими сигнальными ситуациями, позволяющими определить справедливость претензий конкретного человека на право осуществлять власть. Иными словами, человек, очарованный бунтом и подхваченный его вихрем, может позволить себе сохранить гуманные качества. На наш взгляд, именно таким является фигура Емельяна Пугачёва, очень неоднозначно прописанная А. Пушкиным. Русская поэтесса Марина Цветаева чувственно признавалась, что «вся «Капитанская дочка» для меня сводилась и сводится к очным встречам Гринёва с Пугачёвым»: в метель с Вожатым (потом пропадающим) – во сне с мужиком – с Самозванцем на крыльце комендантского дома» [13, с. 176–178].

Применительно к фигуре Пугачёва помилование будет выглядеть как вполне собой разумеющееся, человеческое решение. Наоборот, человек, срастающийся с властью, представляющий собой часть её физического и политического тела, уже вряд ли сможет так часто демонстрировать добросердечность, что и определит его склонность к практикам наказания. Попробуем рассмотреть, как на примере пушкинского текста работают данные практики, и как они согласовываются с дискурсом власти в реальных политических ситуациях.

Власть и наказание

Именно в способности наказывать и выражается принципиальная разница между тем, кто притязает на власть и тем, кто обладает ею. Человек, наделённый властью, всегда в точности знает, как ему отправлять наказание. При этом он не оставляет шансов на сомнение в собственном выборе в пользу репрессии. Как отмечает Э. Канетти, «властитель никогда не прощает на самом деле. Каждый враждебный акт остается в точности зафиксированным,

если непосредственной реакции нет, значит, она отложена на потом. Прощение можно получить в обмен на полное и абсолютное подчинение» [4, с. 324].

Власть изначально предполагает насилие, потому как желание объекта может не совпадать с желанием носителя власти. Это будет предполагать определённую ломку, подстраивание под сильного, ведь уделом власти является вызывание боли в другом. В русской культуре подобные характеры мастерски описывались Ф. Достоевским. Следует обратить внимание, как его герои как будто бы раздваиваются между «стремлением быть похожим как на Бога, испытывающего страдание за других людей, так и на господина, на повелителя, способного отправлять насилие и осуществлять репрессивные акты» [12, с. 168].

Путь к власти связан с большими рисками для физического тела тех, кто встречается на пути отважившегося на это. Причём здесь даже не принципиально, кто претендует на власть – Пугачёв или законный наследник. Здесь важна сама претензия, пусть даже самая отчаянная и романтическая. Очень показательным в этом смысле высказывается в «Опавших листьях» Василий Розанов, которого очень сложно заподозрить в симпатиях к тем, кто пытается покушаться на власть: «революционеры берут тем, что они откровенны. «Хочу стрелять в брюхо», – и стреляет» [11, с. 745]. Тем самым, власть как будто утрачивает свою священность, её тело оказывается уязвимым перед радикальным актом насилия. Существующая диспозиция власти теряет свою фундаментальность, становясь зависимой от воли бунтовщика.

Насилие сопряжено с большими издержками. Наряду с серьёзными рисками для бунтовщиков (насилие, исходящее не от государственных институтов, всегда противозаконно и жестоко наказуемо), существуют ещё и риски для случайных свидетелей акта насилия, которые могут оказаться «нравственным центром события – страшным символом издержек истории» [1, с. 298]. Сколько случайных жертв может вызвать воля бунтующего человека, выбравшего путь радикального диалога с государственными институтами.

Периоды политических трансформаций, пробуждающие у их субъектов ощущение справедливости насилия, традиционно связываются с большими объёмами репрессивного давления на общественное тело. Практика насилия может носить показательный характер. Показательная казнь

представителей власти захваченной Пугачёвым крепости предшествует более продолжительной по времени практике приятия новой власти.

Уровень концентрации насилия во власти только увеличивается. Правда, у правоведов здесь, безусловно, будут аргументы в его пользу. Обращение к текстам М. Вебера даёт возможность понимать легитимное насилие в качестве неизбежной данности, традиционно способствующей устойчивости государства, и позволяющей бесперебойно функционировать институтам. Вместе с тем, постоянное отправление насилия является всегда затратным мероприятием, что объясняет попытки рационализации насилия.

Нужно отметить, что государство может быть заинтересовано в том, чтобы периодически напоминать обществу о своей карающей ипостаси. Так, государство может поддерживать тренд на легитимацию жестокости и насилия, воскрешая из исторического и культурного забвения одиозных вождей. Это происходит в духе *soft power*. Памятник Ивану Грозному, установленный в октябре 2016 г. в Орле, служит определённым предупреждением той части общественности, что пытается критиковать современную российскую политику и в каком-то смысле сигнализирует о репрессивных намерениях власти. Что-то подобное можно сказать и о периодическом обращении к образу Сталина, использующегося в различных патриотических ритуализациях.

Власть и сомнение

Двойственный характер власти всегда предполагает сомнение. Рано или поздно перед властью актуализируется момент необходимости переосмысления происходящих событий. Призраки казнённых и репрессированных не дают спокойно спать не только палачам («Плохо спится палачам по ночам» – А. Галич), но и самому диктатору. Религиозность русской культуры, здесь, не отпускает своего конкретного носителя. Человек, наделённый властью, периодически склонен задумываться относительно своих поступков, так или иначе, измеряя их некими известными одному ему этическими сводами. На самом деле, данные установления могут представлять авторскую рецепцию религиозных стандартизаций добродетели и греховности. Это свойство русского характера, на наш взгляд, прекрасно описал О. Манделштам в автобиографическом «Шуме времени»

О. Манделштам, замечая, что «разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова» [7, с. 152].

Возможно, что именно здесь могут скрываться истоки частых переходов в русской культуре от гнева – к состраданию, от наказания и репрессии – к раскаянию за причинённую боль. Удивительная лёгкость, с которой человек в русской культуре отказывается от определённой картины мира в пользу новой мировоззренческой схемы, вообще, амбивалентность, характерная для человека в России, по мнению некоторых социальных антропологов, может восходить «к русскому обычаю туго пеленать новорождённых младенцами, и только иногда давать им свободно двигаться» [8, с. 45]. С точки зрения норвежского антрополога Ф.С. Нильсена, это, отчасти, может быть причиной частых переходов от холодному к тёплому в отношениях между людьми [8, с. 45].

Переосмыслению собственных решений всегда предшествует сомнение – долги, ночные размышления. В. Розанов как-то высказался по этому поводу в «Опавших листьях»: «Мало солнышка – вот всё объяснение русской истории. Да долги ноченьки. Вот объяснение русской психологичности» [11, с. 733].

В «Капитанской дочке» А. Пушкин был очень убедителен, изобразив Пугачёва в подобный вечерний час за накрытым столом. В период застолья и исполнения каторжанских песен «государь» находится в мечтательном, зачарованном состоянии. Обстановка настолько расслабляет его, делает его сентиментальным, восприимчивым. Пугачёв оказывается зависимым от ситуации, остановки, что проясняет его психологический портрет. Образ жестокого мятежника испытывает удивительную трансформацию: «Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъевлялись ничего свирепого... <...> ...Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю» [10, с. 176–178].

В этот самый момент Пугачёв предстает *другим*. Широкий диапазон объявления Пугачёва в различных ипостасях выглядит пугающим. М. Цветаева обратит внимание на это свойство бунтующего человека в эссе «Пушкин и Пугачёв»: «Вожатый пропадает – так подземная река уходит под землю» [13, с. 176–178]. Непредсказуемость Другого всегда вызывает тревогу, а если непредсказуемость исходит от непосредственного носителя власти, то поводы для

волнений существенно умножаются. В случае Пугачёва власть является ситуационной, что только способствует созданию неопределённости, трудной предсказуемости его решений. Если формальная власть в лице институтов государственной власти ещё может быть подчинена определённой логике и последовательности действий, то в случае неформальной власти, наоборот, могут не работать подобные критерии и оценки.

Но, как раз именно в подобные часы бунтующий человек нуждается в отдохновении, в переосмыслении собственных поступков. Правда, как раз именно после подобных передышек человек в русской культуре «заряжается» новой загадочностью, приобретая её в странствии, в движении, в длинном пути. Не случайно, что первая встреча Гринёва и Пугачёвым происходит в чистом поле, в момент надвигающегося бурана. Вовсе не случайно, что Пугачёв в тот момент оказывается один, в то время, как Гринёв находится в компании Савельича и ямщика. Даже в чистом поле, находящемся за рамками права, где, казалось бы, не работают институты власти, бунтующая, странствующая натура противопоставляется обществу, с существующими в нём иерархиями и «правилами игры».

К. Победоносцев как-то признается Д. Мережковскому: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» [2, с. 230–231]. Кажется, что данное признание целиком и полностью воспроизводит саму ситуацию сомнения, испытываемого бунтующим, «лихим» человеком.

В целом демонстрация политических решений требует меньшего времени, нежели их подготовка и осмысление. Можно вспомнить, как Пушкин изображает решение Пугачёвым участи Гринёва, после того, как тот был задержан по пути в Белогорскую крепость. У Пугачёва было два варианта – казнить и оставить Гринёва в живых. Итоговое решение принималось самим Пугачёвым, но, тем не менее, на него оказывали влияние его ближайшие соратники – Белобородов и Хлопуша, предлагавшие собственные варианты разрешения участи молодого офицера. Данные эпизод только усиливает значение ситуации сомнения в процессе подготовки и принятия решения? Решение можно считать в каком-то смысле политическим, потому как оно принимается под воздействием определённого давления со стороны обстоятельств – при этом Пугачёв учитывает позицию своего ближайшего

круга и оценивает преимущества и потери, открывающиеся в перспективе. Нужно понимать, что Пугачёв поневоле подражает в принятии решений власти высокого порядка. Даже избу, в которой живёт Пугачёв мужики называют «дворцом» [10, с. 198].

Необходимо понимать, что в политике практически отсутствуют готовые решения, принимающиеся в короткий срок. Чем выше уровень политики, тем меньше вероятности, что политический деятель будет действовать по наитию. В условиях развития современных политических процессов каждое решение требует подготовки и предполагает тщательный SWOT-анализ. Неслучайно власть окружает себя плотным кольцом всевозможных аналитиков и экспертов, до поры до времени, не проявляя желания комментировать какие-либо подробности. Для этого всегда есть «говорящие головы», наподобие современных пресс-секретарей, озвучивающих решения авторитетных инстанций власти.

Так уже выходит, что власть иногда решается на помилование.

Власть и помилование

Двойственность Пугачёва была неслучайно замечена М. Цветаевой, которой был свойственен рваный жизненный ритм. Пугачёв, действительно, представляется разным, двойственным. Равно, как и Пугачёв, в каком-то смысле, двойственным в оценках своего героя выступает и сам А. Пушкин. Пугачёв представляется им более народным в «Капитанской дочке», и более чуждым в конъюнктурном в историческом сочинении «История Пугачёвского бунта». И если в литературном аналоге данной истории Пугачёву может быть свойственно сострадание, и Пушкин пытается постигнуть истоки подобных жестов, то в исторической хронике ему уже не хочется изображать своего героя склонным к сантиментам и прощению. Пушкин является ограниченным дискурсом власти, определяющим автору границы дозволенного. Сложные отношения с императором Николаем I вряд ли было необходимо ещё больше обострять. Да и, в целом, автора сложно заподозрить в симпатиях к мятежникам, которым по тексту «Истории Пугачёвского бунта» даются весьма жёсткие характеристики. Отсюда Пушкин пытается рассуждать в дискурсе власти, языком власти, её аргументами.

Тем не менее, было бы невозможно представлять Пугачёва, не позволяющего

себе высокие акты прощения. Показательным выглядит эпизод из «Капитанской дочки», где «государь» массово прощает тех, кто сопротивлялся ему.

Важно понимать, что Пугачёв притязает на власть, и вместе с этим, на её двойственную природу, позволяющую чередовать наказание и помилование: «Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь» [10, с. 169].

Здесь следует вспомнить важное уточнение, сделанное когда-то Альбером Камю, акцентировавшем внимание на том обстоятельстве, что истоки бунта могут быть изначально «щедрыми» [3, с. 355]. Власть, безусловно, имеет репутацию периодически прощающей, что оставляет надежду тем, кто обращается к ней с просьбой. Так, возлюбленная Гринёва едет к императрице в Петербург для того, чтобы вымолить для него прощение. Показательно, с какими словами она обращается к Екатерине II: «Я приехала просить милости, а не правосудия» [10, с. 231].

Элиас Канетти в классическом тексте «Масса и власть» указывает, что «Помилование — это высоко значимый и концентрированный акт власти, ибо он предполагает приговор; до вынесения приговора помилование невозможно. В помиловании заключается также избрание... <...>... Свое высшее проявление власть демонстрирует там, где помилование приходит в последнее мгновение. Именно в миг, когда приговоренный должен принять смерть, под виселицей или перед строем солдат с заряженными ружьями, помилование является как новая жизнь» [4, с. 325].

В своё время это испытал Ф. Достоевский, что неизбежно сказалось на портретах его подпольных героев. Противоречивые, странные характеры никак не успокаиваются, являя себя высокими и героическими, равно, как подлыми и низкими, что является следствием «растворения этических норм» [5, с. 86]. Г. Кузнецова в «Грасском дневнике» вспоминала рассуждения И. Бунина об этой черте русской культуры, раскрывающейся в портретах героев Ф. Достоевского: русский человек «молится, а потом может так запалить в своего бога... как это свойственно всем дикарям, когда бог не исполняет их желаний. Но это не мешает ему потом опять поставить его перед собой, намазать ему губы салом, кланяться...» [6, с. 177]. Вот почему такой разный Пугачёв предстаёт перед нами в текстах А. Пушкина. В его противоречивом репертуаре действий говорит русская культура.

Таким образом, человек в русской культуре является обладателем двух крайностей, позволяющих ему одновременно сочетать состояние негодования и кротости одновременно. В случае, если позиция, занимаемая данным человеком, позволяет использовать власть и отправлять наказание, то это грозит серьёзными последствиями для тех, кому придётся испытать на себе его гнев. Власти дурманяще действуют на тех, кто жаждет сатисфакции за нанесённые обиды и причинённые неудобства. В таком случае наказание не заставляет себя долго ждать. С другой стороны, власть предполагает и некие благородные жесты, которые субъект может периодически осуществлять, расширяя, тем самым, собственную легитимность. Правда, в любом случае, для общества, вынужденного улавливать настроение перманентного диктатора, будут умножаться поводы для тревоги — ощущение неопределённости не может быть созидательно для самой культуры, делая её очень зависимой от текущей политической конъюнктуры.

Особенности русского характера, раскрывающиеся в двоичности Пугачёва, могут говорить и о специфике самой культурной традиции, в рамках которой может и предполагаться некая неопределённость. Наиболее ярко данные свойства культуры демонстрируют себя в моменты кризисов, в периоды политических трансформаций. Русская история буквально изобилует примерами подобных героев, а культурная память до сих пор хранит их имена. Топонимические комиссии, видимо, пока не получили санкцию «сверху» на предание их забвению.

1. Гинзбург, Л. Человек за письменным столом. [Текст] / Л. Гинзбург. Л.: Советский писатель, 1989. 608 с.

2. Гиппиус, З. Дмитрий Мережковский // Живые лица. Воспоминания. Т. 1. [Текст] / З. Гиппиус. Тбилиси: Мерани, 1991. 398 с.

3. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. [Текст] / А. Камю. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

4. Канетти, Э. Масса и власть. [Текст] / Э. Канетти. М.: Ad Marginem, 1997. 527 с.

5. Кашина, Н.В. Эстетика Ф.М. Достоевского [Текст] / Н.В. Кашина. М.: Высшая школа, 1975. 245 с.

6. Кузнецова, Г. Грасский дневник [Текст] / Г. Кузнецова. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. 496 с.

7. Мандельштам, О. Египетская марка. [Текст] / О. Мандельштам. Л.: Прибой, 1928. 191 с.

8. Нильсен, Ф.С. Глаз бури. [Текст] / Ф.С. Нильсен. СПб.: Алетейя, 2004. 348 с.

9. Пришвин, М.М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Дневники 1905–1954. [Текст] / М.М. Пришвин. М.: Художественная литература, 1986. 759 с.

10. Пушкин, А.С. Капитанская дочка. Избранная проза. [Текст] / А.С. Пушкин. М.: Художественная литература, 1978. 255 с.

11. Розанов, В. Метафизика христианства [Текст] / В. Розанов. М.: АСТ, 2000. 864 с.

12. Скиперских, А.В. Между Господом и господином: дискурс боли в текстах Ф. Достоевского: политико-культурное измерение. [Текст] / А.В. Скиперских // *Politbook*. 2015. № 4. 166–179.

13. Цветаева, М. Пушкин и Пугачёв [Электронный ресурс] / М. Цветаева. Наследие Марины Цветаевой // URL: http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_pushkin_i_pugachev (дата обращения: 10.11.2017).

14. Tilly, C. *Collective Violence in European Perspective*. / C. Tilly. University of Michigan, 1978. 70 p.

References

1. Ginzburg L. (1989). *Chelovek za pis'mennym stolom*. Leningrad, Sovetskij pisatel', 608 p. [in Rus].

2. Gippius Z. (1991). Dmitrij Merezhkovskij // *Zhivye lica. Vospominaniya*. T. 1. Tbilisi, Merani, 398 p. [in Rus].

3. Kamyu A. (1990). *Buntuyushchij chelovek*. *Filosofiya. Politika. Iskusstvo*. Moscow, Politizdat, 415 p. [in Rus].

4. Kanetti E.H. (1997). *Massa i vlast'*. Moscow, Ad Marginem, 527 p. [in Rus].

5. Kashina N.V. (1975) *Estetika F.M. Dostoevskogo*. Moscow, Vysshaya shkola, 245 p. [in Rus].

6. Kuznecova G. (2009) *Grasskij dnevnik*. St. Petersburg, Izdatel'skij dom «Mir», 496 p. [in Rus].

7. Mandel'shtam O. (1928) *Egipetskaya marka*. Leningrad, Priboj, 191 p. [in Rus].

8. Nil'sen F.S. (2004). *Glaz buri*. St. Petersburg, Aleteya, 348 p. [in Rus].

9. Prishvin M.M. (1986). *Sobranie sochinenij v vosmi tomah*. T. 8. *Dnevniky 1905–1954*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 759 p. [in Rus].

10. Pushkin A.S. (1978). *Kapitanskaya dochka*. *Izbrannaya proza*. Moscow, Hudozhestvennaya literature, 255 p. [in Rus].

11. Rozanov V. (2000). *Metafizika hristianstva*. Moscow, AST, 864 p. [in Rus].

12. Skiperskih A.V. (2015) *Politbook*, no. 4, pp. 166–179 [in Rus].

13. Cvetaeva M. *Pushkin i Pugachyov*. *Nasledie Mariny Cvetaevoj*, available at: http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_pushkin_i_pugachev (accessed 10.11.2016) [in Rus].

14. Tilly C. (1978) *Collective Violence in European Perspective*. University of Michigan, 70 p. [in Eng].

UDC 321.011

TWO PUGACHEVS: PUNISHMENT AND PARDON IN RUSSIAN CULTURE

Skiperskikh Aleksander Vladimirovich,
National Research University
Higher School of Economics,
Professor of the Department Chair of the
Humanities,
Doctor of Political Sciences,
Perm, Russia.
E-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Annotation

In the given article the author speculates upon how punishment and pardon practices in Russian cultural tradition go together. From the author's viewpoint, power resorts to both punishment and pardon for the benefits of political legitimation. In this case an act of authority compensates deficiency of legitimacy. Punishment and pardon practices are considered by the author in respect to the character of Pugachev created by A.S. Pushkin. Using the example of historical figure of Pugachev who had a literary "twin" in Pushkin's work it is clearly seen that power holder uses the resources for articulating political punishment and pardon practices. High frequency of encouragement and enforcement alternating, from the author's point of view, proves a special cultural tradition and characterizes a rebellious man in the Russian culture.

Key concepts:
revolt,
rebellious man,
power,
violence,
russian culture.

УДК 101

СОЦИАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ КАК БАЗИС ТьюТОРСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Баркова Валентина Васильевна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
профессор кафедры философии
и культурологии,
кандидат философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: barkova.vv@yandex.ru

Цилицкий Виталий Сергеевич,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
аспирант кафедры педагогики
и психологии,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: tsilitskyvs@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен социальной индивидуализации как составляющей тьюторского сопровождения. Особое внимание уделяется социально-философскому анализу проблемы социальной индивидуализации, описана её сущность и культурно-исторические траектории развития в социальном пространстве.

Ключевые понятия:
социальная индивидуализация,
тьюторство,
тьюторское сопровождение,
тьюторант.

Социокультурный кризис в условиях глобальных сдвигов в сферах экономического, социального и цивилизационных факторов развития общества резко обострил антропологические проблемы. Разрыв по уровню и темпам социального развития между государствами, влияние «идеологии потребления», десоверенизация многих государств сегодня определяют не только миграционные потоки мира, но и «миграцию идентичности», потребностей и целей, способностей и компетенций, смыслов и ценностей внутри целостности индивидуального бытия человека. Российское образование, вступив на путь модернизации и инновационного развития в условиях глобальных вызовов, именно с движением по инновационному картоиду в сфере оказания образовательных услуг населению, связывает воплощение в реальность цивилизационного прогрессирования России новых гуманитарных парадигм и целеполаганий [1]. Потребность в коих выстрадана необходимостью, по-новому задать параметры смыслов человеческого существования, переосмыслить отношение к истории человечества и человека, его микро- и макрокосму. Вызовы времени потребовали от российских образовательных технологий сменить традиционные представления об идеале образованного человека как константного и обусловленного функциональными требованиями сферы производства [2]. Нынешний человек, стоящий на перепутье жизненного пути обязан обладать мобильностью, профессиональной эффективностью, ориентированностью на удовлетворение спроса рынка труда и потребителя. С целью повышения эффективности системы образовательных услуг в России был осуществлён переход на Болонскую систему образования, главным приоритетом которой является личностное развитие, культурное самоопределение и формирование компетенций.

Гуманитарно-антропологический поворот в образовании и педагогике предполагает развитие и внедрение новых методологий изучения человека и образования. К числу таких инновационных программ и методологий относятся технологии индивидуализации социальности, которые стали одной из ключевых тем эпистемологических осмыслений в различных дисциплинарных системах когнитивистики. Особый интерес в реализации этих намерений вызывают философские рефлексии

позиций тьюторского сопровождения указанных процессов.

Тьюторское сопровождение – это особая педагогическая деятельность, направленная на реализацию принципа индивидуализации, включает организацию образовательной среды и сопровождение формирования и реализации тьюторантами своих индивидуальных образовательных программ [8]. Тьютор – это особая позиция педагога в образовательном процессе, новый ракурс в использовании профессиональных знаний, практического опыта, новые форматы трудоустройства, отчетности, аттестации и т.д. Впервые тьюторство оформилось в виде наставничества в британских университетах – Оксфорде XII веке и Кембридже XIII веке [3]. Доминиканский орден стал первым из орденов, поддерживавших монахов-школяров и молодых преподавателей в организации быта и обеспечении достаточного контингента слушателей. Тьютор задавал путь освоения материала и прихода к цели, задавал линии освоения его вглубь и вширь. Тьюторами в отличие от профессоров становились те, кто обладал способностями к рефлексии своего опыта самообразования и изобретал способы его передачи. Это было очень актуально для тех студентов, кто планировал стать профессионалом: так как в режиме самоорганизации образование в университете длилось по 10–20 лет. Тьюторство по сей день является основным институтом в системе образования стран Западной Европы [3]. Вместе с тем, если посмотреть на ландшафт явления феноменологии тьюторства, то истоки его бытия обнаруживаются в философских беседах Сократа, сочинениях Платона и Аристотеля, творчестве Эпикура и т.д. В поучениях великих учителей Лао-цзы и Конфуция. Должность тьютора ещё до времён М.В. Ломоносова уже существовала во многих учебных заведениях Российской империи. В школе «Эврика-развитие» г. Томска впервые в современной России практики индивидуализации стали проектироваться специально под этим именем ещё в начале 1990-х. Главными проектантами были выпускники философского факультета [8]. Однако сила индивидуализации социальной в образовании не только в мощных философских корнях, но и в конкретных педагогических методологиях и практических решениях. Индивидуализация в образовании предполагает формирование

у тьюторанта способности самостоятельно определять цели и средства своего учения. Осуществлять контроль, анализ и рефлексию результатов своего труда. Осознание необходимости и важности тьюторской педагогической деятельности в организации процессов социальной индивидуализации привело к тому, что 22 мая 2008 года в силу приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и его регистрации в Минюсте, этот вид педагогической практики получил юридическое оформление.

Анализ литературы позволяет вспомнить авторов, которые внесли существенный вклад в разработку проблемы научного осмысления тьюторства – А. Белл, К. Блекбурн, Д. Бушсел, Р. Веджери, Э. Гордон, Л. Дейви, Д. Макконнел, Д. Палфрейман, Д. Пиккеринг, Дж. Поллак, С.Е. Рим-Кауфман, М. Сойби, Л. Харасим, Д. Эллсон. Отечественные ученые – Л.М. Долгова, Т.М. Ковалёва, Е.Б. Колосова, М.К. Мамардашвили, А.А. Попов, В.М. Розин, Н.В. Рыбалкина, А.Н. Тубельский, Г.П. Щедровицкий, М.П. Черемных, Е.А. Челнокова и др.

За длительный период своего исторического развития деятельность тьютора подтвердила необходимость и значимость исполняемой им социальной работы, обеспечивающей полноценное выделение смыслов жизнедеятельности человеческого сущего, в рамках «заметившим себя его бытием». При этом человеческое сущее «здесь и сейчас» под пристальным вниманием тьюторского ока становится иным, чем прежде. Тьюторская методология мыслительности при помощи специальных образовательных программ и методик помогает тьюторанту понять необходимость развития уникальных потенциалов личного знания, осмысления живого опыта бытия других. В этом случае, как писал М.К. Мамардашвили, человек способен обеспечить себе шанс встретиться через познание с тем, что умели другие, а он нет [7]. По сути, до XX века философия не знала онтологической проблематики, напрямую связанной с человековедением. Декартовский дуализм не предполагал создание технологий интеллектуального взращивания человека, несмотря на «*cogito ergo sum*». Кант, обосновывая сведение всемирно-исторических философских проблем к проблеме «Что такое человек?», не включал вопросы онтогносеологического сопровождения последнего в пути его жизненных исканий

себя самого. М.К. Мамардашвили отмечал, что человек – это существо, которое есть в той мере, в какой оно самосозидается какими-то средствами, не данными в самой природе [7]. Нет такого средства в природе, которое самодействовало бы и порождало своим самодействием в человеке человеческое. Человеку не на что положиться вне самого себя. В этом плане презентация методологии тьюторского сопровождения процессов развития индивидуализированной социальности есть не что иное, как демонстрация способов и приёмов выявления творческих возможностей тьюторанта, способности делать их мерой самого себя сейчас и теперь, скульптурирование из всей этой природной наличности социальной индивидуальности в человеке.

Понятие социальной индивидуализации впервые было озвучено Г. Маркузе. Осмысляя сдвиги в современном обществе под влиянием технического, научного прогресса, он констатировал радикальное реформирование политико-правовых институтов, духовных ценностей, быта и хозяйственной деятельности. По мнению Э. Гидденса, это привело к сдвигу общественного сознания в сторону индивидуализации всего. Качество бытия человека стало зависеть от выбора им моделей распределения своей самости, способов выстраивания жизнедеятельности в условиях развитой рыночной экономики с её рисками, шансами и противоречиями. В 70-е годы XX века Э. Тоффлер описал феномен «шок будущего» – затруднённую психологическую адаптацию людей к стремительным переменам и выбору жизненных практик в постиндустриальном обществе. Кризисные процессы, порождая отсутствие социальных гарантий, риски утраты целостности индивида, провоцировали нарастание социальных деформаций и девиаций в социуме. В таких нестабильных условиях социального развития тьюторская деятельность стала более активно продвигать идеи развития социальной индивидуализации человека. Поскольку целью этой деятельности как раз является обучение тьюторантов находить средства и познавательные инструменты для самостоятельного достижения поставленных задач и выходов из тех или иных обстоятельств бытия. Тьютор направляет каждого к свободе выбора решения и ответственного действия. Учит опираться на собственные возможности, чтобы поступать эффектив-

но и с перспективой на будущее. Главной целью деятельности тьютора является организация формирования и реализации индивидуальной образовательной программы (ИОП) и создание избыточной прогрессивной образовательной среды и других условий для положительной реализации ИОП.

Тьютор постоянно выступает в роли посредника между обществом и субъектом, входящим в мир взрослости, а также теми, кто нуждается в его помощи. Он учит тьюторантов с учётом личных и социальных обстоятельств бытия намечать выборы жизненного пути, траектории личностного развития, в которых они могут затем осуществлять дальнейшее успешное движение. В.М. Розин к возможным маршрутам индивидуализации социального отнёс: мировоззренческие – философию, религию, эзотерику, рационализм и т.д. Служение общему благу и добру – направления, связанные с взращиванием нравственной, эстетической культуры человека. При этом тьютор, как медиатор, постоянно находится в пространстве траекторий развития и целевого самоопределения своего подопечного. Вместе с ним он осваивает возможности его личностного развития, переживает тернистость путей этого процесса. Он помогает ему ориентироваться в материальном и духовном культурном пространстве, поскольку его опыту известны многие её загадки, научные школы, персоналии. Поднимаясь на уровень философии и методологии науки, обозначает условия для самореализации, создающей себя личности, в которых та смогла бы раскрыть «саму себя» как штучный феномен. Таким образом, тьютор – не только носитель знаний, но и технолог философии по их использованию. Жизнь показывает, что эффективное решение задач хозяйственного, экономического, политического и культурного плана в условиях непредсказуемого развития социума, связано как раз с креативными действиями людей. Их умением применять свою интеллектуальную индивидуальность в конкретных условиях бытия. П. Штомпка писал по этому поводу, что не то, к кому я принадлежу, а то, что я сам делаю, определяет то, кто я есть на самом деле.

Индивидуализация социальности – это социальная реальность наших дней.

Поэтому социально-философские рефлексии по поводу иных технологий развития личности в социальных условиях XXI века, чем это было в формате 80–90 годов, представляет неоспоримый научно-теоретический и практический интерес. Через призму этого ракурса можно сравнивать разные образовательные системы, истории их развития, территориальные образовательные сети, образовательные городские и сельские среды, конкретные школы, вузы и т.д. Насыщенность возможностями индивидуализации социального со стороны системы образования важно наращивать и продвигать. С 60-х годов было опубликовано немало работ, связанных с исследованием проблем индивидуализации личности, где были предприняты попытки определить его содержательный аспект. Эволюция представлений об этом феномене нашла отражение в работах У. Джеймса, Э. Фрейда, К. Юнга, Ж. Пиаже, Э. Фромма, Э. Эриксона, А. Маслоу, К. Роджерса, Ю. Хабермаса, А. Гидденса, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, А.А. Гусейнова, И.С. Кона, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Поршнева, С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Эльконина и др. В результате под процессом индивидуализации социальности стали понимать развитие и самореализацию человека в качестве субъекта собственной жизни и деятельности, которая характеризуется накоплением опыта, развитием инициативности, самостоятельности, осознанности, свободы и ответственности личности. При этом, как отмечал М.К. Мамардашвили, основным противоречием самосознания человеком самого себя в окружающей его действительности, стала сама возможность «поместить себя в свою мысль» [7]. Не с точки зрения того, что нужно «правильно» и адекватно отразить свое «Я» в некоем «образе-Я», а в том, чтобы быть способным к интерпретации своих мыслей о себе, уметь мысль о себе сделать собою. Самопознание человеком «самого себя» всегда предшествует всякому процессу социализации. Внутренний опыт самоосмысления самого себя предстаёт как кумулятивный результат жизни и самоистолкование ситуаций, которые человек переживал, обретая образцы и модели поступков, критерии оценок, характеристики своей персоналогичности, которую необходимо было «выворотить», вытащить из омута мучительно невнятной, нерелексивной иллюзорной объектив-

ности. Подвести к осмысленному видению реальности, «овозможиванию» собственного бытия в бытие других. Самоосознание человеком «самого себя в себе самом» является тем базисом, на котором индивидуум начинает осознанно выстраивать ценностно-смысловые, деятельностные отношения и шаги в познании новых ситуаций в развивающейся социальной реальности. Именно тьютор корректно обозначает перед субъектом необходимость открывать приемлемые маршруты реализации своих жизненных выборов, указывает способы разрешения возникающих при этом экзистенциальных ситуаций, что порождает в тьюторанте потребность «практики себя»: чувственной, интеллектуальной, духовной и т.д. Он учится улавливать вызовы социальной реальности в сети понимающего слова, искренне стремиться озвучить для себя смыслы ситуаций, в которых находится. Подняться, опираясь на них, над горизонтом обетованного мира. В этих дерзаниях «умным зрением» для развивающейся личности становится тьюторское сопровождение. Ощущая «включённость» в темпоральные ритмы бытия, тьюторант улавливает, фокусирует и «распредмечивает» в своей жизни онтологические и гносеологические основания повседневного мира реальности. Выискивает возможности в нём для осуществления своей индивидуализирующей социальности, «втягивая» в себя результаты опытов других. Становится способным видеть, в приоткрывшихся зазорах бытийности, изменяющиеся границы своего бытия: то, что оно есть сейчас, и то, чем оно должно стать в будущем, если он будет работать над собой. Именно тьюторское сопровождение даёт человеку шанс шаг за шагом подниматься на уровень соответствия неким сложившимся общечеловеческим представлениям о сущности человеческого бытия.

Тьютор, реализуя задачу своих профессиональных действий – помочь тьюторанту стать индивидуализированной социальностью, стремится заложить в нём потребность обосновывать и аргументировать суждения, действия, выбор траектории развития и технологий «сбывания» в них. Ставить свою мысль «на ноги», учить её «ходить» под прищотом собственного умного зрения. Пропуская через сознание при помощи тьютора опыты исканий других, тьюто-

рант осуществляет сознательный выбор собственной тропы «возделывания» самого себя. Проецируя в фибры своей души жизненный потенциал исторического опыта дисциплинарной культуры, делает его детерминантой духовного роста и самостоятельного развития. Это означает, что он «узнаёт» опыты принципиально схожих экзистенций и, осмысливая их, использует для выстраивания онтологических и эпистемологических конструктов собственной индивидуализированной социальности. Г.В.Ф. Гегель писал, что узнавать в чужом своё, осваиваться в нём есть основное движение духа, смысл которого – только в возвращении к себе самому из небытия. Действительно, от природы человек не является тем, чем он должен быть. Поэтому он вынужден обращаться к сознанию других, перемещая, по словам Дильтея, его в собственную субъективность, где другой наполняет смыслом его существование, а поэтому с необходимостью входит в онтологию его сознания. Это позволяет человеку учиться замечать и понимать то общее, которое относительно соразмерно ему и, которое определяет его особенное, ментальное. Открытость познанию, способность к самостоятельным и ответственным решениям и действиям есть не что иное, как обнаружение индивидуализированной социальностью «себя в себе самой». Способность «Я» становиться индивидуализированной социальностью, делать это состояние объектом интроспекции тесно связано с дифференциацией расширяющегося внутреннего опыта, что обеспечивает его стабильность и устойчивость в изменяющихся условиях внутреннего и внешнего мира. Позволяет мыслить себя самодостаточным субъектом, осознавая отличия «своего Я» от «Я» другого.

Человек, постоянно пребывая внутри инновационных проектов, адаптируется не столько к внешней, объективно существующей среде, сколько к социальному пространству, которое создаёт и творит сам. Проектируя в нём собственное бытие по зову способностей своего «Я» и ожиданий, не всегда соответствующим внутренне осознанным и неосознанным потребностям и стремлениям. Тьюторант не способен сам по себе продуктивно обозначить ментальные пределы своих способностей и возможностей, исходя из самого себя, то есть с внутренней стороны своей бытийности.

Экзистенциальную неопределенность его бытийности можно диагностировать как не маркированность «границ индивидуального». Что побуждает тьютора прочерчивать внешнюю по отношению к его матричным структурам границу через «нечто вне его самого» для того, чтобы сформировать предметное поле его интересов и положить конец внутренним затруднениям тьюторанта. Эта филигранная работа и является миссией тьюторской деятельности. «Я» – всего лишь словесное утверждение, пока оно не обретает тех свойств, которые способно само выносить как «Я», как ответственность «Я» перед «другими», миром в целом. «Следы» саморазвития тьюторанта отслеживаются тьютором через аналитику содержания его проб и ошибок, образовательных достижений и характеристики индивидуального образовательного пространства.

Тьюторская деятельность затрагивает такие системные объекты, как общество, история и человек. По-разному встраивающих свои обертоны в тех или иных исторических темпоральностях в решение рассматриваемых проблем. Корреляция общей методологии тьюторских разработок, траекторий индивидуального образовательного пространства, механизмов и способов индивидуализации социального приводит к необходимости комплексного, междисциплинарного подхода в осуществлении этих процессов. Комплексное представление о сущности тьюторской деятельности базируется на онтологическом допущении, согласно которому объект анализа отличается многовекторностью и разнообразием. Матричными характеристиками технологий тьюторской деятельности, являющихся зародком условий социальной индивидуализации, являются методы физической антропологии, социологии, философии, культурологии, социальной психологии, политической географии, экономических наук, синергетики. Перечисленные дисциплины далеко не исчерпывают доказательную базу необходимости тьюторского сопровождения индивидуальной социализации в современных условиях социального бытия. Они лишь подчеркивают существование в общественном пространстве множества факторов её формирования, которые в совокупности придают истории человечества и человека смысл, обеспечивая общее ориентиро-

вание в действительности бытия, направляя жизненную стратегию и программу поведения человека в его отношении к миру, учат стратегии жизни, каким надо быть, чтобы быть человеком.

1. Барбарига, А.А. Британские университеты [Текст] / А.А. Барбарига, И.В. Федорова. М., 1979. 126 с.
2. Баркова, В.В. Российское самосознание и тенденции его развития [Текст] / В.В. Баркова // Аналитика культурологии. 2012. №23. 174–178 с.
3. Баркова, В.В. Философский лик метафоры «Экология души» [Текст] / В.В. Баркова // Социум и власть. 2013. № 5. 101–106 с.
4. Борисов, С.В. Философия образования и науки: методические рекомендации [Текст] / С.В. Борисов. Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2016. 98 с.
5. Игнатович, Ю.В. История английских университетов [Текст] / Ю.В. Игнатович. СПб., 1861.
6. Маркузе, Г. Индивид в великом обществе [Текст] / Г. Маркузе // Критическая теория общества. М.: АСТ: Астрель, 2011.
7. Мамардашвили М.К. Современная европейская философия (XX век) [Текст] / М.К. Мамардашвили // Логос: философско-литературный журнал. 1991. № 2. 109–130 с.
8. Рыбалкина, Н.В. Идея тьюторства – идея педагогического поиска [Текст] // Тьюторство: идея и идеология: материалы 1-й межрегиональной тьюторской конференции. Томск, 1996. 15–30 с.

References

1. Barbariga A.A. (1979) Britanskije universiteti. Moscow, 126 p. [in Rus].
2. Barkova, V.V. (2012) *Analitika kul'turologii*, no. 23, pp. 174–178 [in Rus].
3. Barkova, V.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 101–106 [in Rus].
4. Borisov, S.V. (2016) *Filosofija obrazovanija i nauki: metodicheskie rekomendacii*. Cheljabinsk, Izd-vo Cheljab. gos. ped. un-ta, 98 p. [in Rus].
5. Gromyko N.V. (1995) *Kentavr: al'manah*, Moscow, no. 1, pp 23–34 [in Rus].
6. Ignatovich Ju.V. (1861) *Istorija anglijskih universitetov*. St. Petersburg [in Rus].
7. Mamardashvili M.K. (1991) *Logos: filosofsko-literaturnyj zhurnal*, no. 2, pp. 109–130 [in Rus].
8. Rybalkina N.V. (1996) *Ideja t'jutorstva – ideja pedagogicheskogo poiska / T'jutorstvo: ideja i ideologija*. Tomsk, 15–30 p. [in Rus].

UDC 101

SOCIAL INDIVIDUALIZATION AS A BASIS OF TUTOR ASSISTANCE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE PROBLEM

Barkova Valentina Vasilyevna,
South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Professor of the Department
Chair of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy),
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: barkova.vv@yandex.ru

Tsilitskiy Vitaliy Sergeevich,
South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Post-graduate student
of the Department Chair
of Education and Psychology,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: tsilitskyvs@mail.ru

Annotation

The article considers the phenomenon of social individualization as a part of tutor assistance. Special attention is given to social and philosophical analysis of the problem of social individualization, its essence and cultural and historical trajectories of development in social space are described.

Key concepts:
social individualization,
tutoring,
tutor assistance,
tutorant.

УДК 101.1-9

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ФИЛОСОФСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С МОЛОДЫМИ ХУДОЖНИКАМИ

Часть 1

Зозуля Ольга Юрьевна,

Челябинский государственный институт культуры, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства, кандидат педагогических наук, г. Челябинск, Россия.
E-mail: zolgay@yandex.ru

Зозуля Юрий Иванович,

Уфимский государственный нефтяной технический университет, доцент кафедры вычислительной техники и инженерной кибернетики, доктор технических наук, г. Уфа, Россия.
E-mail: zyi@hotmail.ru

Клебанов Игорь Иосифович,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, кафедра математики и методики обучения математике, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), доцент кафедры физической электроники, кандидат физико-математических наук, г. Челябинск, Россия.
E-mail: klebanov.igor2010@yandex.ru

Аннотация

В статье излагаются основы метода логико-семантического моделирования. Рассматриваются логико-семантические модели художественно-творческого потенциала и предметной области (цветоведение).

Ключевые понятия:

творческий потенциал, логико-семантическое моделирование, цветоведение.

Человек есть мера всех вещей.

Протагор

В педагогике творческого развития и саморазвития актуальной является задача определения и моделирования путей развития потенциала творческой личности молодого художника в коллективе студентов творческого вуза, в том числе вуза культурно-художественного профиля.

Постановка данной задачи, на наш взгляд, должна включать в себя два аспекта: во-первых, она должна ориентировать художника-педагога на использование определенных моделей творческого процесса и личности творца; во-вторых, художнику – педагогу необходимо дать четкое представление о модели творческой среды, в которой предстоит осуществлять свою деятельность учащимся и, что еще более важно, донести эти модели до сознания молодого художника, помочь ему сформировать свое видение «мира», в котором ему предстоит осуществлять свою профессиональную деятельность, понять свой «персональный миф» [5].

Настоящая работа открывает серию статей, целью которых является привлечение внимания преподавателей творческих вузов к разработанной авторами методологии работы с молодыми художниками [4], которая пригодна в целом для работы со студентами любого творческого вуза или отдельной творческой специальности вуза. В первой части статьи излагаются теоретические основания практики логико-семантического моделирования предметной области творческой деятельности и художественно-творческого потенциала учащегося. Во второй части излагается авторский подход к изучению профессионального «мира» художника и «техника» философского консультирования [2, 3] молодого художника, позволяющая педагогу донести до сознания учащегося вуза культурно-художественного профиля его «персональную онтологию». В третьей части демонстрируется эффективность разработанной методологии при работе со студентами творческих специальностей вузов иных профилей.

1. Логико-семантические модели предметной области

Одной из основных форм рационального описания объектов – сущностей в определенной предметной области является понятие. Понятия изучаются в рамках топологии и семиотики (наука о знаках). Вся

предметная область деятельности творческой личности (например, для художника – область цветоведения) называется универсумом или родом понятия. С помощью понятия разные объекты – сущности универсума собираются в класс посредством указания на их отличительные и общие признаки. Универсуму соответствует исчерпывающее его универсальное (родовое) понятие (например, цвет в цветоведении). Отдельным подмножествам объектов универсума соответствуют видовые понятия данной предметной области. Понятие имеет две основные логические характеристики: интенциональную (содержание), изучаемую содержательной логикой и экстенциональную (объем), изучаемую формальной логикой. Содержанием понятия называется совокупность существенных содержательных признаков, отраженных в этом понятии. Объем понятия – это множество предметов (например, множество цветов в цветоведении), имеющих признаки, относящиеся к содержанию этого понятия.

Кроме основного своего содержания, понятие в языке может иметь дополнительное содержание – смысл, характеризующий отношение человека к обозначаемому предмету (коннотативное значение, например, зеленый цвет – это цвет жизни). Изучение коннотативных значений осуществляется с помощью семантического шкалирования. Проведенные исследования доказали межкультурную и межиндивидуальную устойчивость структуры коннотативных значений, которая представляется в трехмерном признаковом пространстве с тремя базовыми признаками сходства между объектами – сущностями предметной области [4].

В психологии цветового восприятия коннотативное значение используется для описания семантических отношений между свойствами отдельных цветов. Примером хорошо изученного семантического пространства является пространство цветоразличения, при построении которого учитывается, что цвета могут быть представлены определенными точками в этом пространстве и имеется отношение сходства (тождества и различия), мерой которого является расстояние между точками представления этих цветов в пространстве цветоразличения (точками цветового тела).

Если предметная область характеризуется относительно небольшим числом (не более ста) хорошо определенных понятий, то решается задача их систематизации,

построения системы понятий и разработки ее логико-семантической модели. Под системой понятий понимается совокупность понятий, описывающих предметную область (род), разделенную на подмножества (виды), между которыми существует отношение сходства [4]. Данные подмножества характеризуют единое родовое понятие. Задача систематизации понятий не имеет единственного решения, поэтому разные решения задачи представляются в виде разных логико-семантических моделей. Для построения логико-семантических моделей используются: базис (набор основных признаков), законы формирования целого и двойная система координат [4].

Так, при систематизации понятий о разных цветах, кроме декартова базиса R, G, B , вводится базис цилиндрической системы координат, характеризующий цветовой тон, насыщенность и светлоту. Эта система координат учитывает тот факт, что для каждого цвета существует дополнительный цвет, смешение с которым приводит к восприятию серого ахроматического цвета, соответствующего точке начала координат трехмерного пространства цветоразличения, находящейся на выделенной оси ахроматических цветов на равном удалении от точек, соответствующих белому и черному цветам. Проекция любой точки цветового тела на эту ось характеризует светлоту воспринимаемого цвета.

Одинаковые по яркости цвета в пространстве цветоразличения соответствуют точкам цветового тела, которые расположены на отдельной цветовой сфере с центром в начале координат трехмерного пространства цветоразличения. Точки, соответствующие черному и белому цветам, находятся на полюсах наибольшей по радиусу цветовой сферы, а точки, соответствующие насыщенным (чистым) цветам, располагаются на линии экватора этой сферы в плоскости, равноудаленной от ее полюсов (на цветовом круге, в который вписан цветовой треугольник, вершины которого соответствуют базовым цветам R, G, B). Дополнительные цвета соответствуют диаметрально противоположным точкам цветового круга. Точка, соответствующая определенному цвету, может быть описана с использованием математических моделей в двух взаимосвязанных системах координат: декартовой и цилиндрической. При этом вектор, соответствующий белому цвету, равен сумме векторов, соответствующих базовым цветам R, G, B .

Начинающие и молодые художники обучаются цветоразличению таким образом, чтобы научиться профессионально определять меру сходства и различия цветов отдельных частей изображаемых объектов природы и их изображений в творческом произведении профессиональных художников близкой художественной школы.

2. Моделирование художественно-творческого потенциала

Аристотель, вводя понятие потенциала, считал, что этим понятием обозначается процесс формообразования всего сущего, наглядно представляемый с помощью топика (на основе графов-топов) [1].

Творчество является необходимым условием развития материи, образования ее новых форм, с возникновением которых меняются и сами формы творчества.

Художественно-творческий потенциал – это универсальное целостное качество человека, содержательная определенность которого проявляется в художественно-творческой деятельности начинающих и профессиональных художников путем приращения материально-духовных ценностей, а также в саморазвитии и самореализации их творческих личностей. Характерной особенностью деятельности художника является отображение окружающей среды (внешнего и внутреннего мира художника) в художественно-образной форме.

Под художественно-творческим потенциалом мы понимаем совокупность творческих качеств личности учащегося и его изобразительных возможностей, которые являются внутренним условием его творчества в процессе изобразительной и декоративно-прикладной деятельности [4].

Нами предложен метод многоуровневого моделирования системных связей между индивидуально-психологическими особенностями учащегося (его творческим темпераментом), создаваемыми педагогическими условиями, и изобразительными формами близкой учащемуся художественной школы, необходимыми для поступательного развития художественно-творческого потенциала его личности. В рамках метода логико-семантического моделирования художественно-творческого потенциала учащегося, предложенного нами в работе [4] для освоения художественно- творческой де-

ятельности художника и принятия творческих решений учащимся предлагается использовать логико-семантические модели системы таких понятий, как «творческий темперамент», «содержательная форма», «генезис содержательных форм». В качестве примера рассмотрим подробнее логико-семантическую модель творческого потенциала.

Многомерная логико-семантическая модель анализируемого нами понятия «творческий потенциал» строится в работе [4] следующим образом. Логико-семантическая модель представляет собой трехмерную (многослойную) сферическую диаграмму, состоящую из нескольких слоев (слои разделяются ориентированными сферами). Ориентированные сферы, отражающие направленность деятельности, имеют выделенную ось вращения с двумя полюсами A и \bar{A} , соответствующими противоположным признакам понятия «потенциал» («потенциальное – актуальное»). На рис. 1 отдельная сфера трехмерной логико-семантической модели представлена в виде двухмерного изображения.

Равноудаленные от полюсов точки сферы, находящиеся на линии экватора, соответствуют возможным решениям противоречия понятия «потенциал» применительно к творческой деятельности художника. Выше и ниже линии экватора находятся точки, соответствующие несбалансированным определениям анализируемого нами понятия, в которых акцентируется внимание на сторонах «актуальное» или «потенциальное» понятия «потенциал».

Координатные оси трехмерного пространства понятия творческого потенциала выбираются так, чтобы вращение сферы было алгебраической суммой трех независимых вращений относительно координатных осей базиса.

На пересечениях линий деятельности находятся аттракторы (точки притяжения) областей сферы, ограниченных этими линиями, соответствующие отдельным семантическим группам логико-семантической модели. Из них три пары областей, точки притяжения которых находятся на экваториальной линии, по своим признаковым характеристикам соответствуют сбалансированным определениям понятия «творческий потенциал» (a, b, c, d, e, f).

– воображению (\mathcal{E} – активное, $\bar{\mathcal{E}}$ – пассивное),

– новациям (H – открытость всему новому, \bar{H} – понимание и принятие уникальности любой личности),

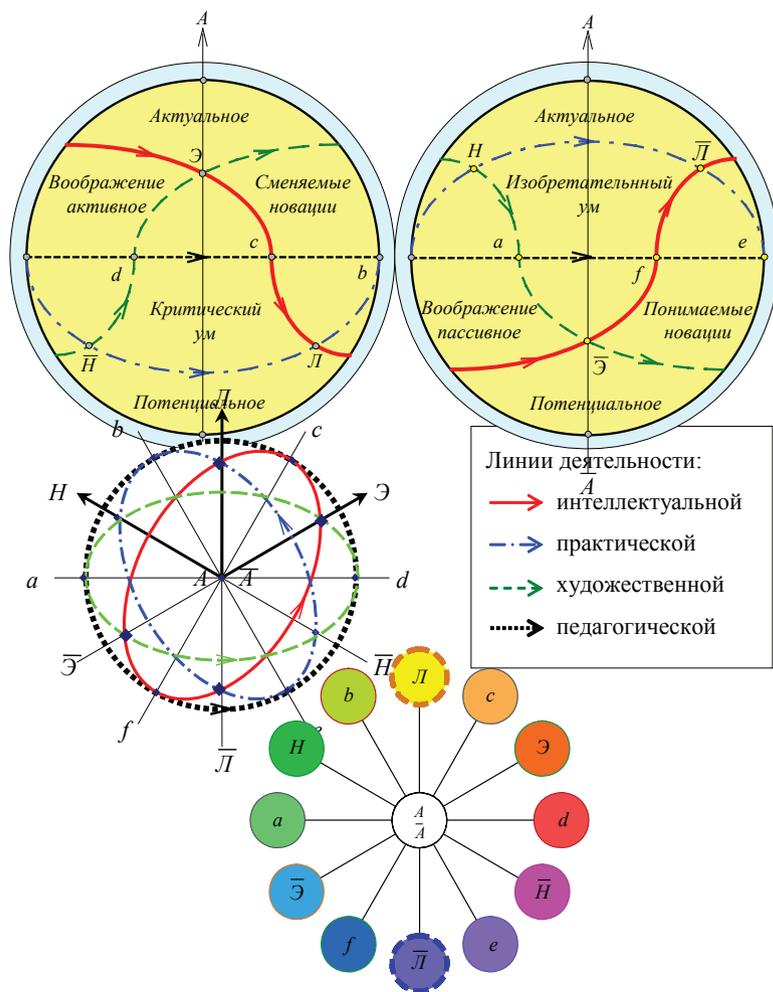

Рисунок 1. Логико-семантическая модель понятия «творческий потенциал» (ориентированная сфера, характеризующая слой творческих качеств)

– интеллекту (Л – критический ум, \bar{L} – изобретательный ум).

Трем осям пространства рассматриваемой логико-семантической модели соответствуют пары признаков: «активное – пассивное» (ось – Э– $\bar{Э}$), «сменяемое – понимаемое» (ось – Н– \bar{H}), «критическое – изобретательное» (ось – Л– \bar{L}). Семантика пространства наглядно представлена на рис. 1 в виде двумерных изображений:

– развертки поверхности сферы (рис. 1, а), на которой три основных вида творческой деятельности представлены направленными линиями (интеллектуальный – непрерывная линия, художественный – пунктирная линия, практический – штрихпунктирная линия). Объединяющая их педагогическая деятельность

представлена линией экватора;

– проекции аттракторов областей сферы на экваториальную плоскость с проходящими через них линиями деятельности (рис. 1, б);

– проекции точек притяжения областей сферы на экваториальную линию схемы понятия «творческий потенциал» (рис. 1, в).

В результате мы имеем возможность наглядного представления и анализа связей между признаками родового понятия «потенциал» и видового понятия «творческий потенциал». Как следствие определяются производные от них понятия, характеризующие творческий потенциал личности по отношению к основным видам творческой

деятельности: интеллектуальной, художественной и практической.

Рассмотренная логико-семантическая модель понятия «творческий потенциал» и методология логико-семантического моделирования позволяют художнику-педагогу построить рациональную картину как своего творчества, так и творчества своих учеников, что является базисом для организации системы художественного и философского консультирования молодых художников.

1. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б.Г. Ананьев. 2-е изд. СПб.: Питер, 2001. 260 с.

2. Балашов, Л.Е. Практическая философия [Текст] / Л.Е. Балашов. М.: МЗ-Пресс, 2001. 320 с.

3. Борисов, С.В. Эпистемология наивного философствования [Текст] / С.В. Борисов. М., 2007. 368 с.

4. Зозуля, О.Ю. Развитие творческой личности в коллективе молодых художников [Текст] / О.Ю. Зозуля: монография. Уфа: ГУП «Издательство «Башкортостан», 2012. 176 с.

5. Карасев, Л.В. О символах Достоевского [Текст] / Л.В. Карасев // Вопросы философии. 1994. №10. С. 90–111.

6. Рындак, В.Г. Творческий потенциал учителя как педагогическая категория. Понятийный аппарат педагогики и образования: сб. науч. тр.: Образование: исследовано в мире [Электронный ресурс] / В.Г. Рындак. URL: www.oim.ru (дата обращения: 21.01.2017).

References

1. Anan'ev B.G. (2001) O problemah sovremennogo chelovekoznanija. Sankt Peterburg, Piter, 260p. [in Rus].

2. Balashov L.E. (2001) Prakticheskaja filosofija. Moscow, MZ-Press, 320 p. [in Rus].

3. Borisov S.V. (2007) Jepistemologija naivnogo filosofstvovanija. Moscow, 368 p. [in Rus].

4. Zozulja O.Ju. (2012) Razvitie tvorcheskoj lichnosti v kollektive molodyh hudozhnikov. Ufa, GUP «Izdatel'stvo «Bashkortostan», 176 p. [in Rus].

5. Karasev L.V. (1994) Voprosy filosofii, no. 10, pp. 90–111 [in Rus].

6. Ryndak, V.G. Tvorcheskij potencial uchitelja kak pedagogicheskaja kategorija. Pонjatiyjnyj apparat pedagogiki i obrazovanija: sb. науч. tr.: Obrazovanie: issledovano v mire, available at: www.oim.ru (accessed 21.01.2017) [in Rus].

UDC 101.1-9

THEORY AND PRACTICE OF LOGICAL AND SEMANTIC MODELING AND PHILOSOPHIC CONSULTING IN TRAINING YOUNG ARTISTS.

PART I

Zozulya Olga Yuryevna,

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,

Associate Professor of the Department Chair of Applied and Decorative Arts, Cand. Sc. (Education),

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: zolgay@yandex.ru

Zozulya Yuriy Ivanovich,

Ufa State Petroleum Technological University,

Associate Professor of the Department Chair of Computing Technology and

Engineering Cybernetics,

Doctor of Engineering Science,

Ufa, Russia.

E-mail: zyi@hotmail.ru

Klebanov Igor Isifovich,

South Ural State Humanitarian Pedagogical University,

The Department Chair of Mathematics and Methods of Teaching Mathematics,

South Ural State University (National Research University),

Associate Professor of the Department Chair of Physical Electronics,

Cand. Sc. (Physics and Mathematics), Chelyabinsk, Russia.

E-mail: klebanov.igor2010@yandex.ru

Annotation

The article presents basic concepts of the logical and semantic modeling. The authors consider models of artistic creative potential and topical area (color science).

Key concepts:

creative potential, logical and semantic modeling, color science.

УДК 321.61

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ УТВЕРЖДЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Коршунова Надежда Владимировна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
исторический факультет,
заведующий кафедрой отечественной
истории и права,
доктор исторических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: korshunovanv@csru.ru

Аннотация

В статье анализируются причины и последствия политических заговоров и переворотов в истории России XVIII – начала XIX вв. Рассматривается проблема утраты авторитета верховной власти на протяжении указанного периода при сохранении абсолютной монархии. В течение всего XVIII и в начале XIX в. не единожды ставился вопрос о политических реформах, но он так и не получил своего разрешения.

Ключевые понятия:

дворцовый
государственный переворот,
престолонаследие,
заговор,
цареубийство,
политическая элита,
Петр I,
Екатерина II,
Павел I.

Политическая история XVIII в. получила название периода «дворцовых переворотов», «дворских бурь», «революций» [7]. Само наименование этих событий, их хронологические рамки и последствия вызывают много споров. Как бы мы ни определили их – государственный или дворцовый переворот, «революция», «возмущение», удар – суть от этого не меняется.

Понятие «Дворцовый переворот» впервые употребил С.М. Соловьев [11, с. 12], широко известен он стал благодаря В.О. Ключевскому, который назвал события со смерти Петра I до воцарения Екатерины II «эпохой дворцовых переворотов» [8, с. 236, 238]. Большинство современных исследователей относят к этому периоду вступление на престол Александра I и даже восстание декабристов. Не вдаваясь в детали этого спора, достаточно подробно представленного в историографии, отметим, что работ, посвященных теоретическому анализу природы политической нестабильности XVIII – начала XIX в., крайне мало. Конечно, такие современные исследователи, как Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский, А.Н. Медушевский, М.А. Бойцов, И.В. Курукин анализировали отдельные причины переворотов. Авторы обозначили, что это была «плата за реформы Петра I». Однако в чем она заключалась, ответа не найдено. Более того, совсем не ясно, как и почему за реформы Петра I заплатил, например, император Павел I, который издал новый Указ о престолонаследии.

При императоре Петре I был официально закреплён статус монарха в ряде документов, в частности, в толковании к 20-му артикулу Воинского устава (1716 г.) говорилось: «... Его Величество есть самодержавный Монарх никому на свете в своих делах ответ дать не должен; но и силу власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь по своей воле и благомнению управлять». В доказательство данного права монарха Петр I издает Указ о престолонаследии, где отменяются какие-либо правила престолонаследия, кроме воли действующего монарха.

Помимо законодательного, верховная власть получила еще и идеологическое обоснование в «Правде воли монаршей» Феофана Прокоповича. В этом документе дается объяснение природы монаршей власти согласно Св. Писанию и теории общественного договора и, как следс-

твие, обоснование принятия вышеназванного указа. Феофан Прокопович трактовал природу верховной власти, оперируя понятиями «естественной природы», «естественного состояния» и «естественного закона». Согласно данному документу, русские заключили между собой «общественный договор», передав властные полномочия монарху. Русский государь получил власть согласно народной воле: «согласно вси хотим, да ты [царь – Н.К.] к общей нашей пользе владеши над нами вечно, т.е. понеже смертен еси, тогда по тебе ты-же сам впредь да и оставляши нам наследного владетеля, мы же единожды воли наши совлекшися, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употреблять не будем, но как тебе, так и наследникам твоим по тебе повиноваться клятвенным обещаниям одолаемся и нашим по нас наследников долженством обяжем». Следовательно, монарх в России обладает не только личной автономной властью, но и имеет право назначать себе наследников.

Таким образом, «Правда воли монаршей» предполагает следующие основные постулаты монархической власти: первое, верховная власть имеет всенародную пользу, даже если народу это не нравится, лишь бы не было «народу вредно и воли Божьей не противно». Второе, народ должен беспрекословно повиноваться своему государю: «без прекословия и роптания вся от самодержца повелеваема творить». Третье, народ не может судить своего государя, так как самодержавная власть «есть неподвижная, никакому же суду человеческого не подлежащая и весьма неприкосновенная». Наконец, четвертое, народ ничего не может приказать своему государю: «не может народ повелети что-либо монарху своему» [9].

Таким образом, в «Правде воли монаршей» верховная власть впервые задумалась об обосновании перед своими подданными собственных пределов и полномочий. Возникает вопрос – почему? Кто адресаты новых идей? Зачем императору доказывать, что он может управлять самодержавно? Вероятнее всего, проблема была в другом. Seriously реформируя всю политическую систему России, Петр I остро почувствовал самое слабое место неограниченной власти монарха – наследование этой власти не идейным, а исторически данным наследником. Этот наследник далеко не всегда может захо-

теть продолжать дело своего родителя и даже способен выступить против него. Петр I принимает радикальное решение – заменить законную форму передачи верховной власти на завещательную. Монарх, правитель, реформатор «выращивает» себе наследника, естественно, из ближайшего окружения, имеющего кровнородственные связи и передает ему престол. Возможно ли такое? История доказала, что нет.

Положение и широта власти монарха при отсутствии каких-либо законных рычагов воздействия на верховную власть определяется, прежде всего, наличием у него социальной опоры. Так, в рамках формирования нового государства Петр I серьезно реформировал механизм государственной службы, окончательно закрепив приоритет выслуги перед родом. Теперь статус представителей правящего сословия стал зависеть не от знатности рода, а от «полезности» государю и государству. Этому же процессу способствовало стирание граней внутри высшего сословия, названного Петром I шляхтой, а затем получившего официальное наименование – благородное дворянство. Как известно, в марте 1714 г. по известному указу царя «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществях» (известный указ «О единонаследовании») вотчина и поместье были юридически уравниены. Поместное жалование полностью было заменено денежным, а все шляхтичи (и бояре и дворяне) должны были служить государю, причем с рядовых, постепенно поднимаясь по служебной лестнице.

Однако у этой системы была и обратная сторона. Как судьба каждого дворянина зависела от благосклонности царя, так и судьба монарха зависела от преданности высшего, служилого сословия. Здесь необходимо заметить, что облик дворянина за первую половину XVIII в. претерпел некоторые изменения. Обязательность государственной службы, введенная Петром I, заставила дворянских недорослей надеть мундир, получить хотя бы скудное образование и «прикоснуться» к государственным делам. Радикальные преобразования Петра Алексеевича требовали преданных исполнителей, «новых» чиновников, в роли которых и выступило «новое дворянство» или шляхта. Они, с одной стороны, были лично всем обязаны царю, с другой – были свободны от старых (местнических) традиций, учи-

лись и начинали мыслить и действовать самостоятельно.

Сложная ситуация с престолонаследием, образовавшаяся после смерти Петра I, еще более усилила ее значение. Опираясь на гвардейские полки, А.Д. Меншиков обеспечил приход к власти Екатерины I; отсутствие понимания и поддержки гвардейского офицерства у членов Верховного Тайного совета позволили Анне Иоанновне отвергнуть уже подписанные «Кондиции»; Елизавета Петровна, выросшая на глазах у гвардейских офицеров, крестившая их детей, легко увлекла за собой гвардию на свержение законного (пусть и годовалого) монарха. Служба в гвардии была очень престижным, но совершенно не выгодным в материальном смысле делом. Жизнь в столице среди императорского двора требовала больших затрат, которые никоим образом не покрывало жалование. Поэтому гвардейскими офицерами становились, как правило, представители достаточно состоятельных фамилий, новой или старой аристократии. В материальном смысле они не зависели от престола. Более того, учитывая частые «дворцовые перевороты», считали, что монархи зависят от преданности гвардии. Все эти факторы способствовали формированию особого самосознания гвардейского офицерства, своего рода «сливок» российского дворянства, – это повышение собственных потребностей и учет своих прав, формирование механизмов их защиты. Поэтому, когда вчерашние гвардейские офицеры получали государственные должности, у них отчасти сохранился дух прежней «вольности» или самосознания значимости собственной личности.

В то же время эта непростая ситуация способствовала тому, что впервые открыто был поставлен вопрос о политических реформах. Правда, первоначально преобразования проводились весьма своеобразными методами. Наиболее характерен здесь пример, рассказанный Н.П. Вильбоа: «Канцлер и другие сенаторы не соглашались с Меншиковым [короновать Екатерину Алексеевну, жену Петра I – Н.К.] и желали возвести на престол внука Петра I. Видя себя стесненными и угрожаемыми Меншиковым, они хотели требовать мнения Сената, также некоторые предлагали отворить окно и спросить у народа, толпами собравшегося около дворца, но Меншиков ввел в залу вооруженных офицеров, бывших в передней, и не допустил открыть окно, говоря хладнокровно, что «на дворе

не лето» и что лучше всего передать власть Екатерине и немедленно отправить к ней делегацию с известием о том, что и было исполнено, так что никто не осмелился более противоречить» [4, с. 33].

Таким образом, разрушая традиции, Петр I выбил и социальную опору из-под монархии – боярскую аристократию, а новая политическая сила только начала формироваться, но при этом служилое дворянство, гвардейское офицерство видели в правителе всего лишь человека, пусть и наделенного высшей властью. Исчезла сакральность монархии. Более того, учитывая частые «дворцовые перевороты», считали, что монархи им обязаны тронном. Поэтому стал возможен переворот 1762 г. в пользу Екатерины II, которая не имела никаких прав на престол. Фактически это был первый «харизматичный» лидер на российском политическом олимпе. Конечно, своеобразным гарантом ее власти был сын, наследник. Екатерина II при вступлении на престол включила «цесаревича Павла Петровича» в текст присяги, как бы легализуя свою власть.

Отношения матери с сыном, императрицы Екатерины II с великим князем Павлом Петровичем, складывались сложно. Он не был ее идейным наследником. Прагматичная Екатерина II, не допуская великого князя Павла Петровича до управления страной, не могла не задумываться о будущем. М.М. Сафонов, посвятивший монографию анализу вопроса, было ли заявление императрицы Екатерины, отмечает, что еще в начале царствования она сделала набросок Указа о престолонаследии [10]. В этом небольшом отрывке Екатерина II указывает: «1) Называть сей закон императорской статьей Екатерины Второй; 2) Императорский престол не может быть порожен; 3) По смерти моей, сын мой наследует; 4) По сыне моем, если старшему сыну его двадцать один год миновало, то сей старший сын наследует, если же он менее двадцати лет с годом, то короновать мать его, пока царствует во всю жизнь ея, ибо от малолетства самодержца империи было бы опасно; 5) Если б мужское колено пресеклось, то старшая дочь; 6) ...» [6, с. 385]. По сути этот указ – оправдание захвата власти, гарантом которой был великий князь. Поэтому дальше небольшого наброска дело не пошло. Екатерина II укрепила свою власть и снова задумалась о законодательном закреплении передачи престола. К 80-м гг. XVIII в. относится еще один проект манифеста о престолонаследовании, найден-

ный историком В.А. Григорьевым только в 1914 г. В нем императрица предлагала передавать престол по мужской линии и наследником самой Екатерины II напрямую назывался цесаревич Павел Петрович. Н.К. Шильдер довольно подробно описывает совещания, которые, по его мнению, проводила Екатерина II с великим князем Александром Павловичем, пытаясь получить от него согласие на приход к власти в обход отца, однако никаких ссылок на источники своей информации не приводит, кроме ссылок на камер-фурьерские журналы, которые повествуют о встречах Екатерины II и Александра Павловича. И не более [12, с. 240–249]. Итак, завещания нет, и Павел Петрович вступил на престол после скоропостижной смерти императрицы Екатерины.

Физическое укрепление династии и принятие императором Павлом I закона о престолонаследии, казалось бы, должны были положить конец всем переворотам. Тем не менее в начале XIX в. происходит то, что даже в бурном XVIII в. было сложно себе представить – организуют заговор и убивают законного монарха, правившего не один год. Среди объективных причин, почему такое вообще стало возможным, явилось изменение места, роли, статуса монарха в России. Царь, самодержец, помазанник Божий в XVII в. стоял столь высоко над своими подданными, что никому из родовитого боярства не могло прийти в голову сместить, а тем более убить царя, занимающего свое, объективное, место в государственной иерархии. Петр I получил титул императора, но при этом низверг монарха из «полубога» в «человека». А человеку свойственно ошибаться, особенно когда около него нет какого-либо легитимного совета, органа, признаваемого политической элитой, который имел бы право совместно с монархом управлять страной и при этом нести ответственность за принимаемые решения. Отсутствие объективных факторов, обеспечивающих стабильность власти, делают ее заложницей политической случайности и субъективизма.

Управление, тем более страной, имеет свои законы, которые вывел и обосновал Макс Вебер. Политические реалии России XVIII – начала XIX в. это только подтвердили, когда при отсутствии механизма передачи власти в рамках признаваемой политической элитой традиции престол получила не имеющая на него, но обладающая харизмой Екатерина II. В то время как законный наследник престола, император

Павел I, не смог сохранить свою власть и был убит заговорщиками. Это при том, что не было проблем, связанных ни с наличием прямых наследников по мужской линии, ни правового вакуума, так как Павел I издал Указ о престолонаследовании.

Природу политических переворотов и заговоров можно определить в следующем: отсутствие признаваемой и принимаемой новой политической элитой механизма или традиции передачи верховной власти. Появление чиновничества, выслуживших чины офицеров коренным образом поменяло расстановку сил на вершине власти. Новые аристократы были преданы конкретному правителю, а не монархической идее в целом. При отсутствии каких-либо рычагов воздействия на правителя оставался единственный способ «донести» свои мысли и чаяния – осуществить переворот.

Безусловно, перевороты и заговоры XVIII – начала XIX вв. были наследием модернизационных реформ Петра I, но не «платой за них», а следствием незавершенности процесса политической трансформации при переходе от традиционного к бюрократическому, индустриальному обществу. Меняя форму и тип формирования политической элиты, необходимо было реформировать и саму верховную власть. Замысел императора Петра I, что правитель может свободно передать трон достойному наследнику, оказался обреченным на провал. Альтернативной традиционному лидерству могла быть только узаконенная форма избрания правителя, например, конституционная монархия. Однако особенности формирования российской государственности, тип политической элиты и иные причины не позволили решить проблему стабильности верховной власти именно в этом ключе, что и привело к череде «дворцовых переворотов», цареубийств, загадочных смертей монархов и, в конечном итоге, к свержению самодержавия.

1. Анисимов, Е.В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра [Текст] / Е.В. Анисимов. М.: Мысль, 1986. 239 с.

2. Бойцов, М.А. «Клии страшный глас...» [Текст] / М.А. Бойцов // Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825. М.: Современник, 1991. С. 5–20.

3. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

4. [Вильбоа, Н.П.] «Из краткого очерка или Анекдотов о жизни князя Меншикова и его детях» [Текст] / Н.П. Вильбоа // Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825. М.: Современник, 1991. 590 с.

5. Волкова, И.В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. [Текст] / И.В. Волкова, И.В. Курукин // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 40–61.

6. Екатерина II. Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии [Текст] // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 385.

7. Курукин, И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. [Текст] / И.В. Курукин. Рязань, 2003. 570 с.

8. Ключевский, В.О. Сочинение в 9 т. [Текст] / В.О. Ключевский. Т. 4. М.: Изд-во «Мысль», 1989. 400 с.

9. Прокопович, Ф. Правда воли монаршей // ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. VII. № 4870.

10. Сафонов, М.М. Завещание Екатерины II. [Текст] / М.М. Сафонов. СПб.: ЛИТА, 2001. 312 с.

11. Соловьев, С.М. Сочинения в 18 кн. [Текст] / С.М. Соловьев. Кн. XI. М.: Мысль, 1993. 693 с.

12. Шильдер, Н.К. Император Павел Первый [Текст] / Н.К. Шильдер. М.: Чарли, 1996. 544 с.

References

1. Anisimov E.V. (1986) *Rossija v seredine XVIII v.: Borba za nasledie Petra*. Moscow, 239 p. [in Rus].

2. Bojcov M.A. (1991) «Klii strashnyj glas...» // *So shpagoj i fakelom: Dvorcovye perevoroty v Rossii 1725–1825*. Moscow, pp. 5–20 [in Rus].

3. Veber M. (1990) *Izbrannye proizvedenija: Per. s nem. / Sost., obshh. red. i poslesl. Ju.N. Davydova; Predisl. P.P. Gajdenko*. Moscow, 808 p. [in Rus].

4. [Vilboa N.P.] (1991) «Iz kratkogo ocherka ili Anekdotov o zhizni knjazja Menshikova i ego det-jah» N.P. Vilboa // *So shpagoj i fakelom: Dvorcovye perevoroty v Rossii 1725–1825*. Moscow, 590 p. [in Rus].

5. Volkova I.V., Kurukin I.V. (1995) *Voprosy istorii*, no. 5–6, pp. 40–61 [in Rus].

6. Ekaterina II. (1875) *Russkaja starina*, no. 2, p. 385 [in Rus].

7. Kurukin I.V. (2003) *Jepoha «dvorskih bur»: Oчерki politicheskoj istorii poslepetrovskoj Rossii, 1725–1762 gg.* Rjazan, 570 p. [in Rus].

8. Kljuchevskij V.O. (1989) *Sochinenie v 9 t.* Т. 4. Moscow. 1989. 400 p. [in Rus].

9. Prokopovich F. (1830) *Pravda voli monar-shej* // ПСЗ-1. Sankt-Peterburg, no. 4870 [in Rus].

10. Safonov M.M. (2001) *Zaveshhanie Ekateriny II*. Sankt-Peterburg, 312 p. [in Rus].

11. Solovev S.M. (1993) *Sochinenija v 18 kn.* Кн. XI. Moscow, 693 p. [in Rus].

12. Shilder N.K. (1996) *Imperator Pavel Pervyj*. Moscow, 544 p. [in Rus].

UDC 321.61

PALACE COUPS AS A TOOL FOR ESTABLISHING ABSOLUTE MONARCHY IN RUSSIA IN XVIII – THE BEGINNING OF XIX CENTURIES

Korshunova Nadezhda Vladimirovna,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
The Department of History,
Head of the Department Chair of Russian History and Law,
Doctor of History, Associate
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: korshunovanv@cspu.ru

Annotation

The article analyzes reasons and consequences of political conspiracies and coups in the history of Russia in XVIII – the beginning of XIX centuries. The author considers problems of loss of authority by the Supreme power during the stated period under preserving absolute monarchy. During XVIII and the beginning of XIX centuries the problem of political reforms was on the issue many times, but it wasn't solved.

Key concepts:

palace,
coup,
succession to the throne,
plot,
regicide,
political elite,
Peter I,
Yekaterina II,
Paul I.

УДК 101

**ЧТО ТАКОЕ
«ФИЛОСОФСКОЕ
ПАРТНЕРСТВО» И
КАК ЕГО ПРАКТИКОВАТЬ**
(Рецензия на книгу: Lahav R.
Handbook of Philosophical-Contemplative Companionship: Principles, Procedures, Exercises. – Chieti: Solfanelli, 2016. – 72 p. – ISBN 978-88-7497-988-2)¹

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический
университет,
заведующий кафедрой философии и
культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой подробную рецензию на книгу американского философа-практика Рана Лахава «Руководство по философскому партнерству» (Chieti, 2016), которую можно считать отправной точкой для дальнейшего развития идей философской практики в новом формате философско-созерцательного диалога.

Ключевые понятия:
современная философия,
философствование,
философская практика,
философское партнерство,
философский диалог,
самопознание,
Р. Лахав.

Книга известного американского философа-практика Рана Лахава «Руководство по философскому партнерству», которая в скором времени появится в переводе на русский язык, будет интересна для тех, кто хотел бы практиковать философию в повседневной жизни, кто чувствует в себе философскую «жилку», но в силу тех или иных обстоятельств ему еще не удалось реализовать себя на этом поприще. Конечно, практиковать философию, философствовать можно по-разному. Книга Рана Лахава будет действенным руководством для тех, кто желал бы воспользоваться этой формой практики, исходя не из «школьной» академической традиции, а из тех мировоззренческих вопросов и проблем, которыми наполнен мир повседневности. Задача заключается в умении поднять эти вопросы и проблемы на уровень философской рефлексии.

Можно с уверенностью сказать, что философская практика может быть интегрирована в повседневный образ жизни человека, а философствование может иметь практическую значимость. В этом главный замысел данной книги. Он заключается в опыте отношений. Как пишет в предисловии к книге итальянский философ Сильвия Пероначи, «такая встреча является чем-то большим, чем просто физическое взаимодействие, она напоминает нам о скоротечности времени. Только тогда, когда мы преодолеем ограниченность нашего мышления и перейдем к открытому взаимодействию, мы сможем действительно стать друзьями. Только тогда мы сможем ценить мудрость и жить мудро» [3, p. 5].

Автор книги, Ран Лахав, работает в области философской практики более 20 лет. Как практикующий философ он ведет курсы по философской практике в университете, публикует статьи и книги по этой тематике², разрабатывает новые методы философской практики, которые успешно использует в индивидуальной и групповой работе. Он

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

² *Stepping out of Plato's Cave*, Loyev Books, 2016; *Oltre la Filosofia: alla ricerca della saggezza* (In Italian: Beyond Philosophy: the investigation of wisdom), Apogeo, 2010; *Comprendere la Vita: La consulenza filosofica come ricerca della saggezza* (In Italian: Understanding Life: Philosophical Counseling as a Search for Wisdom), Apogeo, 2005; *Essays on Philosophical Counseling*, Lanham: University Press of America, 1995; "The Philosophical Gardner," in: Lydia Amir, *New Frontiers of Philosophical Practice: Expanding Boundaries*, Cambridge Scholars Press, 2016; "Philosophical Practice – Quo Vadis?" in: Ed. Stephen Costello, *The Philosophy Clinic*, Cambridge Scholars Press, 2016; "Contemplative Philosophy and Philosophical Practice," in: Ed. Michael Noah Weiss, *The Socratic Handbook*, LIT Verlag, 2015; "Philosophical Counseling in Search of Self-Edification," *Overtures: Revue de Philosophie, Theologie, et Psychanalyse*, 2:2014; "Philosophical Counseling and Self-Transformation," in: Ed. Elliot Cohen, *Philosophy, Counseling, and Psychotherapy*, Cambridge Scholars Press, 2013 и др.

родился и вырос в Израиле. В 1980-е годы получил докторские степени по философии и психологии в Мичиганском университете (США). К философской практике он присоединился на ранней стадии ее развития и помогал ее продвижению, в частности, инициировав вместе с Лу Мариноффом Первую международную конференцию по философской практике в 1994 году в Канаде [1, с. 8]. Ран Лахав создал первый в мире университетский курс по философскому консультированию, который в течение пятнадцати лет преподавал в Университете Хайфы в Израиле. На протяжении многих лет Ран Лахав записывает интервью с практикующими философами со всего мира. Он собрал богатейшую коллекцию этих видеозаписей [2].

В 2014 году Ран Лахав вместе со своей коллегой из Перу Кармен Завала основал веб-сайт *Agora* (www.philopractice.org) – место он-лайн встреч философов-практиков со всего мира. Этот новый философский храм «мышления в единении» чрезвычайно многообразен. Он приветствует всех – не только специалистов в области философской практики, но и любого, в ком живет философ. Цель проекта – помочь всем желающим самостоятельно начать практику осмысления самих себя и мира вокруг. Одним словом, этот проект направлен на возрождение традиции философских размышлений, которая долгие годы была ограничена лишь специальными университетскими курсами, но теперь вновь возвращается в повседневную жизнь.

В 2015 году Ран Лахав предложил новый формат философской практики – философское партнерство (*philosophical companionship*) [4]. Анализу именно этой формы практики посвящено рецензируемое издание. Философское партнерство представляет собой группу собеседников, которые совместно размышляют над теми или иными жизненными проблемами, обретая значимый для них философский опыт, расширяя границы своего понимания. Вместо того, чтобы спорить и отстаивать собственное мнение, собеседники, отказавшись от своих привычных стилей мышления, стремятся найти отклик друг у друга, как музыканты, импровизирующие вместе, создавая вдохновляющую их музыку, которая дает ощущение глубины и полноты смыслов. Собеседники встречаются он-лайн или лицом к лицу, часто «вооружившись» философским текстом, и

философствуют с помощью организатора беседы, задающего ее основные процедуры.

Философское партнерство основано на убеждении, что философская рефлексия способна затронуть и пробудить скрытые глубины самосознания человека и добавить ощущение полноты жизни за счет взаимопонимания между собеседниками. Однако чтобы это произошло, философская рефлексия должна быть больше, чем просто интеллектуальная беседа, больше, чем декларация собственных взглядов, больше, чем логический анализ или решение логических проблем. Должны быть затронуты глубинные уровни самосознания на фоне более широких горизонтов жизни посредством реальной связи с другими людьми. Поэтому это сообщество избегает безличных мнений и мыслительных штампов, заимствованных извне, и добивается созвучия внутри партнерской группы. Это ведет философскую рефлексию участников группы за пределы их привычных границ понимания, развивает умение прислушиваться к чужому голосу (или члена группы, или того или иного философа).

Главными принципами философского партнерства являются:

Философский опыт, т.е. основанное на опыте понимание, которое достигается посредством философского размышления над той или иной жизненной проблемой. Это понимание осуществляется не только нашим интеллектом, но затрагивает нас всецело, касается глубинных уровней нашего бытия. Оно изменяет нас в том смысле, что мы хотя бы на время меняем наши привычные представления.

Мышление «с чистого листа», т.е. собеседники ведут свои рассуждения не в контексте своих привычных мнений и убеждений, а в более широком контексте, стремясь выйти за границы своих привычных способов мышления, за границы своего «маленького я».

Взаимопонимание, т.е. собеседники оценивают себя по тому вкладу, который они вносят в общий ход философской рефлексии группы, вместо того, чтобы утверждаться за счет других, преследуя свои индивидуальные цели. Собеседники не спорят друг с другом, не анализируют друг друга, не подавляют мнение другого, скорее они дополняют и обогащают философскую рефлексию друг друга. Каждый собеседник обеспокоен только тем,

что происходит с другими, и с группой в целом.

Мыслительный резонанс, то есть собеседники стремятся приобщиться к идеям друг друга также, как музыканты импровизируют вместе, каждый на своем инструменте, стремясь к созвучию, давая волю импровизации, и создавая тем самым богатую симфонию идей. Они не противопоставляют себя друг другу (или философскому тексту), они не изолируют свою мыслительную позицию от других (или от текста), они не высказываются с позиции третьего лица.

Вдумчивое чтение, т.е. размышление над текстом происходит «с чистого листа» без каких-либо предубеждений. Упор делается на новые идеи, которые могут возникнуть в ответ на определенные слова в тексте или слова собеседника, иногда обдуманно, иногда спонтанно.

Сеть идей, то есть внимание группы сосредоточивается на нескольких основных идеях, которые имеют между собой существенную связь, устанавливая тем самым ключевые мысли, заключенные в том или ином философском тексте.

Философское партнерство можно выстраивать с опорой на разные типы рефлексий, которые могут дополнять друг друга: рефлексия по поводу текста, т.е. собеседники совместно изучают философский текст (или его главную идею); рефлексия по поводу жизненного опыта, то есть собеседники ведут разговор по поводу тех или иных жизненных событий, которые могут придать дополнительное значение рассматриваемой проблеме или быть хорошим примером к ней. Слушание её – важный компонент беседы, самопознание происходит за счет понимания чужого жизненного опыта; рефлексия по поводу умозаключений, то есть собеседники «прислушиваются» к собственным мыслям или мыслям другого. Они пытаются понять их во всей глубине и дать им интерпретацию в форме логических умозаключений или поэтических метафор.

Общие принципы философского партнерства, как новой формы духовной деятельности, подробно описаны в первой главе «Руководства». Автор неоднократно подчеркивает, что философское партнерство – это не обычная дискуссионная группа. Во-первых, слово «партнерство» (*companionship*) подразумевает особые отношения между людьми. В отличие от

дискуссионных групп, в которых участники выражают свое личное мнение и делают выводы, партнеры по философствованию думают сообща, «резонируют» друг с другом и с текстом. Во-вторых, данное партнерство философско-созерцательное. Слово «созерцательный» (*contemplative*) подразумевает то, что партнеры думают и взаимодействуют, исходя из глубинного аспекта своего бытия.

Ран Лахав определяет философско-созерцательное партнерство, с точки зрения трех его главных элементов: деятельности группы; стремления, которое направляет эту деятельность; и долгосрочной цели группы.

Деятельность в партнерстве, по мысли автора, обладает тремя основными характеристиками:

Во-первых, когда партнеры рефлексиируют над философским текстом или идеей, они делают это из своей внутренней глубины. Они думают и взаимодействуют не из ограниченной или поверхностной части себя, не из своих мыслительных шаблонов, мнений или аналитического ума. Скорее они пытаются следовать голосу бытия.

Во-вторых, партнеры мыслят и беседуют сообща. Вместо того чтобы *мыслить об идеях друг друга, они мыслят совместно* друг с другом. Как джазовые музыканты, которые резонируют друг с другом, создавая общую музыкальную композицию, партнеры резонируют друг с другом и вместе развивают свое философское понимание. Образно говоря, они находятся плечом к плечу, а не напротив друг друга, разделенные своими мнениями.

В-третьих, партнеры также находятся в единстве с философским текстом. Они резонируют с ним, вместо того, чтобы просто соглашаться или не соглашаться.

«В партнерстве, – пишет Ран Лахав, – нами движет желание прикоснуться к глубине и через внутреннее измерение достичь основы нашего существования. Это стремление подобно платоновскому Эросу или любви. И как в каждой истории любви не все моменты одинаковы, так и в философском партнерстве не все моменты полны переживания» [3, р. 19]. Однако философское партнерство оказывает воздействие как непосредственно, так и в долгосрочной перспективе. Партнерские сессии могут развить нашу философскую восприимчивость и умение оценить глубину, улучшить нашу способность совместно-

го созерцания и культивировать наше внутреннее измерение. В опыте созерцательных упражнений наши умозрительные способности и восприимчивость, вероятно, улучшатся, даже если это и не является главной причиной нашего участия в сессии.

Далее автор обращается к истории философии и приводит примеры мыслителей, которые видели цель философии в философской практике самотрансформации. Платон, например, в аллегории пещеры предположил, что цель философии состоит в том, чтобы выпустить нас к солнцу добра, красоты и истины из темной пещеры, в которой мы заключены. Античные стоики использовали философские размышления для освобождения от эмоциональных привязанностей, для нахождения рационального «внутреннего руководства», развития спокойствия и гармонии с космосом. Спиноза утверждал, что по мере продвижения в философском понимании мы прогрессируем в обретении блаженного состояния «интеллектуальной любви к Богу». Философия Ж.-Ж. Руссо показывает нам, что обычно мы отчуждены от самих себя, но что мы можем воссоединиться с природной самостью внутри нас. Философия Ф. Ницше вдохновляет нас на преодоление своего «маленького я» с целью обретения величественной жизни «сверхчеловека». Р. Эмерсон призывает нас открыть в себе высшие источники вдохновения, названные им «сверх-душой». Поэтическая философия А. Бергсона стремится развить в нас интуитивную оценку нашей глубины, целостности внутренней жизни. И этот список можно продолжать. Все этих философов Ран Лахав именует «трансформирующими мыслителями». Он пишет: «Интересно, что эти трансформирующие мыслители принадлежали к разным философским школам и разным историческим периодам. Они использовали разные концепции и совершенно по-разному представляли себе статус человека. И, тем не менее, их всех объединяет общая тема: представление о самотрансформации» [3, р. 21].

Таким образом, по мысли Рана Лахава, философское партнерство призвано служить принципиально новым (третьим) форматом философской практики, наряду с философским консультированием и дискуссионными группами. Этот формат, как считает автор, является *более философским*, в сравнении с консультированием и

более личностным, в сравнении с дискуссионной группой [3, р. 25].

Во второй главе «Руководства» рассматриваются несколько концептов, которые являются центральными в работе философского партнерства – это концепты глубины, внутреннего измерения, внутреннего отношения, «разговора с», созерцания, наделения голосом, единения и резонирования.

Итак, философский текст затрагивает нашу внутреннюю глубину – и здесь мы находим тесную связь между глубокими идеями и нашей личной внутренней глубиной. Глубина также тесно связана с философствованием. Если я переживаю идею во всей ее глубине, то я понимаю ее как прикосновение к чему-то фундаментальному в человеческом существовании. Вот почему философствование имеет особый потенциал в пробуждении глубины. Философия, в конце концов, имеет дело с основными жизненными проблемами. Наконец, глубина также связана с совместным действием [3, р. 28].

Теперь несколько слов о «внутреннем измерении». Автор «Руководства» ссылается на труды философов, которых он назвал ранее «трансформирующими философами». Несмотря на то, что они не использовали понятия «внутреннее измерение», их идеи развивались именно в этом направлении. Среди идей этих мыслителей есть много общего. Во-первых, все они говорят нам, что наше повседневное состояние, состояние до трансформации, ограничивается фиксированными схемами и структурами, а также контролируется с помощью автоматических психологических установок. Во-вторых, в отличие от подробного описания состояния до трансформации, мало что говорится о самом состоянии трансформации, иными словами о жизни после того, как она была преобразована. Это предполагает, что состояние трансформации, не следует некой общей формуле. В то время как наше нормальное состояние легко описать, поскольку оно ограничено жесткими схемами, наша внутренняя жизнь после трансформации свободна от привычных структур и моделей. Она не может быть сведена под общее описание. Таким образом, делает вывод автор, «трансформация, которую представляли эти мыслители, приводит человека к состоянию внутренней свободы и целостности, что выходит за рамки нашей обычной рассогласованности» [3, р. 30].

Ран Лахав неоднократно подчеркивает также важность «внутреннего отношения», в которое мы ставим себя во время разговора или размышления. Слова являются мощным и гибким инструментом и для того, чтобы использовать их в созерцании, а также для того, чтобы использовать их для обращения к внутреннему измерению, мы должны произносить их с соответствующим внутренним отношением [3, p. 31].

Таким образом, наш способ говорения «окрашивает» наше внутреннее отношение и это следует не столько из того, что мы говорим, но в первую очередь из того, как мы это говорим. «Говорение о» – описание, информирование, анализ – ставит нас в одно внутреннее отношение, в то время как жалоба, мольба или чтение стихов ставят нас в совершенно иное внутреннее отношение. Каждое из этих отношений вовлекает различные ресурсы внутри нас, разную восприимчивость, различную внутреннюю активность, разные способности.

Для того чтобы совершенствовать наше внутреннее измерение, мы должны практиковать его. Ран Лахав пишет: «Мы практикуем наше внутреннее измерение, когда мы говорим и слушаем “из” него, иными словами из нашей чувствительности к глубине. Философское общение, следовательно, есть формат, разработанный для того, чтобы помочь нам говорить и слушать из нашего внутреннего измерения. Говорение и слушание из нашего внутреннего измерения называется *созерцанием*» [3, p. 35].

Созерцание есть метод наделения голосом нашей внутренней глубины путем преодоления нашей привычки контролировать свои мысли, это открытие пространства тишины внутри нас и приглашение внутренней глубины выразить себя в этом пространстве. Для этого требуется отношение, которое вовлекает всю нашу сущность: наш выбор слов, интонации нашего голоса, ритм нашей речи, положение нашего тела, наше внимание и мысли. Все это, очевидно, требует опыта и подготовки. Автор пишет: «Когда я наделяю голосом свою внутреннюю глубину или человеческую реальность, которая резонирует глубоко во мне, я использую свой собственный язык, свои собственные образы, свои собственные чувства, а также свои культурные склонности, предположения и предубеждения. Я есть человеческое существо, такое же, как философ, который написал текст, который я читаю. Человеческая реальность никогда

не говорит во мне сама по себе, потому что я всегда “окрашиваю” ее движение внутри меня своим личным способом мышления, своими чувствами, своим творчеством. Наделение голосом есть акт восприимчивости, который также является в высшей степени творческим актом» [3, p. 38].

Единение, как еще один базовый концепт философского партнерства, означает, что мы отказываемся от разделения на свои и чужие мысли, на свои и чужие взгляды, на свои и чужие убеждения. Это не означает, что мы согласны друг с другом, скорее, согласие или несогласие больше не является для нас проблемой. В единении мы оставляем за бортом те свои мнения и убеждения, которые не имеют отношения к нашей беседе. «На протяжении всей сессии, – отмечает Ран Лахав, – я уже не отдельный мыслитель, кто придерживается своих собственных взглядов, кто изолирован от мнения других. Я больше не “владелец” своего королевства идей. Вместо этого, я становлюсь голосом в хоре, принимаю участие в попытке обогатить и продвинуть мышление группы в целом. Мои мысли сплетаются с мыслями моих собеседников так, что все мы создаем сложную структуру идей всей группы» [3, p. 39].

Третья глава «Руководства» посвящена практическим вопросам организации философского партнерства. Автор отмечает, что существуют разные способы проектирования философского партнерства. Некоторые из них до сих пор не опробованы. Далее автор дает подробные рекомендации по проектированию философского партнерства.

Во-первых, группа не должна быть слишком маленькой или слишком большой. Обычно это 5–10 участников в он-лайн сессиях и 8–15 – во встречах лицом к лицу. Обозначенное число участников позволяет организовать взаимодействие, которое станет живым и глубоким, с одной стороны, управляемым и целенаправленным, с другой. «Группе, которая слишком мала, может не хватать динамики и того чувства единения, которое способна дать большая группа. С другой стороны, в группе, которая является слишком большой, не хватает времени на каждого участника, упражнения могут показаться скучными или же хаотичными и неуправляемыми» [3, p. 43].

Автор рекомендует использовать в партнерских сессиях короткие тексты длиной около половины страницы. «Текст

не рассматривается нами как авторитет, которому нужно следовать, – пишет Ран Лахав, – он служит отправной точкой, дающей партнерам единое пространство идей. Кроме того, трудно изобрести глубокие философские идеи на пустом месте, а хороший текст, в свою очередь, как отправная точка уже богат идеями. Так что всякий раз у нас нет необходимости начинать думать с нуля» [3, р. 46].

Четвертая глава, завершающая «Руководство», посвящена подробному описанию процедур и упражнений, которые можно использовать в практике философского партнерства. Эти процедуры и упражнения помогают погрузиться в созерцательное отношение. Иными словами, они настраивают нас думать и взаимодействовать из нашей глубины. Обычной дискуссии недостаточно для этой цели, она сможет активировать лишь автоматический режим говорения, но может не соответствовать цели партнерства. Иногда процедуры и упражнения делают взаимодействие несколько «неестественным», отмечает Ран Лахав, но именно в этом их цель: вытащить нас из нашего «естественного отношения», из состояния «автопилота» [3, р. 49].

Философское партнерство может быть успешными только тогда, когда партнеры поддерживают соответствующее внутреннее отношение – созерцательное отношение, которое очень отличается от нашего обычного режима высказываний, декларирования, осуждения и мышления с позиции внешнего наблюдателя. Таким образом, процедуры и упражнения не должны рассматриваться в качестве «уловок» для проведения сессии интересно и весело, но как основные инструменты, которые помогают созерцать. «Невозможно думать об упражнении в партнерстве как об успешном или неуспешном независимо от вопроса о том, способствовало ли это упражнению созданию созерцательного отношения, – отмечает автор [3, р. 50].

К основным процедурам философского партнерства, имеющие образные, символические наименования, относятся: «Драгоценный разговор» (*Precious Speaking*) [3, р. 50–52], «Направленная беседа» (*Intentional Conversing*) [3, р. 52–54], «Медленное чтение» (*Slow Reading*) [3, р. 54], «Философское повторение» (*Ruminatio*) (*Philosophical Chanting*) [3, р. 55]. Упражнения делятся автором на две группы: упражнения для изучения текста и упражне-

ния для интерактивных занятий. К первой группе относятся: «Созерцательное изучение» (*Contemplative Study*) [3, р. 56–57] и «Прогулка по ландшафту идей» (*Walking in a landscape of ideas*) [3, р. 57–61]. Ко второй – «Слушание из опыта» (*Listening from an experience*) [3, р. 61–62] и «Групповая поэма» (*Group Poem*) [3, р. 62–63].

Наиболее любопытным мне представляется упражнение «Прогулка по ландшафту идей». В этом упражнении участники исследуют «ландшафт» философской теории, делая это изнутри, как будто бы гуляя по нему. Мы «гуляем внутри» этого ландшафта, исследуя то, как один ориентир связан с другим, а также исследуем новые пути, которые не обозначены в тексте. Мы можем также привнести в этот ландшафт свой личный опыт и расположить его там. Результатом этого станет исследование, которое одновременно является интерпретирующим (мы верны внутренней логике философа) и личным (мы выходим за пределы ландшафта философа, чтобы исследовать новые пути идей и опыта). «Когда мы гуляем по ландшафту идей философа, мы должны отказаться от собственных мнений для того, чтобы следовать по ландшафту. Делать так, значит всегда совершать важный шаг в направлении созерцания», – заключает автор [3, р. 59].

Таким образом, в своем «Руководстве» Ран Лахав дает обобщение идеям и методам, которые окажут помощь в организации совместной глубокой и проникновенной созерцательной философской деятельности. По мере того как группа продолжает работать вместе, растет ее сплоченность и близость, развивается ее способность пробуждать внутреннюю глубину участников.

Разумеется, потенциал философского партнерства огромен, и есть много путей его развития, что еще ожидает своего исследования. Мы надеемся, что другие практикующие философы продолжат изучение этих идей и предложат новые процедуры и упражнения. «Руководство по философскому партнерству» Рана Лахава можно считать отправной точкой для дальнейшего развития этих идей, а не окончательной рамкой.

Тем не менее, при разработке новых идей важно иметь в виду общую картину, в особенности, ее цель – культивирование внутренней глубины, созерцательную ориентацию и дух единения. Философско-созерцательное партнерство поддерживают

именно эти три столпа. Конечно, можно было бы разработать форматы, не созерцательные по своей сути. Такие группы могут фокусироваться, например, на дискуссиях, или на обмене личным опытом, или на развитии навыков диалога и т.д. Это могут быть замечательные группы, но было бы неверно называть их философскими в истинном значении этого слова. «Руководство» Рана Лахава позволяет избежать путаницы в определении собственно *философского* содержания групповой работы. Данная работа должна быть созерцательной, вовлекать в совместное резонирование и направлять на культивирование внутренней глубины.

1. Лахав, Р. Философская практика – Quo Vadis? [Текст] / Р. Лахав // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7–14.

2. All Participants on Agora website [Электронный ресурс]. URL: <https://philopractice.org/web/archive-all-participants> (дата обращения: 23.03.2016).

3. Lahav, R. Handbook of Philosophical-Contemplative Companionship: Principles, Procedures, Exercises [Текст] / R. Lahav. Chieti: Solfanelli, 2016. 72 p.

4. Philosophical-Contemplative Companionships [Электронный ресурс]. URL: <https://philopractice.org/web/companionship> (дата обращения: 23.03.2016).

References

1. Lahav R. (2016) Socium i vlast', no. 1 (57), pp. 7–14 [in Rus].

2. All Participants on Agora website, available at: <https://philopractice.org/web/archive-all-participants> (accessed 23.03.2016) [in Eng].

3. Lahav R. (2016) Handbook of Philosophical-Contemplative Companionship: Principles, Procedures, Exercises. Chieti, Solfanelli, 72 p. [in Eng].

4. Philosophical-Contemplative Companionships, available at: <https://philopractice.org/web/companionship> (accessed 23.03.2016) [in Eng].

UDC 101

WHAT IS "PHILOSOPHICAL PARTNERSHIP" AND HOW TO PRACTICE IT (Review of the book: Lahav R. Handbook of Philosophical-Contemplative Companionship: Principles, Procedures, Exercises. – Chieti: Solfanelli, 2016. – 72 p. – ISBN 978-88-7497-988-2)

Borisov Sergey Valentinovich,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
Head of the Department Chair of Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Annotation

The article presents a detailed review of the book written by an American philosopher-practitioner Ran Lahav "Guidance on philosophic partnership" (Chieti, 2016) which can be considered the starting point for further development of philosophic practice ideas in a new format of philosophic contemplative dialogue.

Key concepts:

modern philosophy,
philosophizing,
philosophic practice,
philosophic partnership,
philosophic dialogue,
self-cognition,
R. Lahav.

УДК 32

МИРОПОЛИТИКА: РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ УТОПИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ?

Рецензия на коллективную
монографию под ред.
**В.С. Мартьянова,
Л.Г. Фишмана**
**«Россия в поисках идеологий:
трансформация ценностных
регуляторов современных
обществ»**
(М.: Политическая
энциклопедия, 2016. 334 с.)

Давыдов Дмитрий Александрович,
Институт философии и права УрО РАН,
отдел философии,
младший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Аннотация

В рецензии рассматривается коллективная монография под ред. В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана «Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ». Отмечается актуальность и значимость данного труда. Вместе с тем, критикуется ряд выводов монографии, в частности, вывод о необходимости дополнения мироэкономики мироимперией («этической мироимперией»). Показано, что воплощение мирополитического идеала невозможно до тех пор, пока на международной арене сохраняются серьезные противоречия. Выдвигается тезис о том, что решение глобальных проблем человечества возможно и силами отдельных стран (в том числе России). Но для этого необходимо целенаправленное строительство общества, в котором больше не существует нужды в материальных благах, и поиск людьми смысла жизни приводит их к необходимости движения к лучшему будущему для всей планеты.

Ключевые понятия:
идеология,
утопия,
мораль.

Современное общество переживает ряд структурных трансформаций. В последнее время в академической среде часто отмечается, что существующая капиталистическая система надломлена, ее ожидает затяжной кризис, а потому, в конце концов, неизбежно посткапиталистическое будущее [2]. Однако с точки зрения идеологического многообразия настоящее предстает как нечто застойное и статичное: общество словно устало от социального экспериментирования и построения различного рода утопий. Господствует неоллиберализм, которому мало кто способен бросить вызов. Вернее, такие попытки существуют, и они многочисленны. Но как раз в силу своей многочисленности (мозаичности), нередкого эклектизма и отсутствия внятной социальной базы, все они оказываются на порядок слабее существующего мир-капиталистического статус-кво.

Именно этой проблематике «идеологического застоя» и посвящена рассматриваемая коллективная монография. Ключевой вопрос, поднимаемый авторами, звучит следующим образом: возможно ли в ближайшем будущем появление новых утопий, побуждающих людей изменять мир к лучшему, и «существует ли альтернатива идеологии как социальному регулятору в ситуации пересборки политического» [4, с. 384]? Сюда добавляются другие вопросы: если изменение мира к лучшему возможно, то какова роль в этом старых политических инструментов, показавших свою эффективность в рамках отдельных наций, но оказывающихся практически бессильными перед общемировыми проблемами? И может ли Россия предложить что-то миру в этом нелегком деле, тем самым связав внутреннюю модернизацию с решением общечеловеческих вопросов?

Поиск ответов на эти вопросы сталкивается с актуальной сегодня дилеммой: либо считать приоритетными внутренние проблемы отдельных стран, либо стремиться к мировой интеграции и преодолевать препятствия, стоящие перед всем человечеством.

На национальном уровне (в основном это касается развитых стран) сегодня становятся актуальными такие проблемы, как неравенство, рост числа людей без стабильной работы и социальных гаран-

тий (прекаризация) [5], автоматизация производства и распространение искусственного интеллекта, ведущие к возможному резкому «технологическом» скачку безработицы [6] и т.п. Соответственно, на государство возлагают надежды как на раздатчика всевозможных пособий, в том числе так называемого *безусловного дохода* как гарантированных выплат каждому гражданину некоторой фиксированной денежной суммы [1]. Предполагается, что данные пособия обеспечат всех оказавшихся «лишними» людей необходимым для полноценной жизни материальным минимумом.

На уровне *общемировом* также актуальна проблема неравенства, к которой добавляются терроризм, загрязнение окружающей среды и т.п. По всей видимости, решение экологической проблемы и обеспечение общемирового равенства возможно только в случае построения общемирового государственного образования, то есть своего рода мирополитической конструкции, основывающейся на универсальной эгалитарной морали и представляющей собой совокупность транснациональных институций. Разумеется, это означало бы утрату национальными государствами весомой части своего суверенитета, ибо глобальные проблемы можно решить только с помощью существенных усилий всех стран, что невозможно без довольно мощной координирующей силы.

Собственно говоря, сама дилемма заключается в том, что неясно, какому из уровней отдать предпочтение, а выбирать приходится, так как на все сразу возможностей человечества не хватит. Развитые страны могут попытаться решить свои внутренние проблемы (например, начать выплачивать всем безусловный доход), однако тогда им придется увеличить налоговую базу, не без того основывающуюся во многом на перераспределении глобальной ренты (фактически – международной эксплуатации). Более того, безусловный доход, скорее всего, приведет к расширению миграционных потоков в западные страны, а это означает, что им придется стремиться к изоляции от остального мира, не говоря уже о перспективах международной политической интеграции.

Авторы рецензируемой монографии делают выбор в пользу вопросов глобаль-

ного масштаба. Для них, по всей видимости, общемировой эгалитаризм важнее эгалитаризма локального. Соответственно, «глобальный мир – до тех пор, пока он действительно остается глобальным, будет нуждаться в дополнении мироэкономики мирополитикой, а следовательно, – той или иной версией морально-политического консенсуса, несводимого к локальной традиции или же локальной этике добродетели» [4, с. 77].

Разумеется, аргументация авторов монографии здесь не сводится исключительно к расстановке приоритетов. Скорее они констатируют реальную слабость современных национальных государств, утрату ими функции политического центра: «Переход к позднему, постнациональному Модерну характеризуется своего рода рассыпанием и потерей политической легитимности естественным национализмом как единством: а) индивидуальных прав гражданина, б) коллективной автономии граждан и в) территориально ограниченного, суверенного пространства государства, в рамках которого эти индивидуальные свободы и коллективная автономия осуществляются. Фактор пространства как сакрализации ограниченной территории перестает быть значимым. Территорией позднего Модерна становится весь мир» [4, с. 38].

Ключевым аргументом авторов монографии является констатация распространения постматериальных ценностей в развитом мире. Современный человек уже не считает основной целью жизни материальное благосостояние. Его в том числе беспокоят общемировые проблемы, проблемы человечества в целом. Отсюда вывод, согласно которому «значимыми элементами новой этики становятся постматериальные ценности... <которые> смещают в современных обществах акцент от необходимости выживания и накопления к росту ценности самовыражения (творчества). Происходит глобализация формата политического мышления, когда этическая мысль напрямую связана с интересами человечества, а права и обязанности распространяются на всех, без учета гражданства. При этом успех новой этики может быть обусловлен лишь большей универсальностью новых норм, которыми активное меньшинство (авангард) начинает руководствоваться в отличие от

конформистски и консервативно настроенного большинства» [4, с. 42–43].

Решить же общемировые проблемы невозможно силами отдельных наций. Только своего рода *мироимперия*, объединившая весь мир под лозунгами новых универсальных ценностей, способна сфокусировать усилия, создать нового субъекта, мыслящего глобально, решающего проблемы человечества в целом. Наконец, только общими усилиями можно восстановить контроль над многочисленными ТНК, заставить их работать на пользу всему человечеству. В данном контексте мирополитика выступает не только как большое надгосударственное образование. Это также целая сеть локальных центров. В качестве таких локальных центров вполне могут выступать мировые города, в которых «участие в процедурах репрезентативной демократии, связанное с рутинизированными и дискретными во времени выборами, <...> сочетается с участием в жизненных ситуациях, которые не предполагают делегирования властных полномочий неким представителям политических групп, но, напротив, основаны на личном и непосредственном включении» [4, с. 104].

В качестве возможной идеологической оболочки мирополитики, по мнению авторов монографии, вполне может выступить коммунитаризм, который мог бы положить начало политическому и этическому обоснованию новой, более универсальной, иерархии общностей. Чтобы человечество стало более важной общностью в контексте принятия политических решений, чем общности более партикулярного и конфликтующего между собой порядка – нации, классы, этносы и т.д. Как отмечается в монографии, «нам нужен высокий коммунитаризм, не как разновидность правого мировоззрения, но как демифологизирующий реализм», «как политическая философия, поднимающая универсальные вопросы о природе личности, общества, свободы и справедливости» [4, с. 174].

Среди несомненных достоинств монографии можно отметить то, что обозначенная проблема построения мирополитики впервые встраивается в проблематику поиска Россией своей национальной идеологии. Думается, один из ключевых тезисов монографии заключается как раз

в том, что Россия не сможет найти непротиворечивую «национальную идею» до тех пор, пока она зациклена на своих внутренних вопросах. Все попытки российской властью расставить акценты на собственной неповторимой идентичности сталкиваются с противоречиями, неизбежно вытекающими из самого хода российской истории и несоответствия прошлого нашей страны ее настоящему. Парадокс, по мнению авторов монографии, заключается в том, что «заигрывание с этнонационализмом и со словом “русский” для нынешней российской правящей элиты – дело необходимое и одновременно опасное. Конечно, можно заигрывать на уровне мифов символики и чувств, но нельзя копать слишком глубоко. Символика, мифы и чувства связаны с материальным, институциональным и идейным наследием советской эпохи» [4, с. 315]. Более того, все акценты на духовности, на традиционных ценностях, патриотизме и имперском прошлом неизбежно влекут к архаике. Об этом свидетельствуют выводы исследований авторами таких концептов, как «духовные скрепы» [4, с. 188–200], «Русский мир» [4, с. 311–317], а также результаты рассмотрения ими идеологической роли Дня Победы [4, с. 318–329] или, например, символических логик пессимизма в современной России [4, с. 282–296]. Дискурс, ведущий к архаике, по всей видимости, нужен элитам только для поддержания контролируемого гомеостаза. Они «втягивают значимые социальные группы населения в антимодерный консенсус путем наделения их некоторой символической долей от ресурсной ренты. Обмен части ренты на легитимность в глазах населения превращает последнее в заложника статус-кво, который невольно начинает разделять общую с властью идентичность и ценность стабильности сырьевой сверхдержавы» [4, с. 181].

Небезынтересен вывод авторов монографии, согласно которому Россия должна найти свой собственный путь модернизации, и этот путь должен выходить за рамки поиска решений ее собственных проблем. Обрести подлинную идентичность Россия сможет, только предложив мировому сообществу собственный проект общемировой модернизации, то есть, в сущности, возглавив мирополитическое

дело. Именно это и есть выход из замкнутого круга, по которому ходит Россия сегодня: от слепого копирования западных институтов и идеологий до эклектической попытки встроить в существующую систему то, что скопированному противоречит всем своим существом. Соответственно, мы можем только согласиться с тезисом из заключения монографии, согласно которому «свет универсальных ценностей сегодня уже не приходит ни с Востока, ни с Запада; напротив, теперь мы сами должны идти к нему» [4, с. 331].

Однако выводам монографии можно и возразить. В монографии так и не дается каких-то конкретных зарисовок институциональной структуры возможной мирополитики. То есть речь идет скорее о благом пожелании, о стремлении начать движение к лучшему, но что из этого выльется, еще только предстоит разузнать. Собственно говоря, в самом тексте признается, что «Подобная стратегия – это чистый *политический идеализм, но именно он является наиболее эффективной долговременной стратегией развития человеческой истории*» [4, с. 44]. Ясно одно: сначала появляется идеал, утопия, без которой невозможно реальное движение к лучшему миру. Именно формирование универсального ценностного ядра мирополитики авторы видят первоочередной задачей: «потенциал гибкой силы все интенсивнее связан с политикой утопии» [4, с. 272]. С этим трудно спорить. Действительно, мировое сообщество сегодня словно замерло в ожидании какого-то принципиально нового «большого проекта». Современному обществу сильно не хватает новой энергии, воли к экспериментированию, оно проникнуто консервативным духом, неверием в лучшее будущее.

Однако у потенциальной утопии должен быть потенциальный субъект, способный на глобальные изменения. На эту роль, конечно, могут претендовать те, кто прониклись постматериальными ценностями. Но вряд ли их субъектность можно экспортировать в страны третьего мира. Там ключевой проблемой является скорее выживание, нежели забота об общем благе на мировом уровне. А поскольку общемировой консенсус недостижим, то есть поскольку наиболее «проблемные» страны с самой неблагоприятной эколо-

гической и социально-политической обстановкой вынуждены решать свои насущные проблемы (и при этом нередко смотреть на западные страны с подозрением и недружелюбием), то говорить о мирополитике рано.

Соответственно, возникает вопрос: не стоит ли все начать как раз с разрешения социальных проблем наиболее развитых стран? Разумеется, это повлекло бы за собой дальнейшее нарастание общемировых противоречий. Но вполне возможно, что своеобразный «рентный социализм», то есть решение проблемы неравенства и прекаризации в западных странах за счет сохранения их доминирующего положения, является единственным выходом из затруднительной ситуации. Возможно, стоит сначала достичь «просветленного» состояния в отдельной части мира пусть даже путем временного игнорирования бедственного положения остальной части. К счастью, современное состояние науки и техники позволяет всерьез рассчитывать на общество, в котором большую часть материального производства берут в свои руки роботы, а люди получают все им необходимое просто за сам факт гражданства. «Общество труда» постепенно заменяется обществом сотрудничества и гражданских инициатив (Дж. Рифкин [3]). Думается, именно такое общество воспитает в себе новую мирополитическую субъектность. Люди, которых стремительно заменяют роботами, то есть те, кто теряют «трудовой» смысл своей жизни, неизбежно столкнутся с потребностью в новом смысле, который, вероятно, сочтется бы уже с добровольным улучшением мира к лучшему. Как отмечает автор нашумевшей книги «Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему» П. Мейсон, безусловный доход, «выплачиваемый за счет налогов, которые взимаются с рыночной экономики, дает людям шанс создать себе позиции в нерыночной экономике. Он позволяет им заниматься волонтерством, открывать кооперативы, редактировать Википедию, учиться трехмерному программированию или просто существовать» [2, с. 384]. Возможно, мессианское предназначение развитого мира сводится к будущему покаению, к «очищению от грехов». Но для этого ему потребуется для начала достичь определенного уровня технологического

развития, создать реальные средства, благодаря которым можно было бы изменить мир к лучшему, то есть экспортировать «мессианскую» субъектность в наиболее проблемные страны. Иными словами, *глобальное общество должно дорасти до такого состояния, в котором безусловным доходом (или его аналогом) можно было бы обеспечить весь мир*. По крайней мере, такая возможность должна быть представлена в обозримой перспективе, то есть быть реализуемой если не мировым правительством, то совместными усилиями людей, обретающих смысл жизни в благих предприятиях. И, наконец, только тогда, когда весь мир решит проблему нужды в наиболее насущном, когда сами развитые страны окончательно сбросят с себя моральное бремя эксплуататоров и мировых гегемонов, тогда, возможно, и станет осуществимой идея о мирополитике как моральном проекте всего общества, вырабатывающего стратегии изменения мира к лучшему.

Однако до такого состояния обществу придется еще долго идти. Авторы монографии совершенно справедливо отмечают, что в условиях позднего Модерна значение идеологии не угасло [4, с. 154]. Это может также означать, что остаются актуальными многочисленные проблемы, требующие своего идеологического осмысления на национальном уровне. В конце концов, раздача денег «лишним людям» вполне может привести лишь к росту иждивенческих умонастроений и торжеству гедонизма. Следовательно, существует еще огромное количество вопросов, разрешимых пока только отдельными нациями: от реформирования систем образования до формулирования стратегий реализации личного потенциала каждого в рамках сотрудничества государства и гражданского общества.

Относительно же России можно отметить, что она гипотетически может предложить миру новую утопию. Но сперва ей стоило бы решить внутренние социальные и экономические проблемы. Эти проблемы, несомненно, будут перекликаться с проблемами всего остального мира: здесь и ухудшение экологической обстановки, и «технологический» рост безработицы, и т.п. В этом смысле, действительно, преимущество России в ее отсталости, в меньшем консерватиз-

ме относительно неолиберального (и, в частности, капиталистического) статус-кво. Однако ключевой проблемой пока так и остается колоссальный уровень социального неравенства и существование довольно большой прослойки людей, живущих за чертой бедности. Поэтому вряд ли мы согласимся с одним из ключевых тезисов монографии, согласно которому «любая этически оправданная цель модернизации в настоящее время выходит за пределы наций» [4, с. 43]. Как уже было сказано выше, одна из проблем, с которыми столкнулось современное общество, заключается в том, что оно стало слишком консервативным, то есть не допускающим институционального экспериментирования (по всей видимости, здесь немалую роль сыграл печальный проект Советского Союза). В этом смысле, возможно, России придется преодолеть этот замкнутый круг хождения от одной устоявшейся политической структуры к другой, обратившись непосредственно к изобретению новых политических и экономических институтов (например, разработав свою собственную, пусть даже патерналистскую, модель безусловного дохода). В любом случае, роль нации как политического центра обновляющегося общества списывать со счетов пока рано.

В заключение отметим, что монография получилась весьма актуальной, ее авторам удалось представить оригинальную концепцию мирополитики. Тем не менее многие вопросы, поднимаемые в монографии, так и остаются открытыми, что свидетельствует о том, что авторы хотели скорее привлечь внимание к некоторой актуальной проблематике. Несомненно, миру нужна новая эгалитарная мораль. Без нее, возможно, человечеству не выжить. Однако вряд ли эта мораль станет основой для мирополитической интеграции в обозримой перспективе. По всей видимости, такая мораль может воплотиться только в чем-то вроде *покаяния* развитого мира за его многовековой статус доминирующего субъекта. Правда, этой стадии должен предшествовать период длительного «духовного становления», избавления от моральной слепоты. Развитый мир сам для начала должен отбросить все то, что сковывает его моральные чувства. А это уже задача,

стоящая, прежде всего, перед *национальным государством*, значимость которого в будущем не только не упадет, а, скорее всего, даже многократно возрастет.

1. Блашке, Р. Идея освобождающего безусловного дохода [Текст] / Р. Блашке, Д. Маттиас, Д. Йорг и др. [Электронный ресурс]. URL: http://www.psgd.info/files/publications/extern/bge_book_3.pdf (дата обращения: 04.03.2017).

2. Мейсон, П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему [Текст] / П. Мейсон. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

3. Рифкин, Дж. Третья промышленная революция [Текст] / Дж. Рифкин. М.: Альпина Нон-фикшн, 2014. 410 с.

4. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ: коллективная монография / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.

5. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс [Текст] / Г. Стэндинг. М.: Ад Маргинем, 2014. 328 с.

6. Форд, М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы [Текст] / М. Форд. М.: Альпина Нон-фикшн, 2016. 430 с.

References

1. Blashke R., Mattias D., Jorg D. i dr. (2016) Ideja osvobodzhdajushhego bezuslovnogo dohoda, available at: http://www.psgd.info/files/publications/extern/bge_book_3.pdf (accessed 04.03.2017) [in Rus].

2. Mejson P. (2016) Postkapitalizm: Putevoditel' po nashemu budushhemu. Moscow, Ad Marginem Press, 416 p. [in Rus].

3. Mart'janov V.S., Fishman L.G., eds. (2016) Rossiya v poiskah ideologij: transformacija cennostnyh reguljatorov sovremennyh obshhestv: Kollektivnaja monografija [Multiauthor book]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija, 334 p. [in Rus].

4. Rifkin Dzh. (2014) Tret'ja promyshlennaja revoljucija. Moscow, Al'pina Non-fikshn, 410 p. [in Rus].

5. Stjending G. (2014) Prekariat: Novyj opasnyj klass. Moscow, Ad Marginem, 328 p. [in Rus].

6. Ford M. (2016) Roboty nastupajut: Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty. Moscow, Al'pina Non-fikshn, 430 p. [in Rus].

UDC 32

WORLD POLITICS: REAL POSSIBILITY OR UTOPIC IDEAL?

Review on the multi-author monograph under the editorship of V.S. Maryanov, L.G. Fishman "Russia in the search of ideology: transformation of valuable regulators of modern societies" (M.: Political Encyclopedia, 2016. 334 p.)

Davydov Dmitriy Aleksandrovich,
Institute of Philosophy and Law of the
Urals Branch of RAS,
Department of Philosophy,
Junior Researcher,
Cand. Sc. (Political Sciences)
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Annotation

The review considers the multi-author monograph under the editorship of V.S. Maryanov, L.G. Fishman "Russia in the search of ideology: transformation of valuable regulators of modern societies". The author emphasizes topicality and importance of the given work. In the meantime the author criticizes some conclusions of the monograph, in particular the conclusion about the necessity of complementing world economy with world politics ("ethic world empire"). It is shown that implementing world political ideal is impossible while serious contradictions on the world arena are taking place. The author puts forth a thesis that solving global problems of humanity is possible by efforts of independent countries (Russia as well). It is necessary to purposefully construct a society in which there is need in material wealth and searching for life purpose brings people to the necessity to move towards better future of the whole planet.

Key concepts:

ideology,
utopia,
morality.

**ФГАОУ ВО «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
ФГБОУ ВО «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»
ТУРИСТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО «ГЛОБУС»**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас на **Всероссийское научное мероприятие
с международным участием**

**ЛЕТНИЙ ФИЛОСОФСКИЙ СЕМИНАР
«ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА (КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ):
АНАЛИЗ МИРОВОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА»**

**26 июля – 4 августа 2017 года
Крым, Коктебель(Феодосия), отель «Голубой залив»**

Цель и задачи семинара

- создание научной базы для презентации новых идей в области философской практики (консультирования), обмена этими идеями и разработки перспективной программы их использования в России, а также научного сотрудничества в междисциплинарных областях;
- обогащение традиционной философской проблематики новыми темами и исследовательскими задачами, актуализация связи философии с миром повседневности;
- распространение и популяризация философских знаний и способов философствования в условиях современной культуры;
- институциональное оформление российской научной школы (ассоциации) философов-практиков;
- знакомство российских ученых и широкой общественности с зарубежным и отечественным опытом использования философского инструментария для решения актуальных задач человеческого существования в мире повседневности;
- использование опыта философской практики в сфере образования.

**Летний философский семинар
предполагает работу в следующих формах**

1. Цикл докладов ведущих российских и зарубежных философов-практиков, посвященных главным теоретическим аспектам философской практики (консультирования). Предполагается по 1–2 доклада на каждый рабочий день.

Примерные темы докладов

- «История философской практики: накопленный опыт и перспективы развития».
- «Многообразие форм и методов философской практики: типология и структура».
- «Построение философского диалога: аргументация, проблематизация, вопрошание, концептуализация, интерпретация».
- «Философское партнерство: методологические принципы».
- «Философское консультирование в образовательной практике».

• «Философия для детей и взрослых: возрастные и социокультурные особенности философской коммуникации».

• «Философская практика и психотерапия: общее и особенное».

• «Формы философской практики в образовании: практический опыт и перспективы развития».

2. Свободная дискуссия участников семинара с целью практического закрепления теоретического материала, апробации предлагаемых методик, обмена идеями.

3. «Круглые столы» по проблемным вопросам, возникающим в процессе работы. «Круглые столы» будут посвящены рефлексии участников семинара по проблемам синтеза теории и практики философского консультирования. Главное назначение «круглых столов» – выработка комплексной программы дальнейших исследований в области философской практики и планирование мероприятий по осуществлению данной программы.

Примерные темы «круглых столов»

• «Организации и ассоциации философов-практиков».

• «Философское консультирование как профессия».

• «Философская практика и Интернет».

• «Философская практика и прикладные научные исследования».

• «Образовательные программы по теории и практике философского консультирования».

• «Философская практика и образовательный процесс».

4. Организация циклов интервью, онлайн сессий и онлайн консультирования с целью популяризации идей философской практики в российском информационном пространстве, что послужит заделом для создания постоянно действующего сайта философов-практиков России.

Оргкомитет располагается по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76, к. 434. Организационные вопросы (оргвзнос, проезд, размещение в гостинице и др.): Милаева Екатерина Галимулловна – e-mail: miliaevaeg@susu.ru (с пометкой «Летний семинар»), т. +79222346775

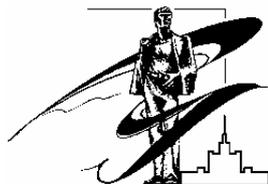
Заявки на участие принимаются **до 31 мая 2017 года (включительно)**. Материалы докладов и выступлений, а также информационную карту участника просим направлять в электронном виде на **e-mail: borisovsv69@mail.ru** (с пометкой: «Летний семинар»).

Все доклады и выступления будут опубликованы в электронном сборнике с видеофрагментами выступлений (РИНЦ), лучшие из них по решению конкурсной комиссии – в научном журнале «Социум и власть»: <http://siv74.ru>; требования к оформлению статей: <http://siv74.ru/index.php/trebovaniya-k-oformleniyu>), также материалы работы семинара будут отобраны для подготовки к публикации коллективной соавторской статьи в издании с БД Scopus.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТА УЧАСТНИКА

Фамилия, имя, отчество	
Ученая степень, ученое звание	
Должность	
Место работы	
Адрес электронной почты (e-mail)	
Форма участия	
Название доклада (статьи)	
Необходимость оформления командировочных документов (ДА / НЕТ)	

**SOUTH URAL STATE UNIVERSITY
SOUTH URAL STATE HUMANITARIAN PEDAGOGICAL UNIVERSITY
SCIENTIFIC JOURNAL "SOCIUM I VLAST" ("SOCIETY AND POWER")
TRAVELAGENCY "THEGLOBE"**

Dear colleagues!

We invite you to participate in
**Russian scientific event
with international participation**

**SUMMER PHILOSOPHICAL SEMINAR
"PHILOSOPHICAL PRACTICE(COUNSELING):
THE ANALYSIS OF WORLD AND RUSSIAN EXPERIENCE"**

July 26th – August 4th 2017

Crimea, Koktebel (Feodosia), Hotel "Голубой залив" ("The Blue Bay")

The purpose and problems of the seminar

- the presentation of new ideas in the field of philosophical practice (counseling), the exchange of these ideas and the development of the perspective program of their use in Russia;
- the enrichment of traditional philosophical problems with new themes and research tasks, the updating the connection of philosophy with the world of everyday life;
- the spreading and popularization of philosophical knowledge and methods of philosophizing in the conditions of modern culture;
- the foundation of Russian Association of Philosophical Practitioners;
- the acquaintance of Russian scientists and general public with the foreign and domestic experience of using philosophical tools to solve actual problems of human existence in the world of everyday life;
- the using of the experience of philosophical practice in the field of education.

**Summer philosophical seminar
implies following forms**

1. The cycle of lectures by leading Russian and foreign Philosophical Practitioners which are dedicated to the main theoretical aspects of philosophical practice (counseling). 1-2 lecturesperday.

Samplesoftopics:

- The history of philosophical practice: experience and prospects;
- The variety of forms and methods in philosophical practice: typology and structure;
- The building of philosophical dialogue: argumentation, problematization, questioning, conceptualization, interpretation;

- Philosophical Companionship: methodological principles;
- Philosophical counseling in the practice of education;
- Philosophy for children and adults: age and socio-cultural features of philosophical communication;
- Philosophical practice and psychotherapy: general trends and special features.

2. Free discussion of participants with the aim of practical use the theoretical material, of testing the proposed methods, exchanging ideas.

3. Round tables on the problematic issues that will arise in the process of the seminar. Round tables will focus on the reflection of the participants on the problems of synthesis of theory and practice of philosophical practice (counseling). The main purpose of the round tables is to develop the comprehensive program of further research in the field of philosophical practice and to plan the implementation of this program.

Samplesoftopics:

- Organization and Associations of Philosophical Practitioners;
- Philosophical counseling as a profession;
- Philosophical Practice and the Internet;
- Philosophical practice and applied scientific researches;
- Educational programs for philosophical counseling (theory and practice);
- Philosophical practice and the process of education.

4. Organization of cycle of interviews, online sessions and online counseling to promote the ideas of philosophical practice in the Russian information space, which will be step for the creation of a permanent website for Russian Philosophical Practitioners.

Summer philosophical seminar will be held on the Black Sea at the height of summer in the place that is symbolic for every Russian intellectual – Koktebel. Koktebel known as the meeting place for creative Russian intellectuals at the beginning of the twentieth century, because there was the house of the poet and artist Maximilian Voloshin. This is a symbolic place which is forever linked to the whole galaxy of names of Russian poets, painters, writers and philosophers. The unique combination of beautiful nature of the Black Sea coast with the intellectual heritage of Koktebel were determined the choice of the place for our seminar.

The conditions of participation

Chairman of the organizing committee:

Sergey Borisov, PhD in Philosophy, professor of SUSHPU and SUSU

Co-chairman of the organizing committee:

Elena Grednovskaya, PhD in Philosophy, associate professor of SUSU

Applications for participation are accepted till **May 31th, 2017**. The papers and presentations, as well as membership card information should be sent to the **e-mail**: borisovsv69@mail.ru (with note: **Summer Seminar**).

PARTICIPANT INFORMATION CARD

Name	
Academicdegree	
Position	
Placeofwork	
e-mail	
Theformofparticipation	
Titleofthelecture	

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19.100 знаков, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников менее 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.

Адрес в Интернете: siv74.ru

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIMUM AND VLAST» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the «Antiplagiat» system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308. Tel. 8(351) 771-42-30

Website: siv74.ru

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.